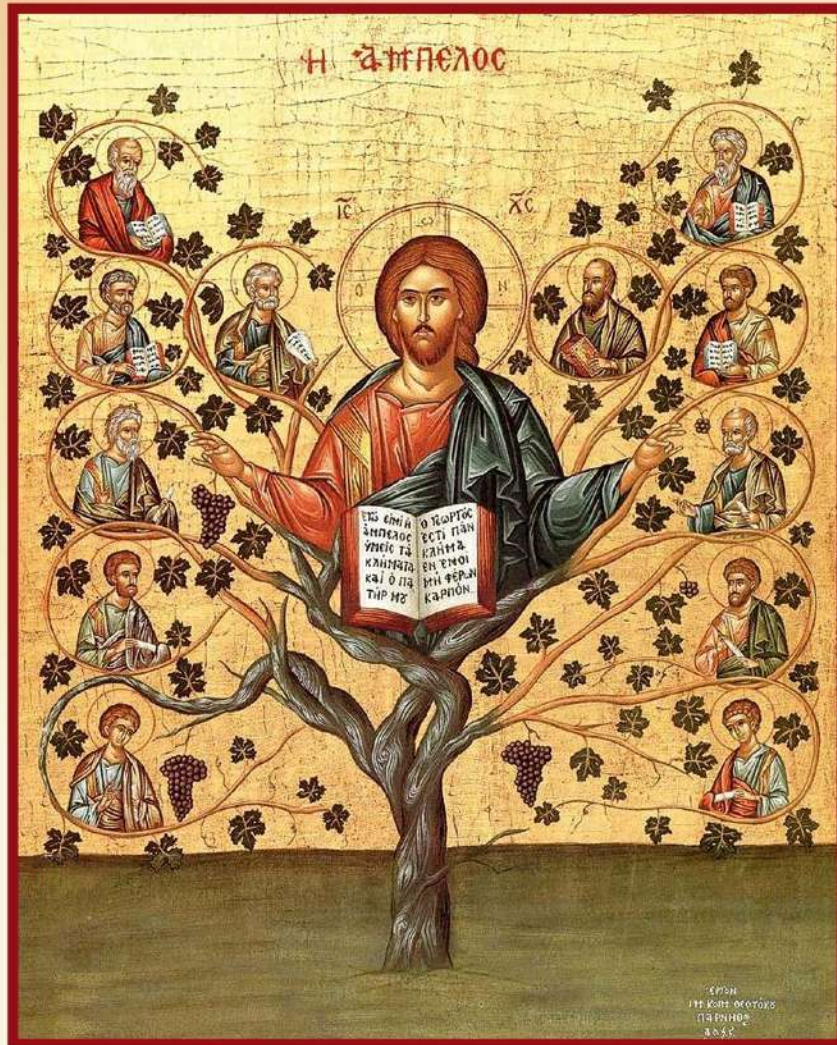

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Выпуск 5
2020

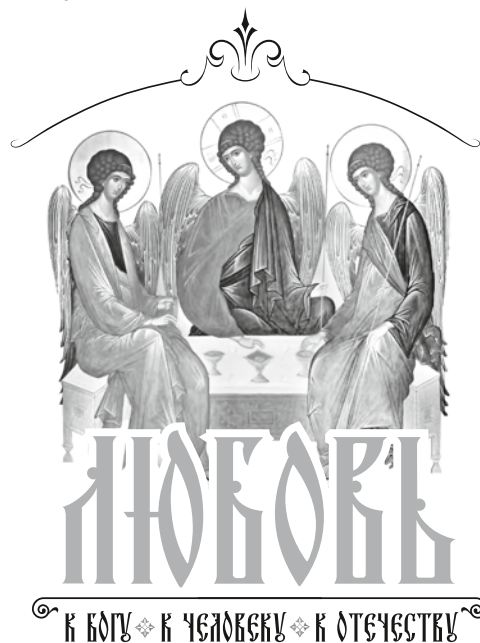
Я есть истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам. Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. Я есть лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нём, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают. Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам.

Ин.15,1-7.

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АЛЬМАНАХ Возвращение

Издаётся по благословению
Преосвященнейшего Софония,
епископа Губкинского и Грайворонского

2020

В Новом Завете есть много упоминаний о Церкви, но мы не найдём там её определения. Господь в Евангелии вообще не называет своих учеников Церковью, и само основание Церкви относит к будущему: «...создам Церковь Мою» (Евангелие от Матфея, глава 16, стих 18). Апостолы, как мы знаем, стали Церковью только в день Пятидесятницы, когда на них сошёл Святой Дух.

Давая нам понятие о том, что есть Церковь, Спаситель говорил образами.

В Евангелии от Иоанна Христос сравнивает Церковь с виноградной лозой. Видели ли вы когда-нибудь, как растёт виноград? Виноградный куст ветвист, его ветви бывают очень длинные, и каждая разделяется снова и снова, пока не заканчивается тяжёлой гроздью. Зачастую главного ствола совсем не видно за ветвями и листьями, но именно по нему проходит живительный сок, без которого не будет ни листьев, ни ягод.

Так и Христос призывает пребывать в Нём всех верующих в Него, чтобы все стали едиными с Ним, насытились Его Жизнью. Это становится возможным в Церкви, в Евхаристии, в Причастии. Подобно тому как сок питает лозу, живое присутствие Богочеловека Христа в Церкви наполняет смыслом жизнь каждого верующего – от Патриарха до простого мирянина.

В Евангелии есть и другая притча, раскрывающая отношение Христа к Церкви. Это известный рассказ о добром пастыре – пастухе, который отправляется на поиски

заблудившейся овцы (Евангелие от Луки, глава 15, стихи 3-7). Добрый пастырь – так называет себя Иисус Христос, а Церковь Свою сравнивает со стадом овец (Евангелие от Иоанна, глава 10, стихи 1-18).

Это сравнение может показаться не очень лестным. В наше время мы слишком далеки от такого отношения к природе, к земле, к животным, когда человек не просто кормится от них, но живёт с ними. Раньше было иначе. Овцы того пастуха, о котором говорит Христос, родились в его доме, его трудами вскормлены и защищены от волка. И вот одна из них отбилась от стада, ушла далеко. Но пастырь её забыть не может, и не потому, что потеря этой овцы принесёт убыток, а потому, что она дорога ему. Нас поражает та нежность, забота, с которой пастух относится к заблудившейся овце. Идёт искать, находит её, берёт на свои плечи и возвращает домой, в стадо. Стадо же – это не только отдельные овцы, это все они вместе во главе со своим пастухом.

Евангелие предлагает нам удивительный образ единства во Христе – единства свободного подчинения, сыновней любви, братского уважения, нежной заботы и надёжной защиты. И как овцы за пастухом, так и христиане идут за своим Пастырем Христом, потому что знают голос Его и признают только Его голос.

В Евангелии есть и другие образы Церкви. Это и образ сети, в которую попадает множество больших и малых рыб (Евангелие от Матфея, глава 13, стихи 47-50), и образ закваски, поднимающейся вместе с тестом (Евангелие от Матфея, глава 13, стих 33). Все они говорят нам о великой преображающей силе, которую находит человек в Церкви на своём пути к Богу и от которой уже вовек не может отказаться. Но главное, что мы можем вынести из Евангелия, – указание на удивительное, таинственное, невидимое и в то же время явственно ощущаемое верующими единство со Христом-Спасителем и друг с другом.

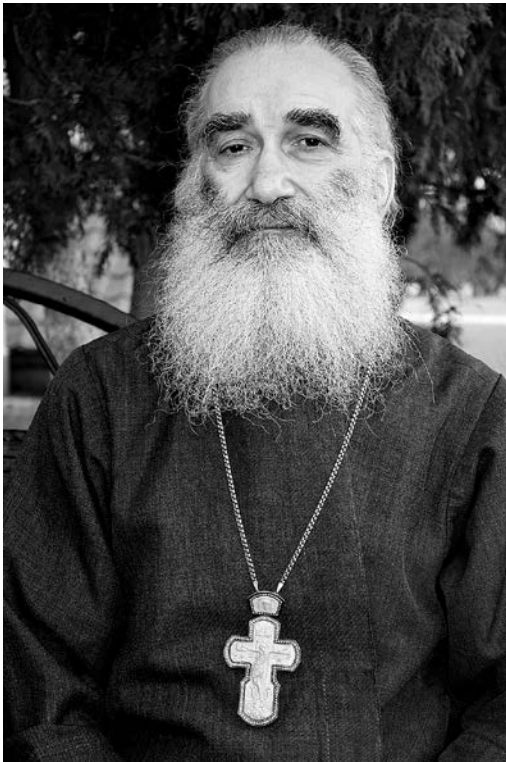
Следуя примеру Христа, апостолы также говорили о Церкви образами.

Один из наиболее часто встречающихся – образ Церкви как невесты Христовой (Евангелие от Иоанна, глава 3, стих 30). Брак Церкви и Христа – это образ целостной, нерасторжимой любви. Что значит – невеста Христова? Невеста – та, кто сумела так полюбить, что готова последовать за любимым и в радости, и в горе, быть с ним везде, где бы он ни оказался. Путь Христа – это крестный путь. И Его невеста – это Его творение, отвечающее на любовь Божию любовью, готовностью разделить Его земную судьбу.

Пожалуй, один из самых известных и часто употребляемых образов Церкви – Тело Христово.

Приобщение к этому Телу есть приобщение к Самому Христу. Так установил Сам Христос, причастивший Своих апостолов за Тайной вечерей со словами «приимите, ядите: сие есть Тело Мое... пиите от нея вси, сия есть Кровь Моя Нового Завета» (Мф. 26, 26-28). И в другом месте Он сказал: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день» (Ин. 6, 54).

Церковь – это Христос, живущий в людях. Члены Церкви – единый организм, все части которого неразделимы с того момента, как они стали Телом Христовым. Дух Божий, пронизывающий собою тело Церкви, соединяет всех воедино, вливая в сердца любовь. Эта любовь становится для верующих принципом жизни и отношения к другим людям.

СЛОВО РЕДАКТОРА

Человек... Пожалуй, это самое главное слово в нашем языке. Разве не для человека существует мир во всём его многообразии? И разве не от человека зависит почти всё, что происходит в этом мире? Только Бог, если мы веруем в Него, пребывает всегда в настоящем. А мы с некоторых пор вынуждены жить прошлым и мечтать о будущем. А настоящее для нас практически неуловимо. Время и Вечность – вот те главные категории, которые определяют нашу жизнь, и от того, как мы понимаем их, в основном и зависит природа наших поступков.

Взирая на нынешнюю действительность, можно с уверенностью сказать, что время ведёт себя так, словно Вечности вовсе не существует. На протяжении всей истории для мудрых людей было очевидным наличие этой убийственно опасной тенденции, и они громко об этом не только говорили, но даже и кричали, дабы предупредить мир о неми-

нуемой катастрофе, которую он готовит себе своими собственными руками. Но где появлялась цивилизация, представляемая наукой и зрелищами, там, как констатирует очень внимательный наблюдатель середины 20 века Освальд Шпенглер, культура медленно, но верно погибала. А ведь культура – это душа нашей жизни, это плод глубоко внутренних вздохов и переживаний человечества, которые свидетельствуют о его высочайшем предназначении. Но принцип «разделяй и властвуй» неминуемо порождает очень древнюю формулу «хлеба и зрелищ», которая во всей своей красе демонстрирует свою поразительную жизнестойкость и в наше время.

Фактически человек продаёт свою душу за земные удовольствия, еду и развлечения, комфорт и физическую безопасность. Но ведь всё это лишь поверхность жизни, но не её суть. Как и поверхность океана вовсе не является самим океаном, но лишь тонкой плёнкой, скрывающей сам океан, непостижимо глубокий и многообразный.

Много разных вирусов породил человек за свою историю, но, пожалуй, самый страшный из них – это вирус безбожия. При его наличии человек становится беззащитным перед любым другим вирусом: вирусом зависти, ненависти, сребролюбия, осуждения, лжи, панического страха и даже того вируса, которого, может быть, и вовсе не существует в природе.

И ложь, которой пропитывается человек в результате воздействия на него этой заразы, становится, пожалуй, самым действенным и страшным оружием самоуничтожения. И самое опасное в ней то, что она весьма ловко выдаёт себя за правду, и духовно ослабленный человек, потерявший способность различения, легко идёт у неё на поводу. И это зашло настолько далеко, что в наше время лидеры целых вполне уважающих себя держав, то есть лучшие представители своего народа, весьма эффективно используют это оружие. Сегодня они говорят одно, завтра – совершенно другое, а послезавтра – третье. А что же в таком случае делать простым «смертным»? Вероятно, чтобы вписаться в тот мир, который конструиру-

ют вышеупомянутые персоны вместе с окружающей их элитой, им нужно тоже лгать? Каждому из нас рано или поздно придётся ответить на этот вопрос. В противном случае дальнейшее существование планеты Земля может оказаться бессмысленным. Ибо зачем жить человеку в том мире, который пропитан ложью? И зачем миру человек, сотканный из лжи?

После распада Советского Союза все американские президенты, не исключая нынешнего, методично и громогласно заявляли о том, что их держава является самой великой во всех отношениях. Однако времена меняются: совсем недавно Китай в лице своего председателя пообещал, что их держава к 2035 году станет самой сильной в экономическом отношении, намекая на то, что США придётся потесниться.

Но мы-то, с нашей славной историей и потрясающей культурой, должны понимать, что политика и экономика – это лишь поверхность человеческой жизни. И главная задача для человечества сегодня, если оно хочет выжить, – привести в гармонию взаимоотношения между культурой и цивилизацией. Лишь то общество, где подлинная культура, способствующая появлению высокой морали, нравственности и духовности, задаёт тон и становится во главе общественных процессов, сможет разумно использовать плоды цивилизации. И нам думается, что именно Россия могла бы подать (да уже и подаёт) пример того, как это нужно делать. И тогда слово «Человек» могло бы звучать так, что весь окружающий нас живой мир понял, что оно обозначает не изворотливого и ненасытного зверька в человеческом обличье, а благородного и способного на сочувствие настоящего Человека, вполне ответственного за свои поступки и умеющего любить и прощать. А ведь это и есть, в сущности, удел сильных людей и сильных народов.

Протоиерей Николай Германский.

Возвращение

Духовно-просветительский альманах

Белгород – Губкин – Ракитное
Духовно-просветительский центр имени
архимандрита Серафима (Тяпочкина)

РЕДАКТОР

Протоиерей Николай Германский

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.В. Аксютин – философ, общественный деятель

В.И. Аннушкин – доктор филологических наук, профессор Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина

В.В. Блохин – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и социально-экономических дисциплин РУДН

А.В. Богатырёв – режиссёр-документалист, писатель

В.Д. Ирзабеков – писатель, публицист, гл. редактор портала Благотворительного фонда свт. Луки (Войно-Ясенецкого)

М.Г. Калинин – ответственный секретарь и член Союза кинематографистов России, первый вице-президент Международной Академии творчества

А.Ю. Минаков – доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, руководитель Центра по изучению консерватизма

С.А. Минаков – член Союза писателей России

Т.В. Москвина-Яценко – киновед, преподаватель ВГИКа, член жюри кинофестиваля «Радонеж»

В.В. Овчинников – чл.-корр. Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения, заслуженный работник культуры РФ

Н.М. Ракитянский – доктор психологических наук, профессор кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

В.Н. Расторгуев – доктор философских наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

В.И. Теличкина – народная артистка Российской Федерации

В.И. Тонких – заместитель председателя Союза кинематографистов России, политолог

И.А. Чарота – доктор филологических наук, профессор, академик Сербской Академии наук и искусств, зав. кафедрой славянских литератур Белорусского госуниверситета

ВЁРСТКА И ДИЗАЙН:

Лариса Плужникова

КОРРЕКТОР

Надежда Васильева

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

309310, Белгородская область, п.Ракитное, ул.Коммунаров, 7
Тел. +7(47245)5-64-36, e:mail: snhram@yandex.ru
сайт: www.hram-rakitnoe.ru

Подписано в печать 07.05.2020. Объем 24 печ. л. Печать офсетная. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 3000 экз. Заказ 4437. Отпечатано в типографии «Принт Мастер», г. Белгород, ул. Костюкова, 16а. Тел. +7(4722)555-929.

Содержание

Письмо Н.И. Рыжкова		6
Никто не забыт, ничто не забыто		8
Фото о ВОВ		
Сергий Босак	Священная война	16
Верные сыны Отечества		
Валерий Духанин	Памяти Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена	20
Ольга Каменева, Дмитрий Симонов	Старец Кирилл (Павлов): история солдата, который стал духовником нескольких патриархов	24
	Исповедник святитель Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ Симферопольский	28
Николай Рыжков	На Прохоровском поле каждый метр – братская могила	32
Стихи о войне	«Я знаю, никакой моей вины...»	37
Русская мысль		
Виктор Тростников	Цикл завершается. Что дальше?	40
	Наше время: его место в череде эпох	47
Александр Ужанков	Учебник русской жизни	50
Александр Щипков	«Бессмертный полк» – это мостик к национальной идее	61
Цивилизация		
Николай Ракитянский	Великобритания как суперсубъект глобальной политики в пространстве ментальных исследований	66
Ги Меттан	Запад – Россия. Тысячелетняя Война. За что мы так любим ненавидеть Россию?	75
Пётр Толочко	В ненависти к русским мы проклинаяем и самих себя	81
Церковь и время		
Архимандрит Рафаил (Карелин)	Крест	93
	О свободе	96
Архимандрит Кирилл (Павлов)	Как надо жить на земле	101
Архиепископ Боярский Феодосий (Снигирёв)	О будущем православия на Украине и в мире	108
Владимир Илларионов	Оптина Пустынь в жизни Льва Толстого	115
Сергей Комаров	Сладость и горечь слова Божьего «Ты нас убил». Жертвы АТО	123
		125
Русский исход		
Дмитрий Соколов	Кровавый исход	128
Врангель Пётр Николаевич	Гражданская война в России: оборона Крыма	134
Протоиерей Павел Боянков	Генерал, равный Суворову	137
Слово о смерти		
Алексей Осипов	Девять вопросов о смерти	141
Духовное наследие		
Григорий Палама	Послание к своей Церкви	146
Добрая старина		
Татьяна Черникова	Кнуты и пряники «Домостроя»	152
17 добрых традиций из прошлого		157
Книжная полка		
О замечательном детском писателе		167
Геннадий Снегирёв	Рассказы	168
Светлые образы		
Российская империя в цвете		174

**ЧЛЕН СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ул. Б.Дмитровка, д. 26, Москва, 103426

"19" сентября 2019г.

№ 35 – 8/к

Настоятелю
Свято-Никольского храма п. Ракитное,
лауреату литературной премии
"Прохоровское поле"

Н.С. ГЕРМАНСКОМУ

**Ваше Высокопреподобие!
Досточтимый и дорогой отец Николай!**

Несколько дней тому назад я получил из Белгорода духовно-просветительский альманах «Возвращение», выпуск № 4 за 2019 год, редактором которого являетесь Вы.

Так распорядилась моя судьба, что где бы я ни работал, как бы со мной жестоко ни обращалась жизнь, я всегда стремился много читать и классику, и современную литературу, и публицистику.

У меня сложилось твёрдое убеждение, что в основном современная литература, и особенно публицистика, не направлена на воспитание соотечественника в духе исторических традиций нашего народа. Идёт тотальное разрушение моральных принципов русского человека. Главную скрипку здесь играют телевидение, радио и т. д.

Это, на мой взгляд, весьма опасная тенденция для будущих поколений нашей страны. Мы бездумно следуем за Западом, не понимая, что это будет трагично для нас. Культура и мораль Запада – это красивое внешне яблоко с гнилой сердцевиной. Кто-то это понимает, а многих обольщает именно внешний вид этого яблока.

А возьмите недавнюю информацию о кощунстве свадебного ритуала кандидата в президенты страны госпожи К. Собчак. Разве это не смачный плевок в сторону наших моральных устоев и в том числе – Русской Православной Церкви?

«Пышным цветом расцветают» у нас лжеучёные, лжепророки, лжеспециалисты различных мастей. Они действуют безнаказанно в деле растления нашего народа.

Обобщая всё это, можно сделать вывод – идёт тотальное наступление на моральные основы государства, а это, на мой взгляд, страшнее, нежели всякие экономические невзгоды. Экономiku ещё можно исправить, а вот душу человека мы потеряем навсегда.

Всё это я говорю под впечатлением прочитанных статей в Вашем альманахе. Отрад-но, что в региональном сборнике помещаются такие серьёзные философские статьи. Большое спасибо Вам за это. Если бы у нас было больше подобных публикаций, то наш народ не шёл бы на поводу всяких разлагающих «учений».

Я прекрасно понимаю, что этот материал не для рядового прихожанина, но ведь и формирование мировоззрения в основном осуществляется не им.

В заключение я хотел бы пожелать, чтобы Вы находили такие нужные для нынеш-ней жизни злободневные темы и открывали глаза людям на их актуальность.

К примеру, к 75-летию Великой Победы чрезвычайно обострился вопрос о смысле и об итогах Великой Отечественной войны. То, что уже многие годы зарубежные «друзья» и наши отечественные «специалисты» ставят под сомнение смысл и итоги этого жесто-чайшего в истории человечества времени, – известно всем. Только вот отпора активно-го этому нет.

В последние годы развернулась борьба с исторической памятью того времени – памятниками героям Великой Отечественной войны. Ведь они призваны доносить до нынешнего и грядущих поколений правду о тех величайших событиях. Прибалтика и Польша стали застрельщиками этого грязного дела, сейчас подключились наши «бра-тушки» – болгары, чехи и т. д.

Вам, полагаю, известны провокационные заявления, сделанные в Германии в канун 12 июля этого года, священной для Белгородчины и всей страны даты. Им бы молчать в «тряпочку» во все времена! То, что они натворили у нас в годы войны, не забудется никогда!

Поверьте мне, с уходом в мир иной ветеранов войны и тыла положение будет ещё больше накаляться. Защитить нашу историю можем только мы, ныне живущие, а мы это делаем очень плохо. Я полагаю, что Вам известно, что выпад немецкой прессы в этом году в отношении исторической значимости Прохоровского сражения сформировался у нас в стране, а если точнее, в Белгородской области!

Мной названа только одна тема, а в реальной жизни их немало. Говоря об этом, я про-сто выражаю свои мысли. В редакционной коллегии у Вас весьма интересные и автори-тетные люди, и они могут блестяще справиться с задачей – сохранением отечественно-го мировоззрения.

И в заключение. К моему юбилею был издан 10-томник избранных моих скромных публицистических материалов.

Прошу принять его на добрую память о многолетней нашей дружбе и взаимном ува-жении.

С искренним
и неизменным уважением

Н. И. Рыжков

Н.И. Рыжков

Н Никто не забыт, ничто не забыто

НИКТО НЕ ЗАБЫТ,
НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

75
ПОБЕДА!
1945–2020

II Никто не забыт, ничто не забыто

II Никто не забыт, ничто не забыто

Никто не забыт, ничто не забыто

Сергий Босак,
священник (Белоруссия)

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА (Духовные корни Великой Победы)

Победа в Великой Отечественной войне – это величайшее событие не только в истории Руси, но и в истории Церкви, которая в первый же день войны, несмотря на предшествовавшие два десятилетия невиданных по силе и жестокости гонений, призвала своих чад встать на борьбу с врагом...

22 июня 1941 года, в день Всех Святых в Земле Русской просиявших, ровно через два часа после выступления по радио наркома иностранных дел В.М. Молотова о нападении Германии на Советский Союз, в Богоявленском кафедральном соборе Москвы выступил Местоблюститель Патриаршего престола – митрополит Московский и Коломенский Сергей (Старгородский).

Из уст гонимой советским государством Церкви прозвучали великие слова: «Наше дело – правое, враг будет разбит. Победа будет за нашим народом!».

В своём Послании «Пастырям и пасомым христианской Православной Церкви» от 22 июня 1941 года митрополит Сергей писал:

«...Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю.

Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона.

Жалкие потомки врагов православного христианства хотят ещё раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием, принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания!

С Божьей помощью и на сей раз он развее фашистскую вражью силу.

Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что молили Бога не о личных опасностях и выгодах, а о своём священном долге перед Родиной и верой, и выходили победителями.

Не посраим же их славного имени и мы, православные, родные им по плоти и по вере! Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью в тяжкий час послужить Отечеству всем, чем каждый может.

Вспомним святых вождей русского народа – Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину.

Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатыре Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алёше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника.

...Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15.13).

Негоже пастырям лишь посматривать на то, что кругом делается, и при этом малодушного не ободрить, огорчённого не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией!

...Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно ради Иисуса, а не ради хлеба куса, как выразился святитель Дмитрий Ростовский.

Положим же души своя вместе с нашей паствой!

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины!

Господь нам дарует победу!».

Потрясающий документ!

То, о чём сначала робко, а затем более решительно заявляла советская пропаганда, Патриарший Местоблюститель написал в первые же часы войны.

Ведь ещё не появились ни листовки, ни плакаты, призывающие к борьбе. Боевой агитпроп ещё в раздумье смотрел на свои прежние лозунги о классовой солидарности и соединении пролетариев всех стран, а Церковь уже определила лицо врага, указала на истоки грядущей победы, на перерастание народной войны в священную.

Этот духовный посыл нашёл отражение в главной патриотической песне Великой Отечественной войны, ставшей своеобразным гимном защиты Отечества, известным по первой строчке: «Вставай, страна огромная!»

24 июня 1941 года одновременно в газетах «Известия» и «Красная звезда» были опубликованы стихи поэта В. И. Лебедева-Кумача «Священная война».

Сразу же после публикации композитор А. В. Александров написал к ним музыку. Печатать слова и ноты не было времени, и Александров написал их мелом на доске, а певцы и музыканты переписали их в свои тетради.

Ещё день был отведён на репетицию.

26 июня 1941 года на Белорусском вокзале одна из не выехавших ещё на фронт групп Краснознамённого ансамбля красноармейской песни и пляски СССР впервые исполнила эту песню – пять раз подряд в течение этого дня.

Однако вплоть до 15 октября 1941 года «Священная война» широко не исполнялась, так как считалось, что она имеет чрезмерно трагичное звучание: в ней пелось не о скорой победе «малой кровью», а о тяжёлой смертной битве. И только с 15 октября 1941 года, когда вермахт уже полностью захватил Прибалтику, Белоруссию и большую часть Украины, «Священная война» стала ежедневно звучать по всесоюзному радио – каждое утро после боя кремлёвских курантов...

Отзвуки обращения владыки Сергия были слышны и в выступлении И.В. Сталина 3 июля, когда он обращался к народу с удивительными для большевистского руководителя словами: «Братья и сёстры...».

В осадные октябрьские дни 1941 года, когда до Москвы фашистам оставалось пройти всего полсотни километров, митрополит Сергей вновь обратился к московской пастве: «Не первый раз русский народ переживает иноплеменных, не первый раз ему принимать и огненное крещение для спасения родной земли!

Силён враг, но и «Велик Бог земли русской», – так воскликнул Мамай на Куликовом поле, разгромленный русским воинством.

Господь даст – придётся повторить этот возглас и теперешнему нашему врагу!».

...7 ноября 1941 года советские войска прямо с парада уходили на фронт.

Верховный главнокомандующий Иосиф Сталин с трибуны мавзолея обратился к воинам и говорил о вещах, которые совершенно не совпадали с идеологией того времени: «Пусть вдохновляют нас в этой войне мужественные образы наших великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского...», завершив свою речь утверждени-

Никто не забыт, ничто не забыто

ем: «Наше дело правое – победа будет за нами!».

Вот кто отныне должен был вдохновлять бойцов Красной Армии!

Это был последний резерв у Верховного главнокомандующего. В тот момент никаких больше резервов под Москвой не было.

В 1942 году, несмотря на военное положение и комендантский час, в Москве было разрешено празднование Пасхи, на которое в Богоявленский собор стянулись тысячи людей.

Храмы в СССР были вновь открыты. Повсюду отмечали 700-летие знаменитой битвы на Чудском озере.

4 сентября 1943 года состоялась историческая встреча Сталина с митрополитами Николаем (Ярушевичем), Сергием (Страгородским) и Алексием (Симанским), после которой правительство разрешило Церкви избрать Патриарха и восстановить церковные учебные заведения, а также – освободило из лагерей ряд оставшихся в живых пастырей.

В СССР стала возрождаться религиозная жизнь.

Возобновилось издание «Журнала Московской Патриархии».

Сотни священнослужителей, включая тех, кому удалось вернуться к 1941 г. на свободу, отбыв срок в лагерях, тюрьмах и ссылках, были призваны в ряды действующей армии.

Во вновь открывшиеся храмы хлынуло море людей – огненные испытания заставили их преодолеть страх и вновь обрести веру.

По призыву Церкви во всех храмах стали собираться средства в помощь стране и армии.

Всего было собрано более 8 миллионов рублей!

На эти средства были построены 40 танков, боевой путь которых начался у деревни Горелки под Тулой – недалеко от тех мест, где несколько веков назад Дмитрий Донской разгромил на Куликовом поле полчища Мамай.

За счёт церковных сборов также была построена авиаэскадрилья имени Александра Невского.

При передаче танков частям Красной Армии митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич) обратился к красноармейцам так: «Гоните ненавистного врага из нашей Великой Руси. Пусть славное имя Дмитрия Донского ведёт вас на битву за священную Русскую землю! Вперёд, к победе, братья-воины!».

Через несколько месяцев командование танковой части имени Дмитрия Донского написало ответ митрополиту: «Выполняя Ваш наказ, рядовые, сержанты и офицеры нашей части на вручённых Вами танках, полные любви к своей Матери-Родине, к своему народу, к вождю и отцу народов великому Сталину, успешно громят заклятого врага, изгоняя его из нашей земли.

На этих грозных боевых машинах танкисты прорвали сильно укреплённую долговременную оборону немцев на первом Белорусском фронте и продолжают преследовать врага, освобождая от фашистской нечисти родную землю...».

Священнослужителей можно было увидеть на подготовке рубежей обороны и в составе воинских подразделений. При храмах создавались санитарные пункты, убежища для престарелых и для бесприютных детей. Многие священники помогали партизанам, несли людям слово правды.

Всю войну в храмах возносилась молитва о даровании Победы, о тех, кто сражался с оружием в руках, о трудившихся в тылу, об исцелении раненых, об освобождении пленных, об упокоении павших...

Война закончилась в ликующие Пасхальные дни!

Пасха 6 мая 1945 года совпала с днём святого великомученика Георгия Победоносца. Именно в этот день немцы прекратили сопротивление, и началась подготовка к официальному подписанию Акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии.

8 мая, в день празднования Иверской иконы Божией Матери (покровительницы

Москвы), капитуляцию Германии от имени Верховного Главнокомандующего принимал маршал Георгий Константинович Жуков.

А сам Парад Победы состоялся 24 июня 1945 года – в День Святой Троицы...

«Наш народ выстоял и победил не только благодаря военной мощи. Особенно если вспомнить, что в начале войны наша армия многократно и по всем показателям уступала дивизиям вермахта.

Убеждён, что Победа нашего народа в Великой Отечественной войне стала возможной в силу сохранявшегося, несмотря на государственный атеизм тех лет, православного воспитания простых людей, которое заложило в них готовность к самопожертвованию за свою Родину, за её духовную свободу». (Святейший Патриарх Алексий: «Церковь неотделима от своего народа», 22.03.2005).

ВЕРНЫЕ СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА

Валерий Духанин,
священник

Памяти Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена

Среди выдающихся церковных деятелей XX века особое место занимает Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен (Извеков; † 3 мая 1990). Родился будущий Всероссийский Патриарх в городе Богородске Московской губернии 23 июля 1910 года в семье служащего. Его жизнь большей частью пришлась на период ожесточённой борьбы безбожной власти с Церковью Христовой, а его патриаршество (1971-1990 гг.) для Русской Православной Церкви знаменовало постепенное ослабление влияния атеизма и начало возрождения Православия в России.

«От Господа стопы человеку исправляются» (Пс. 36:23), – говорит пророк Божий царь Давид. То же мог бы о себе сказать Патриарх Пимен. В истории его необычной и многотрудной жизни виден особенный путь Промысла Божия. В жизни Патриарха Пимена были события, вполне достойные жития святого.

Жизнь Патриарха Пимена изучена недостаточно. Однако многие пробелы уже можно восполнить благодаря трудам писателя Алексея Григоренко, архимандрита Дионисия (Шишигина), преподавателя МДА Дмитрия Владимировича Сафонова.

В судьбе патриарха Пимена, как и в судьбах всего поколения начала XX века, Великая Отечественная война осталась незарубцевавшейся раной. Страшное испытание разделило жизнь целого народа на «до» и «после». И поворот биографии, который произошёл с Пименом (Извековым) в годы войны, был удивителен, но отчасти законо-

мерен: молодой иеромонах становится боевым офицером. Закономерным можно считать это превращение потому, что данный пример не был единственным.

Несмотря на то что каноны запрещают священнослужителям нести воинскую службу, история Церкви знает множество примеров, когда человек с крестом становился в воинский строй. В древности это были монахи-воины Пересвет и Ослябя. В Отечественную войну 1812-1814 годов 14 полковых священников получили ранения и контузии, священник Черниговского драгунского полка Кирилл Забуженков погиб в Бородинском сражении. К тому же времени относится первый в российской истории случай награждения священника орденом святого Георгия: за беспримерное мужество, проявленное в боях, высокой награды был удостоен священник 19-го егерского полка Василий Васильковский.

Ещё одним примером в этом ряду стал Сергей Михайлович Извеков, иеромонах Пимен, будущий Патриарх всея Руси.

На фронте путь Сергея Извекова складывается примерно так же, как и у многих других образованных молодых людей: после окончания пехотного училища ему присваивают офицерское звание, зимой 1942 года назначают командиром пулемётного взвода. Но опять-таки в силу образованности его оставляют в тылу, он служит помощником начальника штаба по тылу 519-го стрелкового полка, который находился в резерве ставки Верховного главнокомандующего.

В мае 1942 года его полк начал сражаться с гитлеровцами в составе Южного

фронта. В это время началась разработанная в ставке Харьковская операция. В боях приняло участие и правое крыло Южного фронта, где воевал иеромонах Пимен. В результате войска были окружены немцами и уничтожены или взяты в плен, только 22 тысячи бойцов смогли выйти из окружения... Вероятно, к этому времени относится следующий рассказ: «Во время войны полк, где воевал будущий патриарх, попал в окружение и в такое кольцо огня, где люди были обречены. В полку знали, что среди солдат есть иеромонах, и, не боясь уже ничего, кроме смерти, бухнулись в ноги: «Батя, молись. Куда нам идти?». У иеромонаха была потаённо-запрятанная икона Божией Матери, и теперь под огнём он слёзно молился перед ней. И сжалилась Пречистая над гибнущим воинством: все увидели, как ожила вдруг икона, и Божия Мать протянула руку, указав путь на прорыв. Полк спасся».

Другой рассказ военных лет повествует об этом так: «Подразделение, к которому он

принадлежал, попало в окружение. Спасение пришло, по словам будущего патриарха, от Самой Божией Матери: он увидел на тропе неожиданно появившуюся плачущую женщину, подошёл спросить о причине слёз и услышал: «Идите прямо по этой тропе и спасётесь». Войсковой командир, которому отец Пимен передал сказанное, внял совету, и воины действительно вышли из окружения».

Адриан Егоров пересказывал слышанную им от патриарха такую историю: «Однажды ему поручили доставить командованию пакет с донесением. Помолился, перекрестился и сел в седло. Лошадь звали Судьба. Как рассказывал потом патриарх Пимен, опустил он поводья и тронулся в путь. Дорога лежала через лес. Благополучно прибыл в часть и вручил пакет. Его спрашивают: «Откуда прибыл?», и он в ответ показывает рукой направление. «Нет, – говорят ему, – оттуда невозможно приехать: там всё заминировано».

В июле 1942 года Сергей Извеков получает контузию и в течение нескольких меся-

Никто не забыт, ничто не забыто

цев лечится в госпитале. Весной 1943 года он в звании старшего лейтенанта снова оказывается на фронте. Здесь случается вторая контузия, последствия которой потом долго давали о себе знать болями в спине. Позднее он становится адъютантом командира дивизии 7-й гвардейской армии. В августе 1943 года армия в составе Воронежского фронта переходит в наступление, но после завершения операции по взятию Харькова в списках личного состава старшего лейтенанта Извекова уже нет: его посчитали погибшим.

В сентябре 1943 года происходит памятная встреча И. Сталина с иерархами, политика государства по отношению к Церкви кардинально меняется в лучшую сторону. Епископов, священников, монахов, а также других близких к Церкви людей стали выпускать из лагерей и отзывать с фронтов. В это число попал и иеромонах Пимен – Сергей Михайлович Извеков, выживший в боях под Харьковом. Историк Ольга Васильева (в настоящее время министр Просвещения РФ) свидетельствует, что его поручителем тогда стал генерал Н. Ф. Ватутин. «Но по какой-то странной причине, пока не вполне известной для нас, Сергей Извеков был арестован в Москве как самовольно покинувший часть. Понятно, что никаким дезертиром он не был. Он был отпущен согласно тому списку, который подготовил патриарх Сергей», – считает историк.

29 ноября 1944 года милиция задерживает Сергея Извекова в Москве. Обвинение – «скрывался от ответственности под видом служителя религиозного культа». 15 января 1945 года военный трибунал Московского гарнизона выносит приговор: 10 лет лагерей. Но 7 июня 1945 года публикуется указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии для участников войны, и 18 сентября 1945 года иеромонах Пимен выходит на свободу.

При этом в армейских архивах он по-прежнему считался пропавшим без вести. Приказ Главного управления кадров Министерства обороны СССР от 17 июня

1946 года гласил: «Исключается из списков Красной Армии старший лейтенант Извеков Сергей Михайлович – командир роты 702 стрелкового полка. Пропал без вести». А между тем иеромонах Пимен служил в это время священником Благовещенского собора в Муроме и, возможно, не торопился «находиться» просто потому, что наученные горьким опытом, пережившие репрессии люди в то время предпочитали скрыться от власти, затеряться в «широких народных массах». Ему это, судя по всему, удалось: поиски «пропавшего» продолжались вплоть до середины 1950-х годов, когда архимандрит Пимен был уже наместником Свято-Троицкой Сергиевой лавры.

Впоследствии с Сергея Михайловича Извекова были сняты все обвинения, ему вернули воинское звание, и он получил документы ветерана войны. Сохранился документ об исключении С. М. Извекова из списка безвозвратных потерь: «Причина выбытия: жив».

Пережив страшные годы испытаний, совершив свой воинский подвиг, Сергей Михайлович Извеков – иеромонах Пимен – вернулся к главному подвигу своей жизни – молитве. И этот подвиг предстояния перед Богом он совершил с таким же достоинством и честью.

Окончание Великой Отечественной войны застало иеромонаха Пимена священником Благовещенского собора в городе Муроме. Затем о. Пимен продолжал своё служение в Одесской епархии в должности помощника благочинного монастырей епархии, преподавал в Одесской духовной семинарии. С тех пор начался путь церковно-административного служения будущего первосвященника. Он был наместником Псково-Печерского монастыря и Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, епископом Балтским, архиепископом Тульским и Белевским, митрополитом Ленинградским и Ладожским, а затем Крутицким и Коломенским, занимал также высокую должность управляющего делами Московской Патриархии. 16 апреля 1970 года

Патриарх Алексей I (Симанский), буквально за день до своей кончины, возложил на митрополита Пимена вторую панагию, выразив этим свою мысль о преемстве патриаршего служения.

После кончины Святейшего Патриарха Алексея митрополит Пимен как старший по хиротонии постоянный член Священного Синода вступил в должность Патриаршего Местоблюстителя и на этом посту больше года руководил Церковью. На Поместном Соборе Русской Православной Церкви, проходившем в Троице-Сергиевой Лавре с 30 мая по 2 июня 1971 года, Митрополит Пимен был единодушно избран четырнадцатым Патриархом Московским и всея Руси. 3 июня 1971 года в Богоявленском патриаршем соборе в Москве за Божественной литургией состоялась торжественная интронизация Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена.

В его лице видели настоящего отца и заботливого пастыря, молитвенника о душах людей и хранителя церковных канон и традиций. В патриаршество Святейшего Пимена со стороны советской власти уже не было прежних массовых репрессий духовенства или верующих мирян, однако государство продолжало осуществлять жёсткий, тотальный контроль над Церковью. Даже маршрут своих поездок первосвятителю приходилось согласовывать с властями. Более половины населения страны, на момент начала патриаршества Святей-

шего Пимена, составляло поколение, воспитанное вне влияния Церкви. Тем не менее через десять лет положение уже изменилось в лучшую сторону – к Богу обращались люди, выросшие в атеистических семьях, возросло число крещений взрослых людей.

Ключевым моментом стало празднование тысячелетия Крещения Руси в 1988 г. – этот юбилей привлёк внимание к Православию всей общественности. На Русскую Православную Церковь, на её Патриарха, вообще на веру в Бога стали смотреть совершенно иначе. С этого момента взаимоотношения Церкви с одной стороны, государства и общества с другой кардинально изменились.

Святейший Пимен не дождался окончательного торжества Православия в нашей стране, но он уже видел те изменения, которые должны были привести российское общество к духовному преображению. Летом 1988 года врачи диагностировали, что Патриарх Пимен серьёзно болен и нуждается в срочной операции. Однако он отказался от операции, сказав: «На всё воля Божия». Ему пророчили смерть через несколько месяцев, а он прожил ещё почти два года и скончался 3 мая 1990 года.

Похоронен Патриарх Пимен в крипте Успенского собора Троице-Сергиевой лавры.

Верность воле Божией и в жизни, и в смерти, и в своей церковной политике, и во взаимоотношениях с окружающими людьми – вот что отличало Святейшего Патриарха Пимена.

Никто не забыт, ничто не забыто

Ольга Каменева, Дмитрий Симонов

СТАРЕЦ КИРИЛЛ (Павлов): история солдата, который стал духовником нескольких патриархов

Жизнь архимандрита Кирилла (Павлова), несколько десятилетий несшего послушание духовника Троице-Сергиевой лавры, старца, принимавшего исповедь у трёх патриархов, человека, через келью которого прошло бесчисленное множество людей, долго оставалась сокровенной. Лет десять назад тогдашний наместник Лавры, архиепископ Феогност (Гузиков) благословил собирать материалы для книги о старце (книга воспоминаний «Мы все были у него в сердце» вышла в издательстве Троице-Сергиевой лавры в 2019 году к 100-летию юбилею отца Кирилла). Сам отец Кирилл был уже тяжело болен, но монахи, которые за ним ухаживали, рассказали, что ещё раньше спрашивали: «Вот начнут о вас писать, издавать книги, как к этому относиться?» На что отец Кирилл ответил: «Пусть пишут. Только пусть пишут так, как было, без искажений и, главное, без преувеличений» (из доклада иеромонаха Пафнутия (Фокина) на XXVIII Международных Рождественских образовательных чтениях «Воин Христов. Духовный облик и жизненный путь архимандрита Кирилла (Павлова)»).

«Порой это было хуже ада»

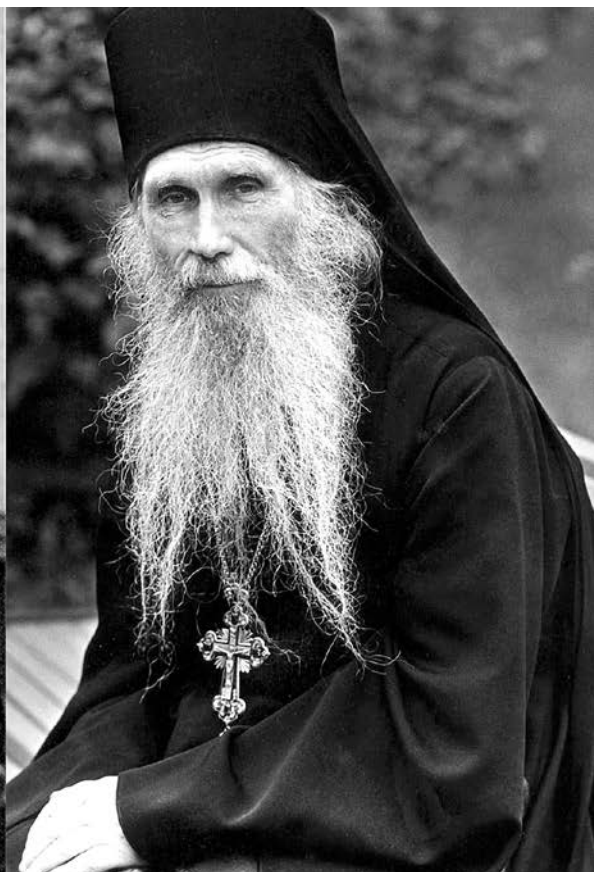
О том, что отец Кирилл – участник Великой Отечественной войны, что он был несколько раз ранен, воевал в Сталинграде, потом с боями дошёл до Австрии, было известно давно. Он и сам в своих проповедях и разговорах с духовными чадами часто вспоминал войну. А однажды сказал: «Кто там не был, тот ничего не знает. Порой это было хуже ада. Пережить такое крайне тяжело...».

Он говорил, что особенно трудно было переносить подлость и трусость. Ведь война – это не только массовый героизм, это ещё и предательство, и «сотрудничество с органами», и стремление улизнуть с передовой в тыловые службы. И человек всё время словно в круговой обороне – без чувства надёжного тыла: «Враг был прямо перед тобой, но рядом всё время появлялись новые люди, и ты не знал, не был уверен в них. Это и было хуже ада. В аду все страдают одинаково, там не выслужишься. Ад – это и страшное духовное страдание здесь, на земле...».

По словам святителя Николая Сербского, есть неумолимый закон греха – война человека против человека является следствием войны против Бога: «Мир без Бога есть колыбель войны. В мире плодятся и растут бациллы войны, а когда они размножатся и вырастут, то война неизбежна».

Будущий архимандрит Кирилл, а тогда просто Иван Павлов встретил её начало практически на границе с Китаем, в селе Барабаш Хасанского района – солдатом-срочником в 96-м сапёрном батальоне 92 стрелковой дивизии 10 Краснознамённой армии. А уже осенью 1941-го оказался вместе со своей частью на Волховском фронте. Там, на станции Хвойная под Тихвином в первом же бою сложили головы многие его однополчане.

«Только-только мы сошли с эшелона, нас в лес отвели, а немецкая разведка уже узнала. Сразу, моментально – бомбят, только щепки летят. Немецкий бомбардировщик как всё равно коршун летает над головой и из пулемёта

строчит. Людей – и мирских, и военных – расстреливает в упор. Сразу – и убитые появились, и раненые. Зима была, снег кровью обгорелся...», – рассказывал отец Кирилл.

Но Ивана Павлова Господь хранил. Когда весной 1942 года его, раненого, эвакуи-

ровали в госпиталь в Кировскую область, это спасло ему жизнь. Келейница батюшки монахиня Евфимия (Аксаментова) рассказывала с его слов: батальон вскоре отправили очищать минные поля, и никто из 400 бойцов с задания не вернулся.

«Клубы чёрного дыма поднимались до облаков»

В 1993 году архимандрит Кирилл в Волгограде, на праздновании 50-летия победы в Сталинградской битве вспоминал о первых днях сражения на Волге (эти кадры вошли в документальный фильм «Старцы. Архимандрит Кирилл Павлов»): «Мы стояли в обороне Сталинграда, примерно в километрах 20-25 от города. В один из воскресных дней августа-месяца 1942 года, когда немецкие бомбардировщики в количестве около тысячи самолётов налетели на город – картина была очень-очень страшная. Город был весь охвачен пожаром, огонь, клубы чёрно-

го дыма поднимались до облаков. Нас сняли с обороны. Я в это время был ранен».

Как следует из архивных документов, в начале Сталинградской битвы Иван Павлов служил в 9-й мотострелковой бригаде. 23 августа 1942 года фашисты форсировали Дон, при поддержке авиации прорвались к Волге севернее города, и немецкие танки в сопровождении морпехоты начали стремительное продвижение к Сталинграду. 9-я бригада контратаковала противника с севера, захватила село Орловка (Городищенский район) и удерживала его до прихода подкрепления, отрезав

Никто не забыт, ничто не забыто

наступающим немцам «хвост» – перекрыв им снабжение продовольствием и боеприпасами.

А через месяц 9-ю мотострелковую после боёв уже в самом городе – в районе завода «Красный Октябрь» и на Мамаевом кургане – из-за тяжёлых потерь вывели с переднего края на отдых и переформирование. Но в этих смертельных боях красноармеец Павлов, судя по архивным документам,

не участвовал: 7 сентября он был ранен и на фронт из госпиталя вернулся только 11 октября (в декабре 2019 года в военномедицинском архиве в Санкт-Петербурге обнаружена история болезни Ивана Павлова в эвакуационном госпитале № 2904 на станции Кайсацкая Сталинградской области). Новым местом службы Ивана Павлова стала 254 танковая бригада.

«Однажды среди развалин я поднял из мусора книгу»

Зимой 1942-1943 года почти два месяца бойцы 254 танковой бригады лежали в окопах в снежных окопах и траншеях. Отец Кирилл вспоминал: «Два метра снег. Вкапывались лишь на метр, так и мёрзли, закутавшись в шинели, да ещё в трофейные, немецкие. Еду подвозили только ночью, остывшую, мёрзлую. Как выжили?... Чудом Божиим!».

В боевой характеристике красноармейца Павлова говорится о его подвиге у деревни Цыбенко (он был подносчиком мин и «современно обеспечивал расчёт, который уничтожил до 90 солдат и офицеров противника, 3 немецких миномёта, 4 автоматчика»). 6 февраля 1943 года за боевые заслуги его даже приняли кандидатом в члены ВКП (б) (об этом свидетельствует его личное дело, обнаруженное летом 2019 года в ЦА Минобороны в Подольске).

Личное дело по приёму красноармейца Ивана Павлова в партию в феврале 1943 года.

«Не мог отделаться, защитить себя, мотивировку найти... Они наметили нас пять человек – дескать, победили под Сталинградом, молодые, дисциплинированные – политрук поручился, прошение напи-

сал...», – рассказывал отец Кирилл об этом эпизоде своей военной биографии.

Сам же он не мог забыть другое – странную и страшную тишину и трупный запах, делавшие освобождённый Сталинград воистину мёртвым городом, вселявшим ужас перед смертью.

«Был апрель, уже пригревало солнце, – вспоминал отец Кирилл в одном из своих телевизионных интервью (эти кадры вошли в документальный фильм «Сталинградское Евангелие Ивана Павлова»).

«Однажды среди развалин дома я поднял из мусора книгу. Стал читать её и почувствовал что-то такое родное, милое для души. Это было Евангелие! Я нашёл для себя такое сокровище, такое утешение! Собрал я все листочки вместе – книга разбитая была, и оставалось то Евангелие со мною всё время. До этого такое смущение было: почему война, почему воюем? Много непонятного было, потому что сплошной атеизм был в стране, ложь, правды не узнаешь. А когда стал читать Евангелие – у меня просто глаза прозрели на всё окружающее, на все события».

Когда Господь отнимает разум

В сентябре 1943-го состоялась знаменитая встреча Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем), после которой был избран Патриарх, начали открываться храмы и духовные школы,

а пастыри возвращались из тюрем.

После этого «в корне изменилось положение на фронте, – вспоминал отец Кирилл. – Даже Жуков в своих мемуарах на это внимание обращает. Он говорит, немецкие генералы в начале войны такие стратегические планы

строили, а с 1943-го те же самые генералы стали делать ошибки, ляпсусы, такие, что приходилось только удивляться. А это очень просто: Господь всегда, когда хочет наказать, отнимает разум. Поэтому, когда Господь решил спасти Россию, Он отнял у немецких генералов разум – они стали делать просчёты. А наши умудрились».

Но отношение к верующим бойцам у многих отцов-командиров не изменилось, и отказ от вступления в партию по религиозным соображениям чуть на стоил Ивану Павлову жизни. «Меня мытарили. Вывели в политотдел корпуса, там полковник старый, татарин, меня так чистил – ой! Пугал, такие каверзные вопросы задавал. Потом говорит: «Да ты засиделся... Тамбов тебе?»

Говорит старшине: «Завтра 34-я танковая бригада на передовую едет, его – туда, автоматчиком!» Господь спас. Меня старшина наш повёл туда. Ну, автоматчик на танке – это, конечно, смерть. А начальник штаба выходит: «За что его к нам? Чем он провинился?» Он говорит: «За религиозные убеждения. Верующий». А тот отвечает: «У нас таких своих полно. Не надо, голубчик, вести его обратно». Отказался», – рассказывал отец Кирилл. Опять Господь уберёг.

С Третьим Украинским фронтом он с боями прошёл Румынию, Венгрию, Австрию, Чехословакию, Украину. А в 1946 году, после демобилизации, пришёл поступать в только что открывшийся Богословский институт, будущую Московскую духовную семинарию.

«Глаза спят, а он тебя слушает»

Сохранив в одних боях, Господь призвал Ивана Павлова на новое поле брани: в 1954 году он принял монашеский постриг с именем Кирилл в честь преподобного Кирилла Белозерского (чья память – как особый знак – приходится как раз на 22 июня – день начала Великой Отечественной войны), а потом и сан иеромонаха. И началось его полувековое пастырское служение. Старцем он себя никогда не считал. А на вопрос, есть ли сегодня старцы, отвечал: «Про старцев не знаю, но старики есть».

«У меня на всю жизнь осталось в памяти, – рассказывает епископ Алексей (Поликарпов), – уже вечер, батюшка сидит на диванчике в келье, а я пришёл со своими вопросами, вижу, что он устал, как говорят «смертельно устал», у него открыты глаза, но они уже спят. Глаза спят, а он тебя слушает (...) Его ответы были для нас очень важны – это не только указание направления жизни, но прежде всего важно то, что есть человек, который тебя слушает, которому полностью доверяешь, открываешь всё своё сокровенное. Это очень важно, чтобы тебя всегда выслушали».

Отец Кирилл был очень тактичным, всегда немногословным, никогда не повышал

голоса. Говорил он очень просто, но слова его побуждали человека действовать, менять свою жизнь. Старец никогда не настаивал на своём, с уважением выслушивал иную точку зрения и мог изменить свою. Да, он мог и отказать в духовном руководстве – тем, кто брал у него благословение, но поступал по-своему. Но никого не осуждал и старался ничем не задеть чужого самолюбия.

Он принимал людей при малейшей возможности. Ложился спать всегда поздно, за полночь или часа в два ночи, а рано утром вставал и до службы опять шёл исповедовать – патриархов, митрополитов, архиепископов, епископов, священников, монахов, семинаристов, мирян...

Ответ начальника отдела хранения Филаала Центрального архива Минобороны РФ (военно-медицинских документов) на запрос о ранении И. Д. Павлова.

Мало кто знал о бессонных ночах, о мучительных болезнях и болях, которые ему приходилось переносить – давали себя знать фронтовые раны и застуженные лёгкие. 13 лет продолжалась его последняя тяжёлая болезнь после инсульта – своего рода затвор. Хотя и тогда его духовные чада приезжали – просто постоять рядом,

Никто не забыт, ничто не забыто

прикоснуться к руке, ни о чём не говоря, ничего уже не спрашивая, не советуясь, а просто радуясь, что он ещё здесь, что можно вот так согреться вблизи него. И вспоминать его слова: «Если мы будем жить, подвигая Бога на милость, Бог проделит нам мирное время. А если будем жить

так, как сейчас живём и собираем гнев Божий, – то ждите войн и бедствий».

Отец Кирилл умер 20 февраля 2017 года в возрасте 97 лет.

Отпевание и погребение воина Христова состоялось 23 февраля, в День защитника Отечества.

ИСПОВЕДНИК СВЯТИТЕЛЬ ЛУКА (Войно-Ясенецкий), архиепископ Симферопольский

Святитель Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) родился в 1877 году в городе Керчи, в Крыму, в дворянской семье польского происхождения. С детства он увлекался живописью и решил поступить в Санкт-Петербургскую академию художеств. Однако во время вступительных экзаменов им овладело сомнение, и он решил, что не имеет права делать то, что нравится, а нужно трудиться, чтобы облегчить страдания ближнего. Так, прочитав слова Спасителя о делателях жатвы (см.: Мф. 9: 37), он воспринял призыв служить людям Божиим.

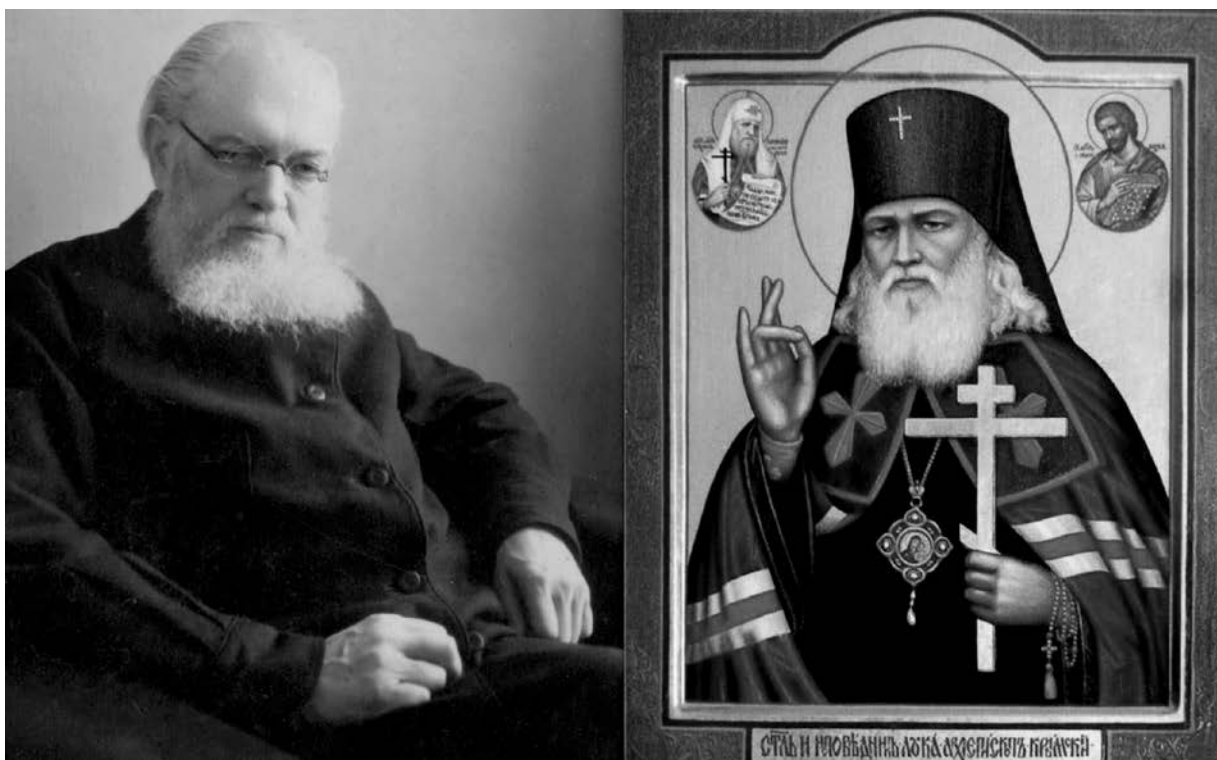
Валентин решил посвятить себя медицине и поступил на медицинский факультет Киевского университета. Талант художника помогал ему в скрупулёзных анатомических исследованиях. Он блестяще закончил обучение (1903) накануне русско-японской войны, и его карьера врача началась в госпитале в городе Чите. Там он познакомился и сочетался браком с сестрой милосердия, у них родилось четверо детей. Затем он был переведён в больницу города Ардатов Симбирской губернии, а позже в Верхний Любаз Курской губернии.

В 1916 году в Москве Валентин Фелик-

сович успешно защитил докторскую диссертацию на тему местной анестезии и начал работать над большой монографией по гнойной хирургии. В 1917 году, когда в больших городах гремели раскаты революции, он был назначен главным врачом Ташкентской городской больницы.

Он часто принимал участие в диспутах на духовные темы, где выступал с опровержениями тезисов научного атеизма. По окончании одного из таких собраний, на котором он долго и вдохновенно выступал, епископ Иннокентий отвёл его в сторону и сказал: «Доктор, вам надо быть священником». Хотя Валентин никогда и не помышлял о священстве, он тотчас принял предложение иерарха. В ближайшее же воскресенье он был рукоположен в диакона, а через неделю возведён в сан иерея. В 1923 году был хиротонисан в епископы и после своей первой литургии он был арестован органами безопасности (ГПУ), обвинён в контрреволюционной деятельности и шпионаже в пользу Англии и осуждён на два года ссылки в Сибирь, в Туруханский край.

В 1926 году он был освобождён и вернулся в Ташкент.

С 1931 по 1933 год последовала вторая ссылка, а в 1940 году он в третий раз был отправлен в ссылку, в Сибирь, в Красноярский край.

С началом войны с фашистской Германией владыка из ссылки пишет телеграмму на имя Калинина: «Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку в посёлке Большая Мурта Красноярского края. Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука». Его незамедлительно назначили главным хирургом эвакогоспиталя № 15-15 в Красноярске. Два года он с полной отдачей сам лечил офицеров и солдат. «Раненые офицеры и солдаты очень любили меня. Когда я обходил палатки по утрам, меня радостно приветствовали раненые. Некоторые из них, безуспешно оперированные в других госпиталях по поводу ранения в больших суставах, излеченные мною, неизменно

салютовали мне высоко поднятыми прямыми ногами», – вспоминал он. Приезжавший в госпиталь инспектор профессор Приоров говорил, что ни в одном из эвакуационных госпиталей не наблюдалось подобных блестящих результатов лечения раненых, как у владыки Луки.

До 1943 года владыка был лишён возможности совершать богослужения, так как в Красноярске, городе с многотысячным населением, последнюю из множества церквей закрыли перед войной. И вот в марте 1943 года святителя назначили архиепископом Красноярским. Он писал сыну: «Господь послал мне несказанную радость. После шестнадцати лет мучительной тоски по церкви и молчания отверз Господь снова уста мои. Открылась маленькая церковь в Николаевке, предместье Красноярска, а я назначен архиепископом Красноярским... Конечно, я буду продолжать работу в госпитале, к этому нет никаких препятствий». Признание святителя в светских кругах росло, он вспоминал: «Почёт мне большой: когда вхожу в большие собрания служащих или

Никто не забыт, ничто не забыто

командиров, все встают». Конечно же, владыка знал об изменении отношения государства к Церкви в связи с войной и мировым положением страны, но в то же время в одном из писем сыну есть такие строки: «В Красноярске, в «кругах» говорили обо мне: «Пусть служит, это политически необходимо». ...Я писал тебе, что дан властный приказ не преследовать меня за религиозные убеждения. Даже если бы не изменилось столь существенно положение Церкви, если бы не защищала меня моя высокая научная ценность, я не поколебался бы снова вступить на путь активного служения Церкви. Ибо вы, мои дети, не нуждаетесь в моей помощи, а к тюрьме и ссылкам я привык и не боюсь их». «О, если бы ты знал, как туп и ограничен атеизм, как живо и реально общение с Богом любящих Его...» И в другом письме: «Я подлинно и глубоко отрёкся от мира и от врачебной славы, которая, конечно, могла бы быть очень велика, что теперь для меня ничего не стоит. А в служении Богу вся моя радость, вся моя жизнь, ибо глубока моя вера. Однако и врачебной, и научной работы я не намерен оставлять».

В Красноярске началась переписка святителя с митрополитом Сергием Страгородским, которая имела немаловажное значение для подготовки Собора епископов Русской Православной Церкви 1943 года для избрания Патриарха всея Руси. Архиепископ Лука принял непосредственное участие в составлении документов Собора. Он был членом Священного Синода.

Красноярская ссылка закончилась в конце 1943 года. Святителя сразу же назначили архиепископом Тамбовской епархии, где он в течение двух лет одновременно работал хирургом в госпиталях и служил в церкви. В управлении епархией архиепископ Лука сразу столкнулся со множеством трудностей. Тамбовский храм, долгие годы содержавший под своей кровлей рабочие общежития, доведён был до последней степени запустения. Обитатели его раскололи иконы, сломали и выбросили иконостас, исписали стены ругательствами. Владыка Лука

без жалоб принял наследие атеистов, начал ремонтировать храм, собирать причт, вести службы, продолжая и врачебную работу, которой оказалось ещё больше, чем в Красноярске. На попечении Тамбовского архиепископа теперь находилось 150 госпиталей, от 500 до 1000 коек в каждом. Также он консультировал хирургические отделения большой городской больницы. Владыка Лука по-прежнему был готов работать сутками, несмотря на то что ему было уже под 70. В письме сыну он писал: «Приводим церковь в благолепный вид... Работа в госпитале идёт отлично... Читаю лекции врачам о гнойных артритях... Свободных дней почти нет. По субботам два часа принимаю в поликлинике. Дома не принимаю, ибо это уже совсем непосильно для меня. Но больные, особенно деревенские, приезжающие издалека, этого не понимают и называют меня безжалостным архиереем. Это очень тяжело для меня. Придётся в исключительных случаях и на дому принимать».

В конце 1945 года владыку и его секретаря пригласили в облисполком, чтобы вручить им медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». После вручения медалей председатель сказал, что хотя труд Войно-Ясенецкого как консультанта эвакогоспиталя завершён (госпитали эти осенью 1944 года покинули Тамбов и двинулись дальше на запад), но он надеется, что профессор и впредь будет делиться своим большим опытом с медиками города. Архиепископ Лука ответил ему следующее: «Я учил и готов учить врачей тому, что знаю; я вернул жизнь и здоровье сотням, а может быть, и тысячам раненых и наверняка помог бы ещё многим, если бы вы (он подчеркнул это «вы», давая понять слушателям, что придаёт слову широкий смысл) не схватили меня ни за что ни про что и не таскали бы одиннадцать лет по острогам и ссылкам. Вот сколько времени потеряно и сколько людей не спасено отнюдь не по моей воле». У областного начальства эти слова вызвали шок. Какое-то время в президиуме и в зале царил тягост-

ная тишина. Кое-как придя в себя, председатель залепетал, что прошлое пора-де забыть, а жить надо настоящим и будущим. И тут снова раздался басовитый голос владыки Луки: «Ну нет уж, извините, не забуду никогда!».

За опубликованные труды «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при инфицированных ранениях больших суставов» владыке присудили Сталинскую премию I степени с денежным вознаграждением. Его он пожертвовал сиротам и вдовам воинов, павших в Отечественной войне. «Множество поздравлений отовсюду, – писал владыка Лука после получения премии. – Патриарх, митрополиты, архиереи, Карпов (председатель Совета по делам РПЦ), Митярев, Третьяков, Академия медицинских наук, Комитет по делам высшей школы, Богословский институт, профессора и проч., и проч. Превозносят чрезвычайно... Моя слава – большое торжество для Церкви, как телеграфировал Патриарх». Это и было самой большой наградой для владыки Луки – слава матери Церкви, за которую он готов был претерпеть любые мучения и даже смерть. Владыка Лука считал, что его научный труд привлечёт к православию многих интеллигентов. Так оно и было. В одной передаче радиостанции Би-Би-Си того времени сообщалось, что группа французских юношей и девушек перешла в православие, сославшись в своей декларации на христианских учёных в СССР – Ивана Павлова, Владимира Филатова и архиепископа Луку (Войно-Ясенецкого). «Сегодня подтвердилось моё мнение, что я немалый козырь для нашего правительства, – писал владыка Лука сыну. – Приехал специально посланный корреспондент ТАСС, чтобы сделать с меня портреты для заграничной печати. А раньше из Патриар-

хии просили прислать биографию для журнала Патриархии и для Информбюро. Два здешних художника пишут мои портреты. Только что вернувшийся из Америки Ярославский архиепископ уже читал там в газетах сообщения обо мне как об архиепископе – лауреате Сталинской премии... Завтра приедет из Москвы скульптор лепить мой бюст...».

За большие заслуги перед Русской Церковью архиепископ Тамбовский и Мичуринский Лука в феврале 1945 года был награждён Патриархом Алексием (Симанским) правом ношения бриллиантового креста на клобуке. Это была высшая архиерейская награда. В эти же годы (1945-1947) святитель пишет богословский труд «Дух, душа и тело», который считал главным трудом своей жизни (эта книга была издана только в 1992 году). «Дух, душа и тело» является трудом апологетическим, направленным к материалистически настроенной интеллигенции. Поэтому взаимоотношения духа, души и тела святитель рассматривал с точки зрения науки: физики и медицины; подводил под свои выкладки философское обоснование, а выводы его зиждутся на основательной базе Священного Писания. Вместе с читателем святитель Лука проходит путь от знания к вере – в отличие от того, как воспринимает мир верующий человек, идя от веры к знаниям. Для самого святителя Луки, крупного учёного и богослова, не было разрыва веры и разума, науки и религии, и Божий мир воспринимался им как целое. Отсюда и его потребность как талантливого учёного и человека, наделённого благодатью веры, дать свое целостное видение мира и человека для следующих поколений.

По материалам сайта Православие.ру

Николай Рыжков,
член Совета Федерации Федерального
собрания Российской Федерации

На Прохоровском поле каждый метр – братская могила

На Курской дуге произошёл перелом Великой Отечественной войны. О том, как началось увековечение Огненной дуги, газете «Культура» рассказал Николай Рыжков, человек, чьими усилиями под Прохоровкой создан мемориальный комплекс «Третье ратное поле России». Наш собеседник был предпоследним главой Совета министров СССР, кандидатом в президенты РСФСР, депутатом Госдумы РФ нескольких созывов, а теперь представляет Белгородскую область в Совете Федерации.

С 5 июля по 23 августа 1943 года на огромном пространстве – от Болхова до Харькова – развернулась Курская битва, в которой с советской стороны были задействованы силы трёх фронтов. Коренной перелом во Второй мировой войне произошёл в 1943-м именно здесь. Успех последующих наступательных операций РККА вырос из величайшего в мире танкового сражения в районе станции Прохоровка Белгородской области, состоявшегося 12 июля. И хотя оперативные задачи не были выполнены ни Красной армией, ни вермахтом, план германского наступления «Цитадель»

был сорван, а от танковых потерь гитлеровская армия не смогла оправиться до конца войны. При этом наши потери в живой силе и технике оказались значительно больше. Когда Сталину доложили об итогах боя 12 июля, он хотел отдать командующего 5-й танковой армией генерал-лейтенанта Павла Ротмистрова под трибунал. Спас его представитель Ставки маршал Александр Василевский, который твёрдо возразил Верховному, что наши танкисты и командование вели себя очень достойно и враг получил удар огромной силы. После этого Сталин своё намерение изменил. Правда,

звание Героя Советского Союза Ротмистров получил лишь в 1965-м.

– Не остаётся ли в общественном сознании битва на Курской дуге и конкретно сражение под Прохоровкой в тени других ключевых битв Великой Отечественной?

– У меня складывается впечатление, что мы до сих пор не дали достойной оценки этому сражению. Сталинградская битва и контрнаступление под Москвой были, конечно, очень значимыми, но именно Курская дуга стала поворотным эпизодом: после сражения у немцев уже не было стратегических наступательных операций – они только оборонялись. Хребет зверя основательно треснул как раз после того, как перемололи его танки под Прохоровкой. Преуменьшение значимости этого события идёт, с одной стороны, по инерции – символом перелома в войне был когда-то признан Сталинград. Но вместе с тем, думаю, здесь есть и тонкая работа наших недоброжелателей: выбить память о Сталинграде, обороне Москвы гораздо сложнее, поэтому начинают с Курской дуги. Скоро не останется ни одного ветерана, следом уйдут такие дети и подrostки войны, как я. Кто расскажет правнукам правду? Будут ли они сами её доискиваться?

– В Сети полно статей, авторы которых стремятся доказать, что Прохоровское сражение мифологизировано и «раздуто».

– Лично знаю деятелей, утверждающих, что там «подбили с обеих сторон по несколько танков» – вот и вся, дескать, битва. Я их спрашиваю: «И после этой маленькой стычки Гитлер отдал приказание остановить наступление на Курской дуге?». Мы сами виноваты, что множатся подобные мифы. В 2009-м была создана Комиссия при президенте России по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Проработала она всего три года и была распущена. Спрашивается: у нас что, попытки переписать прошлое прекратились?

На самом деле под Прохоровкой прошло ожесточённое сражение. Немцы ввели в бой

новые танки «Тигр», которые могли поражать наши Т-34 за полтора километра. «Тридцатьчетвёрки» были маневреннее, но дальность стрельбы составляла всего 750 метров. Приходилось переть на «Тигры» вплотную, идти на таран. Танкисты горели заживо... Бывший лётчик, воевавший на бомбардировщике в этом бою, рассказывал мне, что внизу ничего не было видно из-за чёрного дыма, приходилось бомбить вслепую, по квадратам... На этом поле три года ничего не росло – земля превратилась в шлак. 13 июля никто не воевал, потому что смертельно устали обе стороны. А 14-го немцы снялись и ушли на оборонительные позиции. Можно ли такую ситуацию назвать для нас проигрышем? Прохоровская битва научила советское командование многому: поставили системы связи на танки, улучшалась танковая оптика. Сталин лично приказал прекратить приёмку Т-34 с пушками 76 миллиметров, а делать их 85-миллиметровыми.

– Искажение памяти о событиях Великой Отечественной у нас началось ещё в конце 1980-х. Приложил руку к этому главный идеолог перестройки Александр Яковлев. Вы были с ним знакомы?

– Я знал его много лет. Он, кстати, воевал, но совсем немного – в первом же бою колено прострелили, после чего комиссовали. А потом он всю войну проработал директором избы-читальни. Пошёл по партийной линии, дорос до самых верхов, стажировался в США... Это был умный и страшный человек. Он буквально оплёл сознание Горбачёва, внушил ему, что тот – мессия, которому суждено повернуть историю всего человечества. Он надоумил генсека устроить скандальный 1-й Съезд народных депутатов в 1989-м и транслировать на всю страну, чтобы раскачать общество. Мы, конечно, лопухи тогда были – мало кто понимал, к чему это всё ведёт, а он действовал тонко и целенаправленно. Надо признать: американские стратеги всё очень хорошо просчитали на годы вперёд. Они мастера «забега на дальние дистанции», а мы, к сожалению, только на ближние умеем.

Никто не забыт, ничто не забыто

Почему они взялись за Великую Отечественную? Война была подлинно великой – это очень важный рычаг народной памяти: слишком много у каждой семьи с ним связано. Если удастся сделать так, чтобы новые поколения в России забыли или превратно стали воспринимать подвиг предков, то дальше людьми гораздо легче будет манипулировать... На недавнем заседании Оргкомитета по подготовке юбилейных мероприятий я сказал: если мы не создадим мощной пропагандистской машины, которая будет работать с молодёжью в патриотическом ключе, в частности поддерживать память о войне, то скоро потеряем всё. То, что сейчас начали снимать, наконец, неплохие военные фильмы, выпускать книги, – это хорошо, но слишком мало. Тенденция на забвение, на подмену понятий пока гораздо сильнее.

– Что двигало Вами, когда в 1993-м Вы лично взялись за увековечение Прохоровского сражения?

– Многие спрашивают, как я попал на Прохоровку. Кстати, в октябре работе над созданием «Третьего ратного поля России» будет 25 лет. У меня ведь никакого «биографического» отношения к той битве нет, никто из родных там не сражался и не погиб. Когда я был уже в отставке, меня пригласил бывший первый секретарь Белгородского обкома Алексей Пономарёв. Я приехал и вижу: как стоял когда-то в семидесятых одинокий танк – так и стоит, только роща вокруг выросла. Сердце кольнуло, конечно. И там ко мне подошли люди из инициативной группы: «Хотим поставить храм, звонницу, никто нас не слушает, денег не даёт, помогите, вы человек уважаемый...» Я сперва немного их охладил: кто я такой сегодня – должности нет, личных сбережений тоже... А время тогда, если помните, было самое тёмное – ветеранов почти открыто унижали в СМИ: что вы, мол, тут ходите, орденами бряцаете, «лучше бы мы баварское пиво пили» и так далее. Я, подумав, согласился помогать: возглавить общественную структуру, мы не знали ещё какую.

Мне очень захотелось доказать, что лишь малая часть нашего народа обеспамятела, люди не согласны с забвением своих героев.

– Чью роль в создании мемориала Вы бы отметили?

– Церковь внесла очень большой вклад. Помню, мы сидели в Фонде славянской письменности и культуры и совещались с начальной орггруппой по Прохоровке. Главным был автор проекта звонницы скульптор Вячеслав Клыков. Знаете, откуда этот проект? Клыков сделал его для будущего мемориального комплекса на Поклонной горе. Но поскольку было ещё советское время, звонница с крестом не прошла. Из Патриархии приехал тогда священник, уже не помню кто, и предложил назвать нашу группу «Попечительским советом», как до революции это делалось. Так и решили. Мы нигде не регистрировались, не было никогда никакого счёта. За это время никто из нас не получил за работу ни копейки, наоборот, иногда личные сбережения приходилось вкладывать.

Я обращался к своим знакомым директорам, объяснял задачу и просил содействия. Прилетаю, допустим, в Норильск на предприятие, которое сейчас называется «Норильский никель», прошу два десятка тонн меди. Мне отгружают. На Кольчугинском комбинате во Владимирской области договорился, чтобы из норильской меди сделали безвозмездно листы на купола. Церковь дала золотую фольгу. Мы, кстати, не пошли по пути, который нам усиленно предлагали, – имитировать золочение нитридом титана, как на куполах храма Христа Спасителя в Москве. Решили по старинке делать. И сегодня, спустя четверть века, они горят на солнце, как новые. Проект храма мы подписывали одновременно вместе с патриархом Алексием II – в две руки. А затем всё пошло уже очень быстро, возведение заняло всего 14 месяцев. Святейший постоянно потом интересовался, как там храм и музей на Прохоровке, церковными орденами наградил нас... Мы его считаем крёстным отцом мемориала, посвящённого битве на Курской дуге. В благодарность мы поставили патриарху неболь-

шой памятник в бронзе возле храма. Есть там теперь и памятник Клыкову.

Но хочу подчеркнуть, что без губернатора Белгородской области Евгения Савченко мы ничего бы там не сделали. Его роль в проекте огромна. Он и технику давал, и людей, и займы помогал находить.

– Как развивается Ваше детище сегодня?

– К 65-летию Победы был открыт Музей боевой славы Третьего ратного поля России, а в январе прошлого года – Музей бронетанковой техники. Казалось бы, всё – миссия выполнена, и делать нам там больше нечего. Но мы с попечителями посоветовались и решили, что не будем на этом останавливаться, пока мы живы и в силах. Я предложил сделать там ещё один музей – тружеников тыла... Такого все-российского центра в стране нет. Есть хороший региональный музей в Саратове, ещё в нескольких местах. Проект был очень быстро одобрен президентом страны. К счастью, оказалось, что у половины заводов и фабрик, на которых в войну производили не только военную технику, но и каски, шинели, сапоги, сохранились свои музеи. Мы объездили уже 32 предприятия, и они все готовы помочь – 850

экспонатов уже обговорены. Решены земле-отвод (губернатор Савченко передал в федеральную собственность 6,3 гектара), вопросы с внешними коммуникациями. Выполнен проект здания на 5000 квадратных метров. Он уже давно лежит на рассмотрении в госэкспертизе. Мы их боимся торопить.

Всё это время мы ходим, образно говоря, с протянутой рукой. Деятельность нынешнего музейного комплекса прибыли особой не приносит: едва хватает на оплату коммунальных услуг и другие текущие нужды. Школьные экскурсии, разумеется, проводятся бесплатно.

– Много ли желающих посмотреть мемориал, почтить память героев войны?

– Посещаемость весьма приличная. В сам памятный день, 12 июля, приезжают 20-30 тысяч. Раньше было немало туристов, экскурсантов с Украины (Харьков ведь тоже входит в Курскую дугу). Но с 2014 года оттуда к нам добираются всё реже.

– Находят ли до сих пор останки наших бойцов под Прохоровкой?

– Каждый раз, когда приходится что-то копать, обязательно выходят кости, много костей... Опознавательных знаков

Никто не забыт, ничто не забыто

практически нет. Я, когда был депутатом, ездил по окрестным деревням – тогда ещё жили женщины, которым в войну было по 17-20 лет. Они рассказывали, как через день после сражения их погнали с мешками на Прохоровское поле – обыскивать тела наших бойцов, чтобы сдать потом найденное в военкомат. Люди лежали внавалку, как снопы, – советские, немецкие – все почерневшие, раздутые на июльской жаре. Вонь стояла невыносимая. А следом шли подростки, старики и копали длинные рвы. Кое-как засыпят землёй и дальше... Поэтому на Прохоровском поле каждый метр – братская могила. Да и не только тут: вся Белгородская область в массовых захоронениях.

– Война застала Вас подростком на Донбассе. Что Вам сегодня вспоминается из тех лет?

– Я рос в шахтёрском посёлке. Утром 22 июня с приятелями отправились в кино – «Чапаева» показывали, как сейчас помню. Оттуда шли весело – «палили» друг в друга, фильм доигрывали. А нам надо было железную дорогу переходить, которая из Москвы через Харьков на Ростов шла. Смотрим: все почему-то с противогАЗами бегают. Учения, что ли, очередные? А когда до дома дошли, уже узнали... Война очень быстро «приводит в чувство» и детей – взросление идёт семимильными шагами. Месяца через два всю мальчишескую браваду, шапкозакидательство как рукой сняло.

У нас семилетка была. Когда немец бомбить начал, отрыли окопы у школы – для каждого класса свой: лежишь там или стоишь под вой сирен и ждёшь, когда налёт окончится... Немцев, когда они пришли, я почти и не видел. У нас на окраине шахтёрской они не появлялись. А полицаев было много, чаще всего из украинцев.

Из родственников у меня в тех местах осталась только жена младшего брата, шахтёра. Она живёт в пяти километрах от Горловки, как раз на линии обстрела украинских военных. Когда и как всё это прекратится? Нет у меня, увы, ответа... Тяжело на эту тему говорить...

– В состав Прохоровского мемориала входит Колокол единения трёх братских славянских народов – русского, украинского и белорусского. А что сегодня может нас связывать, кроме памяти о той войне? Неужели только набат нового большого конфликта?

– У нас особый менталитет: мы встаём плечом к плечу и побеждаем, только когда нас загоняют в угол иноземцы. Большая беда, конечно, объединяет. Но желать новой войны для того, чтобы сплотиться, может только безумец.

Я полагаю, что главная идея государству нужна, иначе мы – лодка без руля и ветрил. Кто будет объединяться вокруг установок типа «живи красиво, ты это заслуживаешь»? Всё это – вещи разъединяющие. Хапнул и уволок себе в нору, а до остальных и дела нет... Когда в ельцинской Конституции убрали принцип главенствующей идеологии, то получилось прямо по Александру Зиновьеву: «Метили в коммунизм, а попали в Россию».

– Каким Вы видите будущее нашей страны?

– Такие места, как Прохоровское поле, как Сталинградский мемориал, такие движения, как «Бессмертный полк», – они, конечно, спланируют нас. Но этого мало. Есть один главный вопрос, который все прекрасно понимают: независимая внешняя политика России в последние годы всё более контрастирует с экономической несправедливостью внутри страны. Это раздражает людей. А без доверия народа никакого скачка в будущее не получится. Повторюсь – нужна объединяющая идея, не идеология, а государственная идея – трёх-составная, по типу уваровской «Православие, самодержавие, народность» или французской «Свобода, равенство, братство». В своё время я специально посмотрел конституции тридцати государств на разных континентах. И во всех сформулирована подобная идея! Я твёрдо знаю одно: в российской национальной триаде не может не быть понятия «Справедливость».

Беседовал Андрей САМОХИН.

«Я знаю, никакой моей вины...»

Стихи о войне

Александр Твардовский

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, –
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...

Юлия Друнина

БИНТЫ

Глаза бойца слезами налиты,
Лежит он, напружиненный и белый,
А я должна приросшие бинты
С него сорвать одним движеньем смелым.
Одним движеньем – так учили нас.
Одним движеньем – только в этом жалость...
Но встретившись со взглядом страшных глаз,
Я на движение это не решалась.
На бинт я щедро перекись лила,
Стараясь отмочить его без боли.
А фельдшерица становилась зла
И повторяла: «Горе мне с тобою!
Так с каждым церемониться – беда.
Да и ему лишь прибавляешь муки».
Но раненые метили всегда
Попасть в мои медлительные руки.
Не надо рвать приросшие бинты,
Когда их можно снять почти без боли.
Я это поняла, поймёшь и ты...
Как жалко, что науке доброты
Нельзя по книжкам научиться в школе!

Целовались.
Плакали
И пели.
Шли в штыки.
И прямо на бегу
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

Мама!
Мама!
Я дошла до цели...
Но в степи, на волжском берегу,
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

Анна Ахматова

ПОБЕДИТЕЛЯМ

Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в жёлтые жерла «Берт».
Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки –
Ваньки, Васьки, Алёшки, Гришки, –
Внуки, братики, сыновья!

29 февраля 1944, Ташкент

Никто не забыт, ничто не забыто

Юрий Воронов

Опять война,
Опять блокада...
А может, нам о них забыть?
Я слышу иногда:
«Не надо,
Не надо раны беречь».
Ведь это правда, что устали
Мы от рассказов о войне
И о блокаде пролистали
Стихов достаточно вполне.
И может показаться:
Правы
И убедительны слова.
Но даже если это правда,
Такая правда –
Не права!
Чтоб снова
На земной планете
Не повторилось той зимы,
Нам нужно,
Чтобы наши дети
Об этом помнили,
Как мы!
Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память – наша совесть.
Она,
Как сила, нам нужна...

Пётр Сидоров

О СЕБЕ

Я до Варшавы
Шёл с пехотой,
Оглох от танковых атак.
Ел всё, что было...
И с охотой –
Курил лесной эрзац-табак.
«Колун» варил
В консервной банке,
Окопы рыл среди болот.
На животе сушил портянки
И «продавал цыганский пот».
И пулемётной
Жёсткой плетью
В боях исхлестан до костей,

Я бился насмерть
С чёрной смертью,
Но не поддался даже ей.
Стоял, как трактор на ремонте,
С немецкой пулей в бедре...
И, как положено на фронте,
Тельняшку жарил на костре.
И сам «Максима» первый номер –
Косил непрошенных гостей.
Но в День Победы
Чуть не помер
В объятьях радостных друзей.
Пришёл домой...
Но ни крылечка,
Ни материнских тёплых рук...
Холодная чернела печка,
Ржавел заброшенный уют.
И слёзы жгли
Похлеще водки,
Я наземь бросил костыли,
Снял полинялую пилотку,
В кيسет насыпал горсть земли

Евгений Иванов

Когда последний взрыв раздался,
Не умерла война во мне:
Я долго, долго оставался
Солдатом в мирной тишине.
Глядел на нивы и опушки,
Но лезли мысли прежних дней:
Как лучше здесь поставить пушки,
Где вырыть линию траншей.
У каждой речки мимоходом
Глаза, как требовал устав,
Искали «скрытые подходы»
И «ось» десантных переправ.
Боями бредил в сновидениях,
Порой все ночи напролёт
То отдавал распоряжения,
А то командовал: «Вперёд!»
Жене, что в бок меня толкала:
«Да не шуми, проснись, чудак»,
Хрипел тревожно и устало:
«А ты сюда попала как?».
Когда последний взрыв раздался,
Не умерла война во мне:
Я долго, долго оставался
Солдатом в мирной тишине.

Владимир Высоцкий

ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ

Почему всё не так? Вроде всё как всегда:
То же небо – опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода,
Только он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
В наших спорах без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас –
Когда он не вернулся из боя.

Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал, он с восходом вставал,
А вчера не вернулся из боя.

То, что пусто теперь, – не про то разговор:
Вдруг заметил я – нас было двое...
Для меня – будто ветром задуло костёр,
Когда он не вернулся из боя.

Нынче вырвалось – будто из плена весна, –
По ошибке окликнул его я:
– Друг, оставь покурить!
А в ответ – тишина:
Он вчера не вернулся из боя.

Наши мёртвые нас не оставят в беде,
Наши павшие – как часовые...
Отражается небо в лесу, как в воде, –
И деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло – для обоих.
Всё теперь одному. Только кажется мне,
Это я не вернулся из боя.

Наум Коржавин

ДЕТИ В ОСВЕНЦИМЕ

Мужчины мучили детей.
Умно. Намеренно. Умело.
Творили будничное дело,
Трудились – мучили детей.
И это каждый день опять:
Кляня, ругаясь без причины...
А детям было не понять,
Чего хотят от них мужчины.
За что – обидные слова,
Побои, голод, псов рычанье?
И дети думали сперва,
Что это за непослушанье.
Они представить не могли
Того, что было всем открыто:
По древней логике земли,
От взрослых дети ждут защиты.
А дни всё шли, как смерть страшны,
И дети стали образцовы.
Но их всё били.
Так же.
Снова.
И не снимали с них вины.
Они хватались за людей.
Они молили. И любили.
Но у мужчин «идеи» были,
Мужчины мучили детей.
Я жив. Дышу. Люблю людей.
Но жизнь бывает мне постыла,
Как только вспомню: это – было!
Мужчины мучили детей!

Виктор Тростников (1928 – 2017),
писатель, учёный,
кандидат философских наук

Цикл завершается. Что дальше?

В ноябре 2011 года на церемонии вручения ему премии Токвиля Збигнев Бжезинский произнёс речь. Тех, кто знал его как непримиримого русофоба, она повергла в изумление: в ней он предложил включить в «золотой миллиард»... Россию! Ещё вчера призывал к её расчленению и заселению её пустующих земель другими народами, а сегодня приглашает её вступить в привилегированный клуб богатых и влиятельных стран. Как он мог на старости лет так перемениться?

Никакой перемены с ним не произошло. Бжезинский как был, так и остался ревностным охранителем интересов США, и его странное на первый взгляд предложение только подтверждает это. После того, как большинство голосов на наших президентских выборах было подано за твёрдую государственность в лице Путина, он понял, что

расчленить Россию не получится, а поэтому остаётся только одно: задушить её в объятиях.

Трудно предсказать, насколько интересным покажется экстравагантный проект Бжезинского американским политикам, но для нас он очень интересен, так как выдаёт сразу несколько реалий нашего времени, о которых Запад предпочитает умалчивать.

Что такое «золотой миллиард»? Это сам Запад, т. е. группа стран, которые принято называть «развитыми» и в которых уровень материального благосостояния много выше, чем у остальных семи миллиардов населения земного шара. Этот миллиард «золотой» в том смысле, что он богатый. А почему он богат? Как почему, говорят западные идеологи, мы лучше работаем, лучше распоряжаемся людскими и природными ресурсами, короче гово-

ря наш образ жизни более эффективен, чем в странах, которые живут по-другому. Мы говорим этим странам: усвойте западную культуру, интегрируйтесь в неё, измените ваш образ жизни на западный, и вы тоже станете такими же богатыми. Звучит убедительно. Но как это совместить с тем, что сказал в своём выступлении Бжезинский?

Бжезинский не правит ни Западом, ни Америкой, у него вообще нет никакой власти. Его функция в другом: он подаёт советы тем, кто правит, и правители к его советам иногда прислушиваются. В данном случае он советует этим не раскрывающим себя правителям включить Россию в западное сообщество, т.е. сделать её такой же богатой, как и нынешние члены этого сообщества, поднять уровень её материального благополучия, сделать жизнь россиян столь же комфортной, как жизнь американцев, – тогда у них появится вкус к комфорту, и они станут приверженцами западного образа жизни. Это потребует определённых расходов, говорит Бжезинский, но они, по его мнению, будут оправданы тем, что Запад как экзистенциальная идея станет более прочным. Вдумайтесь только: Бжезинский предлагает правителям Запада не содействовать России стать богатой, научив её правильно организовывать хозяйство, а путём принятия политического решения сделать её такой же богатой, как Запад. Вот вам и разоблачение одного из секретов Запада: оказывается, страна становится богатой не по труду, а по постановлению его правителей. Но раз так, значит эти правители распоряжаются мировыми денежными потоками и могут направить их туда, куда сочтут нужным. До 2011 года они направляли эти потоки в основном на себя, т.е. Запад обделял финансами весь остальной мир; теперь Бжезинский рекомендует исключить из числа обделяемых Россию и взять её в долю. Россия станет соучастницей грабежа, и нарастающий в ней антиамериканизм, представляющий для Запада политическую угрозу, сойдёт на нет. Он так

и говорит: нам придётся немного потесниться.

Никакой гениальности в мысли Бжезинского нет, она подсказана самой жизнью. Более того, она уже созревала в умах западной политической элиты, и Бжезинский просто дал этому мыслительному процессу ещё один толчок. Осуществление этого тактического хода вполне реально, надо только ускорить отмену поправки Джексона-Вэника, после чего открыть полноценное долларовое кредитование российскому крупному бизнесу, поставив его представителей на одну доску со своими – благо доллары печатаются на Манхэттене. Разумеется, наши олигархи, попав не в отдельный, а в основной список «Форбса», будут счастливы, разбогатеют ещё больше и на радостях частью своих прибылей даже поделятся с народом, чтобы сделать его образ жизни похожим на западный. Россия станет третьим после Евросоюза и Японии филиалом США, и все четверо образуют «Великую Америку», чьё мировое господство уже никто не сможет поколебать.

До чего же стереотипна судьба языческой цивилизации – в своём круговращении Второй языческий Рим прошёл те же фазы, которые проходил Первый. Многобожие перешло в безбожие, безбожие – в материализм, материализм – в гедонизм. Гедонистическое же общество, по самой своей сути нуждающееся в дотациях, вынуждено делать своими донорами другие общества – сначала силой, потом обещаниями, потом подачками, но рано или поздно ему приходится выполнить обещания и включить их в свой состав. Так зона гедонизма спонтанно расширяется и только благодаря этому существует. Но расширение не может быть бесконечным, и в этом заключается фатальность гибели хоть первой, хоть второй языческой цивилизации.

Мы не знаем, произойдёт ли распространение западной цивилизации на Россию – это зависит не только от США, но и от того, победят ли в ней западники почвенников. Но если произойдёт, то это

будет последнее её расширение: дальше встанет железобетонная стена Китая и исламского мира. Сделать экономически мощный и умный Китай донором Запада невозможно, как невозможно мусульманам навязать западный образ жизни, ибо он представляется им аморальным и вызывает у них отвращение. Так что план Бжезинского, даже если он будет реализован, просто отсрочит крах Запада вместе с его пресловутой «демократией», которая, как показал российский экономист и философ Михаил Хазин, есть не что иное, как вольготный паразитарный образ жизни западного «среднего класса», возможный только при наличии внешних доноров. Не станет доноров, не станет и этого образа жизни, т. е. «демократии», и «среднему классу» придётся, позабыв о демократии, в поте лица своего добывать свой хлеб, как это и назначил Господь потомкам Адама.

После развала Советского Союза у Запада вспыхнула надежда, что теперь ему удастся превратить Россию в свою колонию, выкачивание средств из которой продлит ему жизнь на достаточно большой срок. Фукуяма, впад в эйфорию, объявил, что «демократия» теперь установится в мире навечно. Но русская государственность неожиданно начала потихоньку восстанавливаться, а прервать этот процесс силовыми методами Запад не решился. Сегодня он близок к тому, чтобы предложить России добровольно стать частью Запада уже на паритетных началах. Таким образом, судьба человечества в XXI веке зависит от её решения, которое должно быть принято в ближайшие годы, ибо на западную экономику надвигается кризис, и время не терпит. Перед нами встаёт дилемма: влиться в западную цивилизацию или воздержаться от этого.

Наверное, мы влились бы в неё, если бы не одно досадное обстоятельство: у нас есть своя собственная цивилизация, в которой мы живём уже тысячу лет и в которой нам, по всей вероятности, суждено жить до конца времён, ибо все попытки оторвать нас

от неё и пересадить в другую цивилизацию неизменно оказывались безуспешными. Наша цивилизация обладает удивительным свойством: до какого-то предела она является податливой, пластичной и переимчивой, поэтому всё время находятся желающие вылепить из неё что-то своё, но в конце концов они натываются на спрятанный внутри неё абсолютно негибкий стержень и оставляют своё занятие. Этот стержень – евангельские заповеди Христа, по которым наш народ сознательно или бессознательно, как бы далеко ни ушёл он от них в присущих ему метаниях, в решающий момент выверяет свой исторический выбор. Когда-то этот стержень образовал вокруг себя римскую раннехристианскую цивилизацию; когда он стал для Европы чужеродным и выпал из её культуры, он оброс византийской культурой; когда Византия была уничтожена турками, он не исчез, и вокруг него сформировалась русская православная цивилизация, которая существует и поныне. Ни Золотой Орде, ни Речи Посполитой, ни Петру Великому, ни Наполеону, ни большевикам, ни Гитлеру не удалось вынуть из нас этот стержень. Так неужели может это получиться у нынешнего дряхлеющего Запада?

Но на этот раз мы должны не просто выстоять. До сих пор Россия лишь хранила в глубине своей души евангельское учение о том, как надо жить человеку на земле, теперь ей нужно извлечь его оттуда и пустить в дело.

Почему с гибелью Первого языческого Рима люди, жившие на его территории, не рассеялись, не одичали, не стали вскрывать себе вены или гибнуть в бессмысленных междоусобицах? Кто вывел их из тупика материализма и гедонизма? Их вывел оттуда сошедший на землю Бог, научив тому единственному образу жизни, который даёт мир и радость здесь и вечное блаженство там. Сегодня Второй языческий Рим, а с ним и большинство человечества, которое он приохотил к материализму и гедонизму, снова зашли в тот же тупик. Но во второй раз Христос уже не сойдёт на землю – по Откро-

вению Священного Писания Он теперь явится лишь на облаке во всей Своей божественной славе, и не для того, чтобы учить, а для того, чтобы судить.

Но подумаем: есть ли такая уж необходимость снова спускаться Христу к людям и объяснять им, как следует жить? Ведь Он уже однажды дал подробные объяснения такого рода и, чтобы люди не забывали, оставил подробный их письменный свод – Евангелие. Ныне оно доступно каждому человеку, где бы он ни жил – раскрой, читай и выполняй, чего ещё надо?

Нет, всё не так просто. Одно дело – читать, другое дело – понимать читаемое, а третье дело – выполнять.

Начнём с последнего. Если ты не убеждён, что инструкции под названием заповедей даны самим Богом, точно знающим, что полезно для человека, а что вредно, ибо Он его сотворил, если ты хоть на секунду усомнишься и допустишь мысль, что Евангелие есть продукт человеческой мысли, то исполнять Его трудные заповеди ты не станешь. Ты скажешь себе: пусть Иисус был гением, к тому же обладавшим высокой нравственностью, но жил Он очень давно, в совсем другую эпоху, поэтому многие Его поучения к современной обстановке неприменимы. Следовать всем евангельским инструкциям сможет только тот, кто поверил, что Иисус есть Сын Божий, являющийся поэтому абсолютным авторитетом в области этики. Итак, прежде всего нужна вера. Но и верующий в божественность Христа может неправильно или превратно понять записанные евангелистами Его поучения, особенно те, которые даны в форме притч. Здесь необходима помощь грамотного толкователя. С этим тоже нет проблем: пойдя в воскресение в храм, на литургии священник обязательно прочтает какой-то отрывок из Евангелия, а в своей проповеди подробно разъяснит прихожанам его смысл. Если же у тебя возникнут ещё какие-то вопросы, подойди к нему после службы и побеседуй.

Однако даже наличия всех трёх условий – веры, евангельского текста и разъ-

яснения этого текста – недостаточно для того, чтобы перестать жить по-старому и начать жить по-новому. Языческий образ существования, который ведёт современный человек, привязывает его к себе тем, что угрожает его телу, потакает развитию его низменных, чисто биологических запросов и с готовностью их удовлетворяет. Моей плоти приятнее сидеть после обеда у телевизора и смотреть идиотский детектив, чем читать святоотеческие творения. Мне приятнее на католическое Рождество есть индейку, чем поститься. Плотское существование усыпляет и засасывает, и, чтобы вырваться из его трясины, нужно проснуться, понять, что она тебя губит, и почувствовать к ней отвращение. Если оно у тебя появится, ты найдёшь в своей душе и генетически переданную тебе твоими предками веру, и раздобудешь Священное Писание, и станешь ходить в церковь, даже если она находится далеко от твоего дома.

Человек – двухприродное существо, в нём есть материальная составляющая, которая роднит его с животными, и духовная составляющая, которая роднит его с ангелами. А что душа? Душа человека, т. е. внутренний, известный только ему самому текущий мир его мыслей, чувств, побуждений, терзаний и фантазий, раздваивается между телом и духом. С одной стороны, ей жалко тела, ей хочется, чтобы ему было хорошо и спокойно, с другой стороны, благоговет перед духом, замирает, находясь вблизи святости... Но служить одинаково ревностно двум господам нельзя, кому-то из них надо отдать предпочтение. Душа должна сделать выбор между телом и духом, решить, кто её главный господин, кого надо обслуживать в первую очередь, а кого во вторую. Раздвоенность души причиняет ей страдания, а после того как она сделает выбор, страдания утихают. Иными словами, существуют только два устойчивых состояния человеческой души – «языческое», в котором плоть для неё главнее духа, и «христианское», при котором дух главнее плоти. Это как в моде-

ли атома Бора, где допускаются только «разрешённые» орбиты электронов, а промежуточные между ними «запрещены». То же самое относится и к коллективной душе – к общественному сознанию. Цивилизация в зависимости от своих предпочтений может быть языческой, может быть христианской, вариант же, при котором она в равной мере тянется к телу и духу, неустойчив – по Бору, «запрещён». И для перехода из одного устойчивого состояния в другое устойчивое состояние что индивидуальной душе, что цивилизации необходим ощутимый толчок – так электрону для перехода с одной «разрешённой» орбиты на другую нужно получить или отдать порцию энергии. Как мы с вами знаем, толчком к переходу позднеримского общества от язычества к христианству послужило то, что всё большее число людей начинало испытывать отвращение к скотскому образу жизни, которым завершилась эволюция античного язычества. Человек наконец прозрел и понял, что культ обречённого на неизбежную смерть тела есть культ смерти, и ужаснулся. И как раз в этот момент Христос предложил человеку служить не телу, а духу, то есть жить по Его заповедям. Испробовав эту новую жизнь, человек увидел, что она лучше прежней, и никаких последующих толчков для того, чтобы её продолжать, ему не понадобилось.

Так завершился первый цикл европейского язычества. Ему на смену пришло христианство, и народы континента, а за ними и соседние народы вошли в новую жизнь. Всё это очень интересно, но нам гораздо интереснее было бы узнать, чем завершится второй круг язычества, на этот раз уже глобального, в котором нам с вами выпало на долю родиться – ведь «времена не выбирают, в них живут и умирают». Возможен ли тут какой-то прогноз?

Когда синоптики осенью хотят предсказать, какой будет зима, они разыскивают в протоколах наблюдений такой год, в котором была такая же весна, такое же лето и такая же осень, а затем смотрят, какая

в том году была зима, и говорят: нынче будет такая же. Это у них называется «прогнозирование методом аналогии», и этот метод у них обычно срабатывает.

Попробуем и мы воспользоваться им. Цикл современного язычества прошёл уже все свои стадии, кроме последней, и нам желательно было бы найти в прошлом завершившийся цикл с такими же стадиями, чтобы посмотреть, чем тогда он закончился.

Такая аналогия нами уже подготовлена. На протяжении всего нашего разговора мы постоянно сталкивались с тем, что ход событий времён античного язычества почти точно воспроизводился в неоязычестве Нового времени. Убедимся в этом ещё раз, сравнивая античный и современный языческие циклы на трёх уровнях – духовном, душевном и телесном.

В духовной сфере, т.е. там, где человек мистически связан с Богом, в обоих циклах происходило одно и то же: ослабление такой связи вплоть до прекращения. Апостасия выражалась в постепенной десакрализации представления о Боге. Античное язычество возникло в тот момент, когда древние творящие космос из хаоса боги плохо известной науке архаичной религии, отзвуки которой можно уловить в мифах об Уране и Гее, были заменены пантеоном человекоподобных существ, сидящих на горе Олимп и строящих козни друг другу и людям. Серьёзно верить в их реальность становилось всё труднее, и наконец верой стали называть спорные философские предположения о наличии «там» «чего-то такого», не способные быть движущей силой для того, кто их принимает. Ровно это же происходило и на втором витке европейского язычества.

Предшествующий Бог европейцев – Христос – уже в XIV веке начал «очеловечиваться» (в этом и заключалась суть эпохи Возрождения, или Гуманизма), в начале XVI века протестантизм запрягал Его в сердце человека, отозвав из космоса, а в XVIII веке власти европейских умов объяснили, что Его вообще не было и нет (эпоха Просвещения). Правда, позже, с развитием исторической

науки и источниковедения, учёные признали, что Иисус существовал, но был просто выдающимся человеком, а все сотворённые Им чудеса сочли выдумкой. Может ли подвигнуть кого-то на что-то образ такой полулегендарной личности, жившей две тысячи лет назад?

Качество души человека можно определить по тому, что её притягивает, к чему она расположена. То же относится и к душе цивилизации: её качество таково, каково то, что ей нравится. Совокупность же того, что нравится цивилизации, характеризует её нравственность. И тут опять одинаковая картина: как в первом языческом Риме, так и во втором общественная нравственность непрерывно снижалась. В результате и античность перед самым своим концом, и современный Запад стали Содомом и Гоморрой.

Спустимся на уровень тела – биологического организма человека и государственного организма цивилизации. И в древнем, и в современном язычестве направление развития здесь одно и то же: всё полнее удовлетворять материальные потребности отдельного человека и совершенствовать материальный аспект существования государства, оснащая его новыми видами вооружения и новыми средствами связи. Однако эта качественно общая для первого и второго циклов тенденция привела к очень разным в количественном отношении результатам: новые язычники, благодаря тому, что они прошли через эпоху просветившего их сознание христианства, создали науку, а на её основе высокие технологии, что позволило им устроить для человека такую удобную среду обитания, а государству дать такую физическую мощь, о которой и не мечтали античные язычники. Но это различие непринципиально – и те, и другие эволюционировали по единой схеме: от материализма – к гедонизму, от гедонизма – к паразитизму, от паразитизма – к поиску тех, на ком можно паразитировать, и после их истощения к гибели. Теперь, когда аналогия подтверждена, нам остаётся лишь вспомнить,

чем это кончилось тогда, и сказать: этим же кончится и сейчас.

Тогда с гибелью языческой Империи населяющие её народы не погибли. Им очень повезло: как раз в то время, когда вести гедонистический образ жизни римляне уже не могли за недостатком средств, на землю сошёл Сын Божий, образовал вокруг себя «малое стадо» и сказал ему: «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдёте покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко». (Мф. 11:28).

Подсказанный Христом образ жизни сначала стала вести лишь небольшая группа Его учеников, но, убеждаясь в его спасительности, эти ученики учили ему других, те убеждались в том же и учили следующих, и так на месте погибшей цивилизации в Европе расцвела новая, полная жизни, любви и света.

Как хочется тут воскликнуть: так будет и сейчас! Ведь потребительский образ жизни скоро поневоле закончится. Современная кредитно-банковская экономика представляет собой гигантскую жульническую пирамиду, под которую всё время подводится расширяющееся основание, состоящее из новых вкладчиков, которые, ослепнув от жадности, не видят, что щедрые проценты верхним её частям выплачиваются из их денег, и надеются на такие же дивиденды. Когда завлекать в эту сферу станет уже некогда, пирамида рухнет, как Силоамская башня, и раздавит многих. Разве это не будет толчком к решительному изменению образа жизни?

Всё повторится, кроме одного: Спаситель на этот раз не сойдёт на землю, чтобы научить нас, как именно надо жить.

А нужно ли Ему снова ходить среди нас в облике человека и говорить с нами о необходимости покаяния и изменения жизни? Ведь Он об этом уже всё сказал, и сказанное Им записано в Евангелии. Оставил Он нам и церковь православную, которую, по Его слову, не одолеют врата ада, и она продол-

жает учить нас тому же, чему учил нас Он, излагая Его учение, когда это потребует, на современном языке. Есть даже и «малое стадо» – люди, ведущие истинно христианский образ жизни и на своём опыте познавшие его благодатность. Так что для полноты картины не хватает лишь толчка, а он неизбежен. Но приведёт ли он к тому же результату, что тогда?

Православные церкви существуют во многих странах – в Греции, в Болгарии, в Грузии и т. д., но наибольшими возможностями духовного окормления и учительства, а также самым крупным и самым квалифицированным богословским корпусом располагает, конечно, Русская Православная Церковь. У неё и самая большая в мире паства.

Как ни пропагандировал Запад «научный» и житейский материализм, как ни соблазнял человечество осязаемыми благами, а какое-то небольшое количество подлинных христиан всё-таки сохранилось. Они рассеяны по всему миру, встречаются даже и в самой Америке (пример – Серафим Роуз), но подавляющее их большинство живёт в России. И, что самое главное, их число неуклонно возрастает. Наша страна – единственная в мире, где возводится много новых православных храмов и открываются новые семинарии. Если это не дрожжи, которым суждено заквасить всё тесто, то какой исторический смысл может иметь этот процесс?

И ещё. В Римской империи дрожжи, которыми были прямые ученики Иисуса, так быстро начали поднимать тесто не только потому, что гедонистический образ жизни стал экономически невозможным, но и потому, что он опротивел народу. Замечается ли такое сегодня?

В России надо быть слепым, чтобы этого не заметить. Наш народ в своей массе страшно недоволен, он постоянно брзжит, критикует происходящее вокруг, ругает власть и вообще находится в самом мрачном расположении духа, как альтернативу жизни сегодня вспоминает жизнь при Советской власти. Находясь в таком унынии, не веря

в будущее, он плохо работает, считает, что ему недоплачивают. А между тем в материальном отношении он живёт теперь гораздо лучше, чем жил в годы строительства коммунизма. И никакие подачки со стороны государства не прогоняют этого упаднического настроения, лишь только его усугубляют. Дело в том, что для нашего народа главное состоит не в том, чтобы жить богато, а в том, чтобы жить правильно, и поскольку он последним из европейских народов отпал от Христа, в своём подсознании он понимает правильную жизнь как жизнь по евангельским заповедям любви к ближнему, взаимопомощи, честности, исполнению долга. Но импортированный с Запада капитализм предлагает другую заповедь – «делай деньги!», и та жизнь, которую пытаются навязать сегодня России по этой заповеди, вызывает у её народа отторжение.

Запад в последнее время начинает проникаться эсхатологическими предчувствиями. Это выражается в повышении интереса к пророчествам о конце света, в частом обращении кинематографистов к теме апокалипсиса, в явном воодушевлении, с которым в научно-популярных телепередачах BBC рассказывается о том, как растаявшие ледники затопят Европу и как Солнце вспыхнет и сожжёт землю. Это вполне понятно: всякая чувствующая приближение своей гибели цивилизация хочет, чтобы вместе с ней погибло всё человечество – на миру и смерть красна. Но пусть Запад и не мечтает об этом – после краха его скотского потребительского жизнеустройства люди не только останутся жить, но начнут жить по-новому, восстанавливая в себе Божий образ. И, как очевидно из всего нами сказанного, выздоровление человечества должно начаться с России. А может быть, внутри вас оно уже началось, как вы думаете? Не начинаете ли вы чувствовать, что пора остановиться в погоне за всё новыми утехами для своего ненасытного тела и позаботиться о своей несчастной заброшенной душе?

Из книги «Имея жизнь, вернулись к смерти».

Наше время: его место в череде эпох

Древние израильтяне, древние греки и древние римляне не знали о себе главного: а именно того, что они древние. Они думали, что смысл их жизни заключается в ней самой и не знали, что он раскроется лишь тогда, когда их уже не будет. Им было невдомёк, что они только поднимают занавес, начинают разыгрывать первый акт великой драмы, называемой сошествием несущего Истину Бога с Небес на землю, в которой до опускания занавеса будет ещё много других актов. В первом акте людям были розданы качества, позволившие им в следующем акте воспринять и распространять Божественную Истину: древние израильтяне принесли веру в Единого Бога, древние греки – метафизику, ставшую основой подлинного богословия, древние римляне – ненасытное стремление ко вселенскому окультуриванию варваров. Только после этой подготовки почвы Господь сошёл к людям, основал Свою Церковь и остался в Ней с нами до конца времён. Так наступил второй акт – христианское средневековье.

Люди, разыгрывавшие этот акт, тоже не знали о себе самого главного: что их века – это средние века. Они думали, что живут для себя, а в действительности они подготавливали третий акт драмы. Великое христианское богословие средних веков так вышколило человеческий интеллект и выработало столь глубокие и тонкие абстрактные категории дискурсивного рассуждения, что, обращённые на познание материи, они позволили создать эффективное естествознание и на его основе – мощную технологию, породившую совершенно новую высококомфортную искусственную среду обитания, в корне изменившую быт человека.

Этой индустриальной революцией открылся третий акт драмы, и вышедшие на сцену люди, как и все предыдущие, думали, что он окончательный, что наконец

открылось Новое Время, по латыни Модерн. Вышедшие в этом акте на сцену действующие лица опять решили, что никаких других актов больше не последует, и человечество будет бесконечно двигаться дальше в своём познании вселенной и благоустраивать свою материальную жизнь. Это головокружение от успехов длилось несколько столетий, но на рубеже двадцать первого века вдруг стало исчезать, и все почувствовали, что вступают в новый акт драмы – в эпоху Постмодернизма, которая и есть наше время.

В чём же её суть? Из названия это непонятно. После Модерна – да, но перед чем? Или мы, как древние греки, не знаем о себе самого главного?

Думается, ситуация ныне совершенно другая – нам впервые открывается то, перед чем мы находимся – перед опусканием Занавеса. На это указывают, по меньшей мере, семь веских аргументов.

1. Когда ученики спросили Иисуса, каковы будут признаки кончины века, Он, не называя сроков, перечислил несколько признаков. Среди них – войны и военные слухи, землетрясения, явление лжеспасителей человечества, гонение на христиан, восстание народа на народ и царства на царство, умножение предательства и беззакония, охлаждение любви. Но, указывая на эти признаки, Иисус добавляет, что всё это ещё не конец времён, а лишь начало болезней. А после сего произносит такие слова: «И проповедаемо будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» (Мф 24, 14).

То обстоятельство, что Евангелие впервые за две тысячи лет стало обязательным текстом, стало совершенно очевидным: его можно купить в любой точке мира за ничтожную сумму или получить бесплатно. Но можно сказать и нечто большее.

Вселенское проповедание Евангелия – не просто признак, а неотъемлемая состав-

ная часть сложного процесса, называемого кончиной века. Мир ненавидит Евангелие, мир открыто и нагло попирает Заповеди и предаётся разврату, осуждённому Евангелием. Мир запрещает носить кресты, поздравлять друг друга с христианскими праздниками, мир превращается в Содом и Гоморру. Но почему-то не препятствует распространению Евангелия и, более того, способствует массовому показу фильмов, снятых по евангельским сюжетам. Как это объяснить? Почему властвующий князь мира сего не запрещает разоблачающее его Евангелие, не искореняет эту книгу, не сжигает её? Причина этого может быть лишь та, что Бог не позволяет ему делать это, ибо без предварительного проповедания Евангелия лишается смысла кончина века. С небывалой по размаху проповеди Благой Вести в скатывающемся в бездну греха мире, собственно, и начинается конец времён.

2. Тайнозритель Иоанн Богослов повествует нам о сцене, которую видел в своём Откровении, данном ему Богом. Души убитых за Христа мучеников возроптали на Господа, что Он медлит с отмщением мучителям. «И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились ещё на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число» (Откр 6, 11). Отмщение будет в День Страшного Суда, т.е. когда настанет конец времён, значит одно из условий наступления конца – дополнение числа мучеников. Мы не знаем, до какой отметки должно дойти это число, но любая разумная отметка наверняка была превышена сонмом новомучеников, избитых в СССР в двадцатом веке. Следовательно, отмщение, а значит, и конец света, не за горами.

3. Неоспоримым фактом является то, что лет уже пятьдесят человечеству не посылаются великие гении науки и культуры. Давно нет математиков масштаба Пуанкаре, физиков масштаба Бора и Шрёдингера, астрономов масштаба Хаббла, биологов масштаба Уотсона, композиторов масшта-

ба Шостаковича, Дунаевского, Соловьёва-Седого и Мокроусова, живописцев масштаба Ренуара и Кандинского, писателей масштаба Марселя Пруста, Алексея Толстого и Михаила Шолохова. Все последние Нобелевские премии за успехи чисто технологические. Почему Бог перестал дарить нам гениев?

Ответ может быть только один. Гении, как и пророки, посылаются Творцом в качестве стимуляторов исторического развития, они работают на перспективу, на будущее. Если же историческая драма завершается, заботиться о будущем нет никакой надобности, и выдвигать гениев незачем.

4. Вот что писал апостол Павел о «женщинах, делающих срам на женщинах, и мужчинах, делающих срам на мужчинах»: «Они знают Праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти, однако не только их делают, но и делающих одобряют» (Рим 1, 32). Это – современная Западная цивилизация. Трудно сказать, знают ли оскорбляющие Бога своими мерзостями, что этим обрекают себя на гибель, но долго терпеть их присутствие на Своей земле Господь не станет, это ясно из прецедента с Содомом и Гоморрой. Но выжечь серным огнём два небольших города было сравнительно легко, а как избавиться от миллионов богомерзких извращенцев, рассеянных по многим странам? Способ один: поторопиться Христу со вторым пришествием, чтобы поскорее учинить Суд и отправить их в преисподнюю. Не об этом ли сказано в Евангелии: «И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни» (Мф 24, 22)?

5. Серьёзным аргументом в пользу завершения человеческой истории является происходящая в наше время глобализация. Мы знаем, что непосредственно перед кончиной века придёт антихрист. Он явится не к отдельному народу, а ко всему человечеству, а значит к тому моменту оно должно быть единым. Вот это необходимое антихристу единство и подготов-

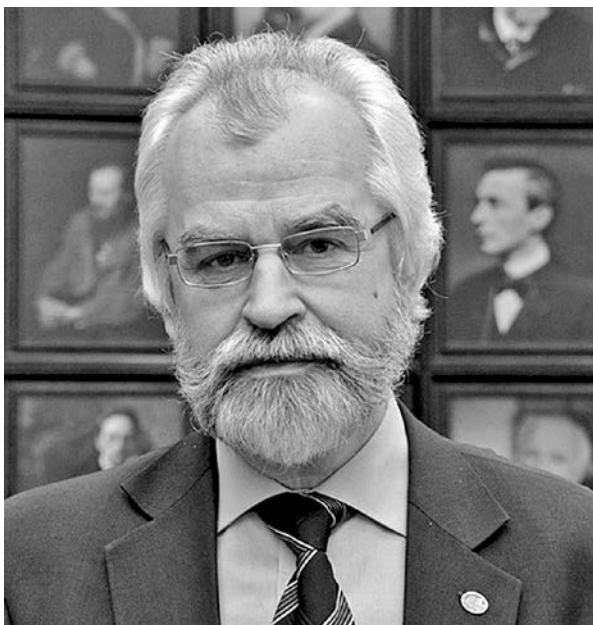
ливается на наших глазах в ходе убыстряющейся глобализации.

6. Выступая на научном поприще, молодой Владимир Соловьёв поставил перед собой великую задачу: предъявить людям столь бесспорные и неопровержимые доказательства существования Бога, чтобы отвергнуть его могли только те, кто не хочет Его признать. Такая апологетика разделила бы человечество на обладателей доброй воли и обладателей злой воли, т.е. сыграла бы роль Страшного Суда, состоявшегося ещё до конца времён. Соловьёв много сделал для создания такой апологетики, но осуществить свою мечту до конца ему не удалось из-за недостатка научных данных. Сегодня эта мечта стала реальностью: учёные, сами того не желая, представили нам такой материал, из которого логически вытекает та же самая картина мира, которая кратко обрисована в Священном Писании. Отрицать в наше время, что мир сотворён из ничего в результате Большого Взрыва, что жизнь порождается изначальным Словом, записанным на ДНК, и что теория Дарвина абсолютно несовместима с современной биологией, может только тот, у кого мысль о Боге вызывает безот-

чётную ярость. Это ли не начало разделения людского рода на овец и козлиц?

7. В наши дни происходит и политическая поляризация цивилизаций: образуется идейно единый лагерь беззакония, собранный вокруг себя содомистским потерявшим на исторических путях Христа Западом, и лагерь относительно богобоязненных цивилизаций, к которому принадлежат православные и истинные мусульмане. Примирения между этими группами культур принципиально невозможно, о чём, в частности, неоднократно заявлял самый авторитетный политик современности Владимир Путин.

Итак, эпоха, в которую мы вступили, в отличие от других эпох, раскрывает современникам свою суть. Ни древним грекам, ни средневековым христианам, ни поколениям Нового Времени не дано было знать о себе самого главного; нам – дано: мы вошли в последнюю фазу исторического процесса, которая в то же время является первой, земной фазой Страшного Суда. Сколько времени займёт эта фаза, мы не знаем – может, пять лет, а может, двадцать поколений, но одно очевидно: нам всем необходимо определяться уже сегодня, а то можем не успеть.

*Александр Ужанков,
профессор, доктор филологических наук,
кандидат культурологии*

Учебник русской жизни

Чему учит литература? Об этом в последнее время много говорят и зачастую яростно спорят академики, политики, общественные деятели, преподаватели, родители и ученики. Дискуссия началась в 2013 году, когда члены Общественной палаты с благой целью культурного и духовного объединения нации выдвинули идею написать единый школьный учебник литературы. И у этой идеи сразу появились противники: единый учебник, по их мнению, означал бы покушение на свободу учителя и ученика в творческом процессе познания, возврат к идеологизированному уроку литературы советского образца. Правда, на словах ратуя за свободу, на деле оппоненты единого учебника не менее жёстко, чем его сторонники, проводят свою линию в вопросе «чему учить». Речь идёт об эстетической и познавательной функциях литературы, то есть о том, чтобы привить ученику навык самостоятельного чтения ради «наслаждения»

текстом, преимущественно его формой и стилем, и дать минимум знаний, необходимых «интеллигентному человеку». Миссия литературы как носителя культурной и нравственной традиции при этом отрицается с упорством, вызывающим удивление*.

Между тем о важности именно ценностного подхода к литературе заговорили в Обществе русской словесности, учреждённом в марте этого года по инициативе президента Владимира Путина и под эгидой Патриарха Кирилла. На первом заседании был заслушан доклад об учебнике литературы Александра Ужанкова, доктора филологических наук, кандидата культурологии, профессора НИЯУ МИФИ и Литинститута им. А.М.Горького, специалиста по древнерусской словесности и члена экспертных групп по нескольким линейкам учебников. О том, в чём смысл предлагаемого новшества, он согласился подробно рассказать.

– Александр Николаевич, для чего нужно изучать литературу, есть ли у неё миссия, не зависящая от пристрастий руководства Минобразования, политики в области образования, мнений отдельных специалистов?

– Да. Отвлекаясь от политических, сиюминутных мотивов, если мы посмотрим на три гуманитарных предмета: отечественную историю, русскую литературу и русский язык, то поймём, что они формируют мировоззрение русского человека. История отвечает за чувство патриотизма. Поэтому, например, когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз, одной из идей пропаганды Геббельса было раздробить русскую историю на ряд историй локальных. Язык – это национальная самоидентификация: на каком языке ты думаешь, той культуре и принадлежишь, и не важно, какая кровь в тебе течёт. И сегодня, когда в школьной программе на изучение русского языка отведено меньше часов, чем на иностранные, мы заведомо воспитываем «не совсем русское» молодое поколение. Кстати, вот вам вопрос на засыпку. Как звали отца Евгения Онегина? Не думайте, потому что не вспомните. В романе нет его имени, про него сказано только: «Служив отлично-благородно, долгами жил его отец, давал три бала ежегодно и промотался наконец». У Евгения Онегина нет отчества, то есть Отечества. Почему? Потому что он русский иностранец, воспитанный иностранцами по своему образу и подобию: «Сперва Madame за ним ходила, потом Monsieur её сменил <...>. Он по-французски совершенно мог изъясняться и писал; легко мазурку танцевал и кланялся непринужденно»...

– А у Татьяны отчество разве есть?

– Татьяна – «русская душою», и мы узнаём имя её отца из надписи на надгробии: «Надгробный памятник гласит: Смиренный грешник, Дмитрий Ларин, Господний раб и бригадир...».

– Тем не менее Татьяна писала своё письмо Онегину по-французски.

– Да, как русская барышня с домашним образованием конца восемнадцатого – начала девятнадцатого века, воспринявшая поведение влюблённых девушек из сентиментальных французских романов, а там любовная переписка занимает существенное место. Однако после «Евгения Онегина» Пушкин пишет «Капитанскую дочку», используя тот же сюжет: молодой человек едет в точку назначения на почтовых, там он встречается с барышней, которая в него влюбляется, потом она напишет ему письмо, он будет драться на дуэли... Он пишет эту повесть три года, хотя в ней всего сто страниц. Но её называют духовным завещанием Пушкина, он подготовил её к печати незадолго до смертельного ранения на дуэли. Зачем ему это было нужно? Он не был доволен «Евгением Онегиным». Дело в том, что, когда Пушкин начинал в 1823 году сочинять «Евгения Онегина», он брал «уроки чистого афеизма» (*атеизма*), как он сам писал из Одессы, а заканчивал роман через семь с половиной лет, в Болдино, будучи уже глубоко православным человеком. Не случайно перед этим он создаст и «Бориса Годунова», дав совершенно новую для своего времени трактовку русской истории как осмысления Божественного промысла о народе. А в «Капитанской дочке» через Божественный промысел осмысливается человеческая жизнь. Я студентам обычно предлагаю сравнить два письма – Татьяны: «Я к вам пишу – чего же боле? Что я могу ещё сказать? Теперь, я знаю, в вашей воле меня презрением наказать» и Маши Мироновой: «Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери: не имею на земле ни родни, ни покровителей. Прибегаю к вам, зная, что вы... всякому человеку готовы помочь». Смотрите, в письме Маши ни слова о любви: вы готовы каждому помочь, значит, и мне поможете. И – вера в Провидение: «Богу было угодно...». И на этом примере хорошо видна миссия литературы, о чём вы спрашивали. Она заключается в формировании духовно-нрав-

ственных ценностей, своего рода креста, где вертикаль – это духовность, соединение человека с Богом, а горизонталь – отношения между людьми, мораль и этика.

УРОК ПУШКИНА: «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» – ЭТО НЕ ПРО ЛЮБОВЬ

– Если миссия литературы – формировать духовность и нравственность, то понятно, почему в результате реформы образования было снижено значение литературы в школе, ведь реформа призвана избавить школу от воспитательной функции?

– Меня волнует не столько даже школьная программа, сколько вузовская, подготовка будущих учителей. Более четверти века я преподаю в разных вузах и вижу, как сокращается количество часов на русскую литературу, особенно в педвузах. Например, за один семестр проходят и древнерусскую литературу, и литературу восемнадцатого века – это можно назвать лёгким знакомством с курсом, но никак не профессиональной подготовкой, потому что глубоко изучить литературные произведения за такой короткий срок нельзя. Да и в школе положение не лучше: в советской школе, например, изучалось десять произведений древнерусской словесности, а сейчас в лучшем случае «Слово о полку Игореве».

– По поводу древнерусской словесности есть сомнение, нужно ли её знать подробно школьному учителю и тем более школьнику: специальные тексты, далёкие и от современного языка, и от классической литературы. Не лучше ли сосредоточиться на классике?

– Насколько древнерусская словесность далека или близка к современности, это интересный вопрос, и мы к нему ещё вернёмся. Хорошо, поговорим о классике. Из школьной программы исключили «Капитанскую дочку», а «Евгения Онегина» оставили. Почему? Потому что не понят смысл

ни того, ни другого произведения, которые надо изучать вместе, а также вместе с «Борисом Годуновым». Вот вам ещё вопрос, который я задаю студентам: «Евгений Онегин» – это произведение о чём? О любви? А ответ на него – в словах Татьяны: «Как с вашим сердцем и умом быть чувства мелкого рабом?». То есть она понимает, что со стороны Онегина это страсть, а не любовь. Потому что «любовь не ищет своего», как сказал апостол Павел, но она «долготерпит», «милосердствует». И Татьяна не ищет своего, потому что любит Онегина. А вот в «Капитанской дочке» все любят друг друга. Родители Петруши Гринёва любят друг друга и любят сына, Петруша любит родителей. Савельич любит Петрушу, готов жизнь за него отдать. Петруша отвечает Савельичу тем же: проскакал мимо заставы пугачёвцев, они Савельича остановили, и Петруша вернулся, хотя он в мундире, его могли бы застрелить. Мироновы тоже любят друг друга, Василиса Егоровна с готовностью разделила равную участь с мужем. Маша Миронова любит родителей и любит Петрушу. Единственный человек, который не любил никого, – Швабрин. Василиса Егоровна точно его характеризует: он душегуб и в Бога не верует, потому что Бог есть любовь.

– Значит, произведение о любви – это «Капитанская дочка»?

– И о любви тоже. Но главная тема здесь – милосердие. Когда Гринёв первый раз повстречал Пугачёва, он проявил к нему милосердие, а во вторую их встречу уже Пугачёв проявил милосердие по отношению к Гринёву. Третья встреча – это проявление милосердия их обоих по отношению к Маше Мироновой. А перед этим, когда Гринёв с Пугачёвым едут освобождать Машу, Пугачёв признаётся Гринёву, что его окружение – «воры», которые при первой же неудаче свои шеи выкупят его головой, на что Гринёв советует ему прибегнуть к милосердию императрицы и покаяться. Что это такое? Да ведь Гринёв хочет народного бунтаря превратить в благоразумного разбойника

из Евангелия. Но Пугачёв говорит: нет, лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст. Потом возникает ещё одна связывающая их удивительная сюжетная линия. Когда освободили Машу, Гринёв благодарит Пугачёва и говорит: «Бог видит, что жизнию моею рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал... А мы, где бы ты ни был и что бы с тобой ни случилось, каждый день будем Бога молить о спасении грешной твоей души...» И в конце повести, в приписке от издателя, на которую редко кто обращает внимание, мы читаем: «Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринёва... Он присутствовал при казни Пугачёва, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту окровавленная, показана была народу». Спрашивается, а это что такое? Пугачёв в толпе из нескольких тысяч человек ищет глазами Гринёва и, увидев его, как бы спрашивает: ты помнишь свои слова, которые сказал, когда мы расставались? Потому что на смертном одре Пугачёв осознал, что Гринёв дело говорил. И он кивнул Гринёву: раз ты здесь, значит помнишь, ты же дворянин, и хотя бы ты за мою грешную душу помолись. На этом заканчивается произведение. Так о чём оно? «Будьте милосердны, как Отец ваш небесный» – призывает Евангелие. И здесь все милосердны.

– В контекст всеобщего милосердия вряд ли впишутся «лишние люди», «луч света в тёмном царстве» и прочие хрестоматийные литературные типажи. То есть вы ставите под сомнение, кого считать настоящими героями нашей литературы?

– В русской литературе герои идут к Богу или от Бога, потому что основная цель человека – спасение души. Это, кстати, отличает русскую литературу от зарубежной. И тут ещё одна методическая ошибка, если говорить о школьной программе, – изучение их вместе. Это два разных типа литературы и культуры. Литературоведы и культурологи относят европейский тип к так называемому эвдемоническому: эвдемония – это построение земного счастья, земного благополучия, собствен-

но отсюда берёт начало коммунистическая идея, то есть создание земного, рукотворного рая. Русская же культура относится к сотериологическому типу: сотериология – это учение о спасении души. Опять же я студентов спрашиваю: чем заканчиваются американские фильмы? Все хором: хеппи-эндом. А французский роман девятнадцатого века? Ну, тут они задумываются, а я говорю: тем же самым – в начале романа он и она познакомились, потом обстоятельства их разлучили, и на протяжении романа они пытаются соединиться. По пути они прихватывают миллиончик у каких-нибудь «плохих» парней или получают наследство. И в конце – он и она вместе, у них есть миллион, а лучше десять, есть замок или домик, и все счастливы. А теперь: с чего начинается «Евгений Онегин»? Онегин едет получить «миллиончик», ведь он – «наследник всех своих родных». Приезжает в имение дядюшки – средневековый замок («домик»), где в него влюбляется самая прекрасная барышня в русской литературе, по словам Достоевского. То есть Пушкин, воспитанный на французских романах, как бы говорит читателю: вам нужен знакомый сюжет, вот он, а теперь поговорим о серьёзном. А в начале «Войны и мира» Пьер Безухов зачем приезжает из-за границы? Получить наследство. И его тут же женят на красавице Элен. А дальше начинается его духовный поиск. Вот коренное отличие: там, где заканчивается американский фильм или французский роман, русский роман только начинается.

– О духовных исканиях Пьера Безухова или Андрея Болконского мы и раньше знали, только не называли это приходом к Богу.

– А как это ещё можно назвать? Скажем, для князя Андрея в начале романа кумир – Наполеон, а главная ценность – слава: «Смерть, раны, потеря семьи, ничто мне не страшно я всех их отдам за минуту славы...». И вот он получил эту славу, лежит контуженный под Аустерлицем и слышит французскую речь, которая ему напоминает «жужжание назойливой мухи». Это потрясающее место у Толстого, ведь для него в моло-

дости, как и для князя Андрея, если кто не говорил по-французски в совершенстве, тот и не существовал. И тут князь Андрей совершенно по-новому воспринимает французскую речь: «Какая славная смерть». Кто это говорит? Его кумир, Наполеон. А для него это уже пустой звук. Оказывается, слава – это пустой звук. С этого момента у него начинается поиск себя, и к чему он приходит? Он прощает на смертном одре своего врага Анатоля Курагина. Разве это не приход к Богу?

– В таком случае должны быть и примеры, как вы сказали, пути от Бога?

– А «луч света в тёмном царстве» Катерина – это что такое? Самоубийство – это грех перед Богом. Правда, Ницше потом напишет, что человек уподобляется Богу в момент, когда кончает жизнь самоубийством, потому что Господь ему дал жизнь и человек может распоряжаться ею по своему усмотрению. Но в православии самоубийство считается самым тяжким преступлением. Самоубийцы не отпевают, их даже на погосте, там, где церковь стояла, не хоронили раньше. Вот вам путь от Бога.

– Но где тут путь?

– Путь – это пять стадий развития греха от помысла до самого грехопадения, оно описано у святых отцов в так называемой «теории прилога», или помысла. Сначала Катерина увидела Бориса. Кстати, где она его увидела? В церкви. А зачем она туда ходит? Мечтать. Не молиться, а мечтать. Это первое. В этом месте и появляется мысль («прилог»): мол, симпатичный, и так далее. Вопрос: чем Борис от Тихона, мужа Катерины, отличается? Только одно отличие есть: один ходит в костюме, а другой в косоворотке. То есть она, в общем-то, шило на мыло поменяла. Второй шаг называется «сочетанием» – это когда собственная мысль сочетается с чужой и крепнет. Катерина говорит Варваре: ведь это грех, что я другого люблю? А та ей: что мне тебя судить, у меня свои грехи есть. Дальше – «сложение», когда с мыслью себе-

седуют и она складывается в определённый план. Варя дала ключ от калитки, и Катерина рассуждает: «Бросить его в реку... Что же это я делаю, вот так-то и гибнет наша сестра. Ах, кто-то идёт». И – раз, в карман. Не бросила. На этой стадии верующий человек должен принести покаяние в помысле своём. Покаяние – метанойя по-гречески – есть перемена ума или сознания: раскаявшись, ты можешь вернуться в исходную точку, к чистому листу. А Катерина не раскаивается. Это уже «пленение», четвёртая стадия греха, потому что она находится в плену у своего помысла: «Будь что будет, а я Бориса увижу! Ах, кабы ночь поскорее». То есть страсть, в которой она пребывает (а в православии страсть – это грех), ведёт к преступлению перед мужем, а нераскаянный грех перед мужем ведёт к преступлению (пятая стадия) перед Богом – к самоубийству. Та же схема в «Бедной Лизе», «Анне Карениной», «Преступлении и наказании».

УРОК ДОСТОЕВСКОГО: ГРИМАСЫ ИДЕАЛЬНОГО ГЕРОЯ

– Интересно, сами писатели знали об этих «схемах» прихода к Богу и ухода от Бога?

– Духовные метаморфозы, происходящие с героями произведения, отражают, как правило, эволюцию взглядов его автора, и вопрос о мировоззрении писателя – ключевой в преподавании литературы. Про Пушкина я уже сказал. Достоевский – это все знают – вначале социалист, но после того как с петрашевцами побывал на плахе, ощутил приближение смерти, а в заключении ещё и с Евангелием познакомился, стал глубоко верующим человеком. Поэтому у него после «Преступления и наказания», где главный герой гордая личность, которая так и не изменилась, не раскаялась, появляется «Идиот» со смиренным князем Мышкиным. Достоевский в дневниках пишет: «Князь Мышкин», знак равенства, «Иисус Христос». То есть он хочет максимально приблизить этот образ к образу Христа, но всё равно не получается, Мыш-

кин не может спасти даже одного человека, Настасью Филипповну. Он не идеален. Что называется, проект провалился. Потом будут «Бесы» и «Братья Карамазовы» – незавершённое произведение, но тем не менее вершина творчества Достоевского и пик его личного духовного восхождения.

– Почему же провалился «проект» с князем Мышкиным?

– Греховный человек не может создать образ Спасителя. Идеален только Иисус Христос. Князь Мышкин, по замыслу Достоевского, всего лишь «положительно-прекрасный человек», но не идеал! Идеалы были в Древней Руси – это святые, герои древнерусской словесности, потому что они прямо подражали Христу. А в литературе девятнадцатого века нет идеального героя.

Тут есть ещё одна сторона вопроса, когда мы говорим об осознании автором того, что он написал: от кого получил талант, тому и служишь. В Библии говорится: «Всякий дар совершен свыше есть». Пушкин понял, что его талант – от Бога, и поэтому написал стихотворение «Пророк»: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли, исполнишь волею Моей...». А вот, скажем, Булгаков, когда пишет «Мастера и Маргариту», служит не Богу. Это же не об Иешуа Га-Ноцри роман, а о Воланде, это «евангелие» от Воланда, или антиевангелие. А что такое бал у сатаны – это антилитургия, чёрная месса, выписанная по всем канонам. Но самое главное, что сделал Булгаков, – он Богочеловека превратил в какого-то экстрасенса. Понимал ли он это? Конечно, понимал. Его отец был профессором Киевской духовной семинарии, и у него самого в метриках стоит «отлично» по закону Божьему.

– Идея, что Христос не более чем исторический персонаж, кажется, была популярна в начале двадцатого века?

– Это протестантская точка зрения, и на ней основана книга Эрнста Ренана «Жизнь Иисуса Христа», которой тогда зачитывалась «продвинутая» интеллигенция. Книга выдер-

жала четырнадцать переизданий до революции, она была и у Толстого, и у Булгакова. А ещё Булгаков использовал – я это проверял – магистерскую диссертацию Николая Макавейского «Археология истории страданий Господа Иисуса Христа», изданную в 1891 году в Киеве. Он был счастлив, когда нашёл эту книгу в Москве, и взял оттуда исторические реалии Палестины первого века, которые всех так поражают, вплоть до описания тканей, накидок, завязок на сандалиях охранников и так далее, и, конечно же, подробный ход событий Страстной седмицы.

– Есть точка зрения, что в «Двенадцати» у Блока тоже изображён не Христос, а Антихрист. Вы согласны с ней?

– Здесь всё очень запутано. Сам Блок писал Чуковскому, что видел образ Христа, когда сочинял поэму, и, с одной стороны, бросается в глаза аллюзия с двенадцатью апостолами и то, что главный герой «за вьюгой невидим и от пули невредим». С другой стороны, это, конечно, не Христос, а Его антипод. Что выдаёт подмену? Хотя бы то, что он в «белом венчике из роз», а не в терновом венце в качестве Страдальца и за самих революционеров. Далее – «пальнём в Святую Русь». То есть в русских святых, идущих за Христом. Наконец, животный страх у тех двенадцати. Почему? Потому что они от Бога-то оторвались и чувствуют этот страх в присутствии другого. А если это не Бог, то кто? Понятно кто. И Блок, написав поэму за две недели (она же словно «вылилась» у него из частушки) и прочитав её на следующий день, заметил: сегодня я гений! Думаю, он понял, что написал.

– Он понял, и это его не смутило?

– Это объяснимо с точки зрения общественного и культурного контекста, в котором создавалась поэма. Кстати, ещё одна ошибка, которую часто допускают в преподавании литературы, связана с тем, что каждое произведение рассматривают само по себе, вне культуры своего времени. А если показывать его в контексте, тогда всё становится на свои места. Скажем, было три фазы в раз-

витии мировоззрения писателей. До конца пятнадцатого века это теоцентризм, когда в центре мироздания находится Бог и оттуда Он смотрит на человека (отсюда – обратная перспектива икон). С конца пятнадцатого века по сороковые годы семнадцатого это антропоцентризм, когда царь Вселенной – человек и в литературе обсуждается, каким он должен быть. А с сороковых годов семнадцатого века по настоящее время – эгоцентризм, когда в центре Вселенной – «я»: «Я, гений Игорь Северянин». Так вот, чем отличается период Серебряного века, с девяти-сотых по двадцатые годы двадцатого века? Эгоцентризм писателей доходит до веры в «себя», «своего Бога». Это есть и у Мережковского, и у Гиппиус, и у Блока. Они все были православные по рождению и по крещению, но умышленно отошли от этой культуры. У той же Гиппиус в стихах Бог присутствует, но это не православные стихи, это противопоставление человека Богу.

УРОК ГОГОЛЯ: ШИНЕЛЬ КАК ПРООБРАЗ МЕРСЕДЕСА

– Всё, что вы рассказываете, очень интересно. Но возникает недоумение: откуда вы это знаете и почему в традиционном литературоведении мы не встречаем ничего подобного?

– А это к вопросу о том, для чего нужно изучать древнерусскую словесность. Я медиевист по специальности и в литературе, скажем, девятнадцатого века замечаю то, чего не замечают мои коллеги, кто занимается только девятнадцатым веком. У меня глаза по-другому «поставлены», потому что я привык иметь дело с этой самой духовной основой русской культуры. Вы посмотрите на древнерусских писателей, что это за имена: преподобный Нестор, автор «Повести временных лет» и первых житий – «Чтения о Борисе и Глебе» и «Жития Феодосия Печерского»; тот же Феодосий Печерский, автор замечательных Слов и Поучений; Владимир Мономах с его «Поучением»; Иларион, первый митрополит из русских, автор «Сло-

ва о Законе и Благодати»; епископ Кирилл Туровский, Максим Грек. Все они канонизированы, то есть это русские святые. Получается, что русская литература, и на это никогда не обращали внимания, основана святыми отцами. Ни одна литература мира не имеет такого духовного фундамента.

– Разве у европейской литературы не христианский фундамент?

– Западноевропейская литература, собственно, развивается после эпохи Возрождения. Возрождение – это возврат к античным образцам, а античная литература – это языческая литература. Кроме того, в Европе со второй половины тринадцатого века шёл процесс секуляризации, обмирщения сознания – то, что на Руси началось только в сороковые годы семнадцатого века. То есть у нас совсем другой процесс исторического развития, и духовное основание сохранилось даже в литературе восемнадцатого и девятнадцатого веков. Более того, романтики девятнадцатого века открыли для себя многие древнерусские произведения и удивились, как тот же Пушкин, который думал, что в «пустыне нашей древней словесности» нет ничего, кроме «Слова о полку Игореве». В частности, русская идея ведь была высказана ещё в «Слове о Законе и Благодати» в 1038 году, в первый, пятидесятилетний юбилей крещения Руси. И в связи с этим юбилеем митрополит Иларион осмысливает предназначение русского народа. Он говорит о Законе и народе иудейском, его носителе, и говорит о христианской Благодати и новом носителе Истины, то есть о новом избранном народе – русском. И пророчествует: это не византийцы сохраняют православие, потому что Константинополь падёт, это русский народ будет избран Богом – для чего? Для сохранения православия до Страшного суда. Это и есть русская идея.

– Значит, вы предлагаете внедрить по сути новую, православную концепцию преподавания литературы? Но это вряд ли понравится общественности, родители скажут: всё про Бога да про Бога.

– В том-то и дело, что это не про Бога, а про человека. А если это кому-то не нравится, так ведь не всё приятное полезно. Если мы будем искажать смыслы в угоду чьему-то мнению, это не будет полезно. Ведь что такое было образование в той же Древней Руси? Это восстановление в человеке образа Божьего. В падшем человеке, то есть изгнанном из рая. И наша литература, начиная с идеальных образов древнерусских святых, тоже показывает, что человек является иконой Бога. Ещё она показывает, как происходит искажение образа, обмельчание человека. Почему Гоголь пишет «Мёртвые души»? Мёртвой душа не может быть по определению, ибо она вечная. Но мёртвые души есть, потому что эти люди потеряли образ Божий в себе. Что такое Акакий Акакиевич Башмачкин? Маленький человек. А почему он маленький человек? Чин у него маленький? Извините, если его чин перевести на военный, то это капитан, командир батальона. Мы можем себе представить его командиром батальона? Нет. А почему он «вечный титулярный советник»? Потому что у него нет высшего образования. Как Акакий Акакиевич говорил? Помните, он приходит к Петровичу, чтобы переделать шинель, и говорит: «Это, право, совершенно того». И тут гениальный Гоголь замечает: Акакий Акакиевич всегда использовал для выражения такие частицы, междометия, предлоги, которые ровным счётом ничего не выражали. В православном понимании душа состоит из ума, слова и духа, значит душе Акакия Акакиевича не хватает слова. А чем отличается человек от любой другой твари? Тем, что он может думать и выражаться словом. Зато любая тварь, то есть животное, чувствует холод и голод, и Акакий Акакиевич чувствует холод и голод. Бедный ли он человек? Оказывается, нет: ест каждый день мясо. Хотите арифметику? Пожалуйста. Петрович взялся пошить шинель за восемьдесят рублей. А где их взять? Хитрый Гоголь говорит: «Ну, сорок бы ещё нашлось. Может, даже больше того», – потому что Акакий Акакиевич с каждой зарплаты откладывал в копил-

ку по грошу. То есть осталось ему накопить половину. Доход Акакия Акакиевича – четыреста рублей в год, или тридцать три рубля в месяц, значит сколько ему нужно «не есть и не пить»? Полтора месяца. А сколько он не будет ни есть ни пить? Около года. Зачем столько-то? Он ведь ещё получил к празднику шестьдесят рублей премии. Сорок и шестьдесят – это сколько? А шинель-то обошлась ему в 80 рублей...

– То есть ему нравился сам процесс накопления?

– Его «духовно питала вечная идея будущей шинели», замечает Гоголь. Не идея вечной жизни, нет, а шинели. Почему Гоголь об этом пишет? Да потому, что у каждого человека есть своя «вечная идея». У многих сейчас это или шикарная машина, или пятикомнатная квартира, или домик на Лазурном берегу.

– Блестяще, наконец-то раскрыта тайна «маленького человека». А ведь сколько поколений читателей тщетно искали в себе сочувствие к Башмачкину, хотя сочувствия-то нет.

– Там ещё блестящий финал, прямо по Евангелию: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» (Матф. 6:19). Что делается с шинелью? В первую же ночь воры её похищают. А почему Акакий Акакиевич после своей смерти вернётся сюда, на землю, и будет снимать шинели с каких-то чиновников и генералов? «Ибо где сокровище ваше, – гласит Евангелие, – там и сердце ваше» (Матф. 6:19), вот его душа и возвращается за шинелью. То есть Гоголь просто берет цитату из Евангелия и раскрывает её содержание в повести, чтобы донести евангельскую истину до читателя. Так же как он заканчивает «Ревизора» немой сценой у губернатора, где они все замерли. Почему? Это образ Страшного суда. «В чём Я найду вас, в том и буду судить», – сказал Христос.

То есть когда настанет Его суд, ничего нельзя будет уже изменить в своей судьбе.

Если вы это не хотите изучать, что тогда изучать в литературе – сюжеты? Но ещё формалисты-филологи в конце девятнадцатого – начале двадцатого веков подсчитали, что в мировой литературе существует тридцать шесть или тридцать восемь сюжетов. Вот и всё. Это с одной стороны. А с другой стороны, если нас произведение не зацепило, то есть никак не поспособствовало нашему внутреннему совершенствованию, оно не является шедевром, это подделка.

АКАДЕМИКИ ПАСУЮТ ПЕРЕД ИСТОРИЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

– Если говорить о практической стороне дела, вы предлагаете сделать единый учебник по литературе?

– Нет, я не сторонник единого учебника. Я сторонник базового учебника, чтобы в нём был минимум знаний, позволяющих избежать таких глупостей, как, скажем, утверждение, что оду «Вольность» Пушкин написал против царя Александра I. Потому что он написал её против Наполеона: «Тебя, твой трон я ненавижу, Твою погибель, смерть детей С жестокой радости вижу...». У Александра Первого не было детей – обе дочери умерли в раннем детстве. А почему Николай Первый, которому Пушкин прочитал это произведение, был в восторге? Потому что он тоже не любил Наполеона. Или Гоголь – это же не сатирик, как его оценивает Белинский, а абсолютно православный писатель. Ничего глубже, чем его «Размышления о Божественной Литургии», в русской литературе нет. А «Выбранные места из переписки с друзьями» – это же великопостное чтение, восхождение по духовной лестнице от начала Великого поста и до Пасхи. И если мы это знаем, мы понимаем суть критики Белинского, который всё это видел, но с позиции которого как революционера это было вредно.

– Кстати о Белинском, Писареве,

Добролюбова и прочих интерпретаторах классической литературы, как выясняется, не всегда адекватных. Как, по-вашему, их надо изучать?

– Здесь можно взять за образец дореволюционные учебники для классической гимназии, в которых приводилась и точка зрения Добролюбова, и точка зрения Страхова, Леонтьева, других замечательных литературоведов. То есть они не заикливались, как в советское время, на «передовых» критиках. Это называется научным подходом, и у нас он тоже встречается в некоторых учебниках. И ещё тут важна роль учителя, и мы с вами подошли к самому главному. Может быть гениальный учебник, но он будет лежать мёртвым грузом, если с ним не сможет работать учитель. Нужно учителя сначала подготовить для работы с этим учебником, а потом он подготовит учеников. Вот у меня, например, был учитель в университете, которому я очень благодарен, профессор Алексей Владимирович Чичерин. Он окончил классическую гимназию ещё до революции и говорил, что их учили медленному, пристальному чтению, вниманию к деталям. Этому он учил нас, и я сегодня учу тому же студентов. Только так можно добиться, чтобы они в жизни не расставались с русской литературой, находя в ней и духовную опору, и наставника, и друга, и приятного собеседника.

– Тем не менее базовый учебник нужен?

– Одного базового учебника мало. Необходимо выстроить своего рода айсберг литературных знаний. Вот школьный учебник – маленькая вершина торчит из воды, это то, что будет учитель давать школьникам и чем будет оперировать. К нему должна быть обязательно хрестоматия – тексты канонические, печатные, чтобы не скачивали из интернета непонятно что, с правками и купюрами. Дальше должно быть учебное пособие для учителя, в котором информации раза в три больше, чем в учебнике. Затем идёт вузовский учебник, в котором ещё боль-

ше информации. Наконец, самое главное, у нас нет академической истории русской литературы, то есть научного фундамента, к которому апеллировали бы все. Если бы он был, то вопросы, которые вы мне задаёте, отпали бы сами собой. И не было бы сорока с лишним линейек школьных учебников, как сегодня. Последняя академическая история русской литературы вышла в начале восьмидесятых под редакцией академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва, но готовилась-то она в семидесятые годы. То есть лежащей в её основе концепции как минимум сорок лет, не обошлось там и без теории марксизма-ленинизма. Но даже безотносительно идеологии у каждого поколения, а его возраст двадцать лет, должна быть своя академическая история литературы.

– Почему до сих пор нет нового издания?

– Ни московский Институт мировой литературы РАН, где есть отделы русской литературы, ни питерский «Пушкинский дом», то есть Институт русской литературы РАН, до сих пор не разработали новую концепцию истории русской литературы. Причём, как мне говорили коллеги, заковыка именно в древнерусском периоде – как его представить? Повторить подход Лихачёва? Какой в этом смысл? Другой концепции у академических учёных нет, но она есть у вузовских учёных, и они могли бы присоединиться к академическим ради общего дела. Думаю, необходимо создать рабочую группу при Отделении историко-филологических наук РАН, и она могла бы объединить заинтересованных учёных и заняться как разработкой концепции истории русской литературы, так и написанием самой академической истории. Впрочем, некому осуществлять и другую часть проекта – разрабатывать новые учебные программы. Минобрнауки не будет этого делать, поскольку они сейчас проводят противоположную по смыслу реформу. На заседании Патриаршего совета по культуре, когда обсуждалось создание Общества русской

словесности, вопрос стоял о том, чтобы составить аналитическую записку для президента. Допустим, президент получит эту записку, а кому он распишет её выполнение? Можно выступить с частной инициативой, но кто будет воспринимать такую частную инициативу? Никто. Поэтому проблему нужно решать в комплексе, а не как вопрос одного учебника.

– Ладно, не будем о грустном. Вернёмся лучше к древнерусской словесности: вы сказали, что даже у учёных возникли трудности с её пониманием, а каково же детям воспринимать этот материал?

– Знаете, периодически мои бывшие студенты, а теперь учителя, приглашают меня в школу прочитать лекцию. Недавно я был в московской школе, лекция была очень сложная, тема – «Слово о полку Игореве». Я рассказал о своём последнем исследовании – кто же является автором «Слова», но не стал называть, а только подвёл к этому. И говорю: а теперь вы назовите имя этого человека, потому что я вам дал девяносто пять процентов знаний, осталось пять процентов додумать. Сидят, думают, пытаются угадать, всё неудачно. Вдруг один мальчик, самый маленький, на последней парте, говорит: «Моисей, монах Выдубицкого монастыря?». Я обрадовался: «Умница! Правильно! А почему ты так решил?». И он начинает мне доказывать, используя мою же логическую систему. Потом мне их учитель сказал, что этот мальчик, Лазарев Денис, из пятого класса перешёл сразу в восьмой, поэтому он и маленький. Но голова-то как работает! Вот вам, пожалуйста. Другое дело, что современным школьникам, с их клиповым сознанием, трудно выстроить логическую причинно-следственную связь, а у этого мальчика, наверное потому, что ему ещё немного лет, не нарушились эти связи.

– А что вы думаете о предложении одного священнослужителя изъять из школьной программы произведения «о любви»

Чехова, Бунина и Куприна? То есть вопрос в следующем: всё ли в классической литературе способствует нравственному воспитанию школьников?

– Нет, конечно.

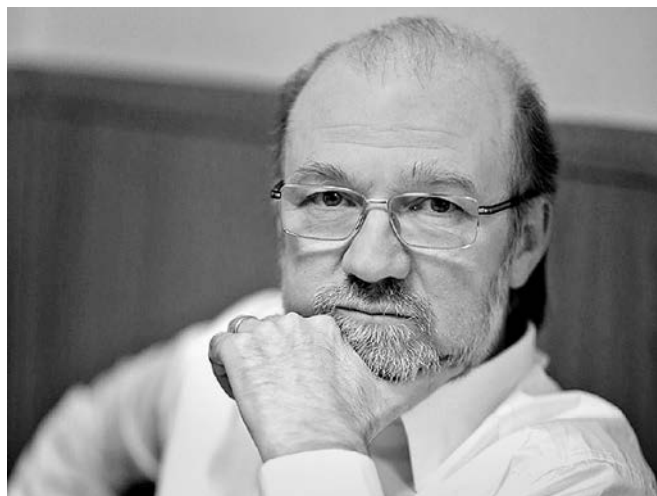
– Некоторые считают, что, например, «Тёмные аллеи» только подросткам и интересны, это их проблематика.

– На самом деле это проблема не подростков, а взрослых. Можно дать и «Тёмные аллеи», только не в школе. Вопрос ведь не в том, что читать, а как. Когда, скажем, пройден курс литературы за два или три года и уже есть база у студентов или у выпускников школы, мы возвращаемся к каким-то произведениям, которые умышленно пропустили, к тем же «Тёмным аллеям» или к «Чистому понедельнику». И что вы думаете: девяносто процентов студентов правильно оценивают, что

там происходит, то есть подмена ценностей. А задача школы и вуза, собственно, и состоит в том, чтобы научить отличать настоящие ценности от мнимых. Те же «Тёмные аллеи» – замечательный рассказ сам по себе, но его нужно разобрать, что к чему, можно провести параллель с рассказами Чехова. Мы уже говорили о необходимости рассматривать литературу в контексте. Или тот же Бунин, например, посмотрите на его духовные стихи – это действительно вершинная поэзия. Он ведь за поэзию был избран академиком русской словесности и получил три Пушкинские премии от Академии наук – единственный в истории. Но его проза противоположна поэзии по содержанию. Значит, вот новый контекст – проза и поэзия одного и того же автора, конфликтующие друг с другом.

Беседовала Вера Краснова.

** Судить о том, как далека программа по литературе от русской культурной традиции, можно по учебнику для 9-го класса под ред. Коровиной В. Я. (выдержал более 20 изданий). В разделе, посвящённом древнерусской литературе, читаем: «Древний человек на Руси верил, что князь Владимир крестил Русь и что существуют бесы чёрные, с крыльями и хвостами, соблазняющие на негодные поступки» (стр. 9). То есть крещение Руси представляется автору фактом мифологии, а не истории, наряду с существованием невидимой нечисти. Полную бессмыслицу текста выгодно оттеняет его стилистическое убожество.*

Александр Щипков,
 первый заместитель председателя
 Синодального отдела Московского
 патриархата по взаимоотношениям
 церкви с обществом и СМИ, член
 Общественной палаты России, профессор
 философского факультета МГУ

«БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК» - ЭТО МОСТИК К НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ

– Александр Владимирович, ваши сборники «Плаха» и «Перелом», а также последняя ваша книга «Бронзовый век России. Взгляд из Тарусы» содержат размышления о судьбах страны в непростой исторический период. В сборниках, которые продолжают традицию дореволюционных «Вех», представлены разные мнения. Вы говорите о том, что русская идентичность испытывает воздействие мощных деструктивных и стрессовых факторов. Как избежать самых худших сценариев?

– Если национальная идентичность не будет выведена из-под удара и политически защищена, наш народ исчезнет, утратит историческую субъектность. Принято говорить, что идентичность определяется языком, культурой, религией. Но это не просто математическая сумма элементов, всё это вкупе имеет значение, только если переживается как ценность. Это переживание поддерживает национальное самоопределение «снизу», которое сопровождается институализацией «сверху». Жизнь нации питается чувством сопричаст-

ности своей истории, которую создавали наши предки со всеми их успехами и неудачами и будут продолжать создавать потомки. Поэтому народ прекрасно помнит и понимает, что с ним происходило в прошлые эпохи.

Русский народ прекрасно осознаёт, что в XX веке его пытались уничтожить. Не просто воевать с ним, как это часто бывает с сопредельными народами, а уничтожить физически и культурно. По отношению к русским примерно с 1914 года осуществлялся геноцид. Кроме того, существует такое явление как русофобия, это мощный инструмент, направленный и в наше время на разрушение нации.

– Что вы вкладываете в понятие «русофобия»?

– Здесь нет никакой загадки. Это видовое понятие, аналогичное таким, как «юдофобия», «англофобия» и так далее. Русофобия состоит из мифологем, разных по времени их появления на свет, которые регулярно воспроизводятся в культур-

ном и информационном поле и становятся частью коллективного сознания, создавая ложную идентичность, размывая и расщепляя идентичность подлинную. Например: «русские – пьяницы». Скажу честно, за свою уже немалую жизнь я видел пьющих людей самых разных национальностей. И я не могу сказать, что они пьют меньше, чем русские. Или: «русские ленивы». Как это может быть, если они веками землю обрабатывали, города строили, наукой занимались? Я не говорю уже о творчестве, которое требует огромной энергии.

Ещё более мрачный пример: якобы русские – «потомственные рабы», у них «рабская психология». Это говорится о нации, пережившей несколько революций. Объясняется данный тезис обычно тем, что у русских было крепостное право, хотя русская община его отторгала, а навязывалось и ужесточалось крепостное право компрадорской хлебной олигархией.

Русофобские мифы в публичном пространстве – вовсе не редкость, но эта ситуация не может быть терпима, если мы не хотим потерять нацию и государство. В отношении к русофобии должен существовать режим нулевой толерантности. Одно из условий её изживания – это память о национальной трагедии, о национальной катастрофе. Поэтому в сборнике «Плаха», в статье «Русофобия» я показываю некоторые узловые события в истории геноцида русских.

– Какие события вы отмечаете в первую очередь?

– Первой отправной точкой являются австрийские лагеря Талергоф и Терезин, созданные в 1914-м году, в которых уничтожались карпатские русины – русские люди именно по национальному и религиозному признаку, и общая политика австро-венгерских властей на этой территории. Тогда за несколько лет было уничтожено четверть миллиона человек. Далее, надо учитывать тот факт, что если геноцид 1914-го года был

для России своего рода прологом, то ряд событий 1917-го года – эпилогом Первой мировой войны. Очевидно, что внешняя и внутренняя (Гражданская) война были тесно связаны, но это тема для отдельного разговора.

Ещё один яркий пример – Великая Отечественная война. Со стороны Гитлера и его союзников, как было заявлено и как известно из официальных документов, эта война была этнической. Предполагалось оставить только 40 миллионов русских как обслуживающий персонал и рабочую силу, а остальных уничтожить. В итоге было уничтожено 18 миллионов человек, которые не брали в руки оружие, – мирных жителей СССР.

Конечно, уничтожались не только русские, но и дружественные нам народы, потому что в представлении немцев и татары, и башкиры, и якуты, и все остальные более сотни национальностей – все они были русские. И эта общая катастрофа сплотила нас так же сильно, как и подвиги на полях сражений. В глобальном плане эти народы действительно были русскими, частью Русского мира.

В своих публикациях я говорю о том, что геноциду русских давно надо было дать название. Евреи дали название геноциду своего народа – Холокост, украинцы, которые считают, что имел место геноцид по отношению именно к украинскому народу, назвали его Голодомором. Хотя на деле, если термин «голодомор» использовать, то по отношению не только к одним украинцам, а к огромному числу людей, которых в начале 1930-х годов коснулся жуткий голод, – это и Поволжье, и Северный Кавказ, и Южный Урал, и Западная Сибирь. Голодом были охвачены огромные русские территории.

Уничтожению русских необходимо дать историческое название, поскольку пока названия нет, как бы нет и явления. Оно неразлично в информационном поле, и мы не можем его системно изучать, несмотря на наличие всей необходимой статистики,

зафиксированных фактов, красноречивых примеров. Необходимо преодолевать инерцию и избирательность исторических подходов.

– Какое название будет уместным?

– Есть разные варианты, но я предложил исконно русское слово – плаха.

– В чём, на ваш взгляд, состоит национальная идея России, о которой велись споры начиная с XIX века? Как её сегодня можно сформулировать?

– Национальная идея не может быть чем-то отдельным от всей национальной жизни, национальной традиции и национальных интересов, поэтому её не надо специально искать. Это не какое-то автономное понятие или лозунг. Существует самосознание народа как коллективной личности. Все идеи этой коллективной личности национальны. А в их основе лежит понимание того, кто мы такие, откуда пришли и куда движемся в истории, то есть собственно идентичность. Она даёт нации почувствовать себя единым организмом. Можно сказать и по-другому: это физически-мистическое ощущение связи народа со своими предками. Переживание такого единства во времени – это нерв того, что называют традицией, национальным опытом. Патриотизм – естественное и неизбежное следствие такого переживания.

Но в диалоге с остальным миром одного этого переживания мало. На этом уровне возникает историческая миссия – нечто, что мы можем предложить не самим себе, а миру в целом. Например, Толстого, Чехова, Достоевского и Булгакова в мире читают охотнее, чем Тургенева, Гоголя и Платонова, не так ли? Вот эта транспарентность каких-то частей национального опыта и порождает историческую и культурную миссию, которую можно назвать и национальной идеей, если очень хочется. Но тогда важно подчеркнуть вот что: она обращена не внутрь нации, а вовне, адресована внешнему миру,

а не самому себе. Это оформленная интенция народа как коллективного субъекта.

Возьмём известную уваровскую триаду «православие, самодержавие, народность». Это красивая, интересная, глубокая идеология, но это не историческая миссия и не национальная идея. Но есть очень хороший пример из нашей недавней истории – шествие «Бессмертного полка». Чувство, которое охватывало людей, когда они поняли, что они вместе против реставрации нацизма, – это мостик к исторической миссии, к национальной идее. Её не надо пытаться придумывать. Мы же прекрасно знаем, что такое 9 мая, против кого и за что мы тогда сражались.

– А советский период – он укладывается в контекст русской истории?

– Советский период что-то сохранил, а что-то разрушил. Вообще, XX век – такая же равноправная часть русской истории, как и все другие века, это ведь мы её прожили, а не кто-то другой вместо нас. Просто этот период следует называть «советский период русской истории». Мы должны серьёзно осмыслить эту историю и найти ей объяснения не только на уровне хорошее – плохое, но и на уровне более сложных социокультурных алгоритмов. Поэтому не стоит слушать никого извне, кто готов предложить нам примитивные интерпретации нашей истории. История – это вопрос национального консенсуса. А национальный консенсус – это, во-первых, сугубо внутреннее дело, а во-вторых, он не бывает односторонним и однобоким. В сущности, это поиск общего культурно-исторического знаменателя. Только в этом случае мы пишем историю народа, а не тех или иных социальных и политических групп или правящих элит.

Теперь по поводу плюсов и минусов. У советской истории есть огромный плюс: одной из главных опор всей советской идеологии было понятие социальной справедливости. Но тяга к справедливости, которая органично присуща русско-византийской

цивилизации и ярко выражена именно в русском человеке, была проэксплуатирована большевиками, использована ими в групповых интересах. Они понимали, что им нужно опираться на что-то, иначе народ не пойдёт за ними. Именно поэтому победили не белые, а красные, предложившие идею справедливости.

Вообще-то к концу 1980-х годов мы построили социальное государство, в котором справедливо распределялись материальные блага. Хотя, надо признать, к этому времени советский проект уже начал распадаться, поскольку одной только справедливости было недостаточно. От остальной части русской традиции большевики отказались с самого начала. В первую очередь они отказались от религии, пытаясь чем-то её заменить, затем – от морально-нравственных, исторических, культурных оснований русского общества, Пушкина с корабля истории сбрасывали и так далее. Как сказали бы современные социологи, отказались от важного символического ресурса. Первой страной в мире, в которой были разрешены аборт, стала Советская Россия в 1918-м году. Отказались от истории, от орфографии, от старого стиля, даже от наименования дней недели, чтобы ликвидировать «воскресенье»...

Все эти действия были направлены на расщепление традиции и уничтожение большей её части. И эта война с традицией так или иначе сохранялась до самого последнего дня советской власти.

Кстати, Патриарх Кирилл ещё в бытность свою митрополитом Смоленским и Калининградским одним из первых начал говорить о целостности традиции, о традиционных ценностях, и во многом его тексты подтолкнули меня к размышлениям на эту тему.

– В Общецерковной аспирантуре и докторантуре, говоря об опыте взаимодействия Церкви с государственной властью, вы обратили внимание на личность Патриарха Сергия (Страгородского), выступившего 22 июня 1941 года со зна-

менитым воззванием к пастве о защите Отечества. Но у православной общественности отношение к Патриарху Сергию неоднозначное...

– Ну разве что у тех, для кого политические симпатии и антипатии важнее церковного единства. Такие люди есть, но их немного. На мой взгляд, Патриарх Сергий оказался тем звеном, которое соединяет воедино историю Церкви XX века, Церкви до- и послереволюционной. Ему удалось в невероятно сложных условиях сохранить апостольское преемство, на котором зиждется церковная традиция. Апостольское преемство связано со сферой мистического, оно передаётся при рукоположении (возведении в сан – *ред.*) епископов и указывает на непрерывность течения церковной жизни, начиная с апостольских времен и до сегодняшнего дня.

Патриарху Сергию выпала особая миссия – сохранить эту преемственность. Как известно, в то время на всю Церковь оставалось всего-навсего три епископа. Большая часть епископата была уничтожена, остальные находились в лагерях и ждали своего печального конца. Совсем тоненькая ниточка оставалась, и казалось, что она вот-вот порвётся.

Если мы рассмотрим посмертную судьбу Патриарха Сергия, то и здесь нам откроется некоторый мистический смысл. Была написана масса работ, в которых этот человек подвергался всевозможным заушениям, оскорблениям, поношению. Вспоминали и его сложную судьбу, и метания между Церковью и обновленчеством в ранний период (оппозиционное движение в русском православии в послереволюционный период, поддерживалось большевистской властью – *ред.*), его богословские труды, его религиозные искания, коллизии вокруг его местоблюстительства – всё это ставилось ему в вину. Сам термин «сергианство», имеющий явно негативную коннотацию, напрямую связан с его именем.

Но зададимся вопросом: почему фигура Патриарха Сергия подверглась такой мас-

сированной атаке? Скорее всего потому, что он явился той самой спасительной, соединительной фигурой для Церкви. И всё, что происходит вокруг его личности, это попытка теперь уже задним числом всё-таки изъять его из истории Русской Церкви, образовать разрыв церковной истории. И тем самым пресечь эту апостольскую преемственность, внести сумятицу в религиозное сознание огромного числа людей.

Мы вряд ли когда-нибудь узнаем, что переживал Патриарх Сергей. Но я глубоко убеждён в том, что он будет канонизирован. Рано или поздно, не сегодня, так через 5, 10, 50 лет неизбежно произойдёт осознание подлинных масштабов его личности и той колоссальной роли, которую он сыграл в истории Русской Церкви.

– Как вы оцениваете сегодняшнее взаимодействие Церкви с органами государственной власти? В новообразованном отделе по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ вы отвечаете именно за этот участок работы.

– У Церкви и у власти есть свои задачи, которые где-то расходятся, а где-то пересекаются. Государство с помощью политиче-

ских и экономических механизмов пытается наладить жизнь людей. Церковь берётся за человека совершенно с другого конца: она занимается спасением его души, его воспитанием. Но Церковь также не чужда социальной проблематики, поскольку человек, которым она занимается, живёт в социуме. Конечно, кое-какие противоречия возникают. Но я не вижу настолько принципиальных разногласий, чтобы они могли стать обстоятельствами непреодолимой силы.

Вообще, мы сейчас переживаем чрезвычайно важный период истории, когда у нас есть возможность многое сделать для укрепления и Церкви, и российской государственности. И поэтому попытки столкнуть Церковь и государство я воспринимаю как стремление разрушить наше Отечество. Нам нельзя сейчас сталкиваться. Что будет через 10, через 20 лет, мы не знаем. К сожалению, история показывает, что жизнь Церкви идёт по синусоиде. Давление на неё то усиливается, то ослабляется, и так две тысячи лет. Сейчас, пока давление ослаблено, мы должны успеть сделать как можно больше, не только для себя, но и для будущих поколений.

Беседовал Сергей Стефанов.

Николай Ракитянский,

*доктор психологических наук, профессор
кафедры социологии и психологии
политики факультета политологии МГУ
им. М. В. Ломоносова*

Великобритания как суперсубъект глобальной политики в пространстве ментальных исследований

Великобритания – один из столпов западного мира и культурно-цивилизационный феномен, специфика которого представлена в британском политическом менталитете. Автор полагает, что системной референцией британского менталитета является его догматичность, которая непреклонно, мессиански, унифицированно и тотально реализуется в национальной политике, определяя её конкурентность. Последняя является свидетельством того, с каким упорством, последовательностью, прагматизмом, волюнтаризмом и жестокостью действует английское правительство, независимо от смены стоящих во главе его лиц.

Британия осуществляет своё долгосрочное влияние на глобальные политические процессы благодаря системе протестантских ценностей, преемственному развитию элит, проектному мышлению, прагматичной гибкости, рефлексивным методологиям, особой системой права, финансовым стратегиям, разведке, глобализации английского языка и гуманитарным технологиям. Автор отмечает, что политика достижений глобального масштаба – это предельное выражение английской национальной субъектности. Британия в течение столетий в контексте своей непрерывной истории является политическим суперсубъектом.

Ключевые слова: менталитет, догмат, субъектность, островной протестантизм, английский национализм, правовая система, политическая система, политический суперсубъект, элита, система Pax Britannica.

*... Как кроваво над землёю
Меч горит в твоих руках!*
А. С. Хомяков

МЕНТАЛЬНЫЕ РЕФЕРЕНЦИИ БРИТАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Британия более трёх веков именуется Великой – её владения охватывали земной шар так, что над колониальной империей практически не заходило солнце [Тарле 1965: 124-174, 256-368]. Пожалуй, ни одно государство мира не определило облик Нового времени больше, чем Великобритания, – целеустремлённость, системность, упорство, пассионарная энергия искусного геополитического игрока, самодисциплина и дипломатическая изощрённость элит в XVII-XIX вв. превратили небольшое островное государство в империю [Brexith...].

Национальный менталитет, как и своеобразный тип политической субъектности британцев, формировался в течение тысячелетия на основе природно-генетических ресурсов и культурно-исторического потенциала. При этом менталитет догматически [Ракитянский 2016а: 226-227] укоренялся посредством самобытного системного основания – островного протестантизма – англиканства (Anglicanism¹), которое содержит в себе специфические смыслы и формы христианского исповедания веры [Его же 2016б].

Англиканская конфессия как соединение латинства, лютеранства и кальвинизма [Англиканское...] выражает неизменяемые веками и непререкаемые в своих проявлениях особенные установки мышления, веры и воли

¹ Термин «англиканство» восходит к латинскому «ecclesia anglicana», первое упоминание которого относится к 1246 г. и означает в дословном переводе на русский язык «английская церковь». Последователи англиканства именуются англиканами, а также епископами. Большинство англикан принадлежат к церквям, входящим в Англиканское сообщество, которое носит международный характер.

[Ракитянский 2014: 408-410]. По результатам опроса, проведённого социальной службой YouGov для Daily Telegraph, Англиканская церковь и в настоящее время входит в список фундаментальных ценностей и символов британской национальной идентичности [Результаты...]. Непреклонная догматичность² британского менталитета мессиански унифицирована и тотально реализуется в реальной политике, экономике, культуре, в амбициях по либеральному переустройству миропорядка.

Политическая история Соединённого Королевства отличается от классической истории большинства европейских государств: территориально обособленная страна не входила в систему Римской империи, и в ней не произошло той рецепции римского права [Вебер 2013], которая охватила другие западноевропейские страны [Томсинов 1997]. Она ещё в XIII в. ограничила королевскую власть и признала свободы и права граждан [Петрушевский 2012].

Одним из первых европейских национализмов Нового времени был английский национализм [Hastings 1997], который «заговорил» на религиозно-политическом языке [Андерсон 2001], манифестируя свою избранность и своё особое место в мире. Церковно-административный раскол с Римом в 1534 г. по инициативе правившего монарха Генриха VIII [1491-1547] [Ерохин 2015] стал импульсом к развитию у британцев чувства уникальности. Англия, первенствуя в Западной Европе в разрыве отношений с католицизмом [Маркова], создала единственную в своём роде политическую систему, которой присущи такие черты, как отсутствие конституции, королевское вето на законы, принцип распределения

² Догмат, догма от др.-греч. δογματίζω (англ. dogma) – учение, мнение, постановление, утверждение, общее убеждение. Это установление принимается на веру за неопровержимую истину и признаётся бесспорным без доказательства. Таким образом, догмат – утверждается, но не доказывается. Религиозная догма – это официально сформулированное и утверждённое высшими инстанциями положение вероучения, объявляемое непреложной истиной.

мест в парламенте, возможность существования «двойного парламента», формирование и функционирование Палаты лордов и Палаты общин и проч. Но кардинальное размежевание континентальной Европы и островной Англии, по мнению исследователя из Гарварда Дж. Гарске, обусловлено не столько географическими, политическими и иными причинами, сколько различием правовых систем и традиций [Гарске 2017: 4, 12].

Член-корреспондент РАН А. В. Головнев также полагает, что изначальным стержнем английскости было право, и важным конкурентным преимуществом Англии стала технология регулирования мотивов и интересов на основе закона-договора, который стал догматически значимым постулатом, отражающим неизменный и вечный порядок национального уклада жизни, не подвергаемый сомнению. С незапамятных времён право было ключевым инструментом регулирования взаимодействия различных персон и сообществ. Культ права как социально-политической технологии свойственен англичанам настолько, что делает закон не принудительной нормой, а кодом национального менталитета и поведения. ««Об-законивание» – стиль английского контроля над пространством». Возможно, потому Великобритания не нуждается в конституции, что право у неё внутри и повсюду, и сама она – воплощённый закон [Головнев 2015: 136-137].

Вместе с тем британская политика в значительной мере определялась и географией. С одной стороны, маленький остров, расположенный на самом краю Европы, а с другой – Sea Power и необъятная колониальная империя, раскинувшаяся по всему земному шару. Закон самосохранения побуждал искать каналы снабжения острова ресурсами и охранять при этом безопасность путей сообщения метрополии с её заморскими владениями. Эта двойная необходимость заставляла превосходить на море любого потенциального противника [Мэхэн 2008].

АНГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ СИСТЕМНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ

Великобритания, выработавшая уникальную систему взаимодействия с Европой, как правило, выходила победительницей из всех столкновений со своими континентальными конкурентами [Маккиндер 1995]. Руководствуясь формулой 35-го премьер-министра Г. Дж. Палмерстона [1784-1865]³ «у Британии нет постоянных врагов и постоянных друзей, а есть только постоянные интересы», она со временем превратилась из каменистого, почти лишённого природных ресурсов дождливого архипелага на задворках той же Европы в крупнейшую талассократическую державу [Kelley 2017], нацеленную на глобальное господство.

Население островов, страдавшее всеми неразлучными с нуждой человеческими пороками, в особенности пьянством, выросло в воздержанную, проникавшуюся чувством собственного достоинства аристократическую нацию. Английский язык из контор, из-за магазинных прилавков смело вошёл в европейские салоны, где английский комфорт теснил уже, в свою очередь, французское изящество [Вандам 2002: 140-141].

Долговременность и эффективность конкурентного политического маневрирования являются свидетельством того, с какой догматической непреклонностью, гибкой последовательностью, прагматической этикой [Новолодская 2017] и непомерной жестокостью [Ирвинг 2005; см. также: Афины...] работает английское правительство, независимо от смены стоящих во главе его лиц. При этом важной особенностью действий англичан в отношении противников является широко используемое ими ноу-хау – за их интересы всегда сражался

³ Генри Джон Темпл, с 1802 г. 3-й виконт Палмерстон (англ. Henry Temple, 3rd Viscount of Palmerston, 20 октября 1784 г. - 18 октября 1865 г.) – английский государственный деятель, долгие годы руководил обороной, затем внешней политикой государства, а в 1855-1865 гг. (с небольшим перерывом) был премьер-министром Великобритании (35-й премьер-министр [с 1855 по 1858 г.] и 37-й [с 1859 по 1865 г.]).

кто-то другой [Галушко 2015: 29]. Так, ведя в течение десятилетий упорную борьбу с Францией, Англия почти не участвовала в боях. Эта особенность британского менталитета стала основанием для широкого хождения в России ещё в XIX в. поговорки «англичанка гадит»⁴. Сие свойство надолго осталось в памяти народов: Китай не забыл унижение опиумных войн, Индия – колониальный гнёт, а Россия – многочисленные интриги англичан в царский и советский периоды. Помнят обиды ирландцы, испанцы, голландцы, немцы, французы, греки...

«Национальная эффективность» [Мегоран 2005: 111] как искусство борьбы за выживание и «место под солнцем» многих стран мира оказалась много ниже той системы, которую разработала Англия ещё со времён гениального стратега Ф.Бэкона (1561-1626). Однако своими практически неизменными победами над континентом даровитые островитяне обязаны исключительно самим себе, своим точным знаниям, постановке целей и неизменному стремлению к последним. Превосходя континентальные народы, они и обращаются с ними так, как знающие и опытные мастера обращаются со своими подмастерьями, знакомыми лишь с рутинной [Вандам 2002: 163, 183-184].

При этом «обладавшие изумительной широтой взгляда, когда весь земной шар казался им много меньше, чем нам кажется сейчас Россия» [Там же: 108], государственные люди Англии никогда не гнушались применять грубую военную силу или её угрозу. Так, карьеру завоевателей и вершителей судеб человечества англичане начинали с разгрома своего союзника – Голландии. 10 июня 1652 г. Государственный совет Англии приказал адмиралу Р.Блэку захватить возвращавшийся из Индии голландский флот, доверху набитый колониальными товарами. После этого англичане перенесли

свои наступательные действия против Испании, и спустя некоторое время эта обленившаяся под ласками никогда не заходившего в её владениях солнца держава узнала, что такое сумерки. Потом наступила очередь Франции.

Наделённый исключительными военными талантами «маленький, но управляемый большими и смелыми людьми островной народ, являясь Бог знает откуда, <...> овладел сначала Индией и безбоязненно посадил там над тремястами миллионами её семьдесят тысяч своих чиновников. Направившись затем к востоку, он без малейшего колебания подошёл к четырёхсотмиллионному Китаю, силой заставил его открыть на море все окна и двери, посадил в Пекине своих советников и приступил к работе по закупке нам выхода к Печилийскому заливу» [Вандам 2002: 138, 158, 79-80].

Англичане, будучи новаторами и мировыми лидерами в становлении индустрии рабства [Головнев 2015: 158], создали Ост-Индскую компанию (1600-1874) как мегакорпоративное организационно-технологическое ноу-хау глобального масштаба. Достаточно обратиться к её истории, чтобы понять и оценить политический потенциал Британии и её прагматические возможности. Компания обладала качествами тоталитарной системы [Porter 1975], и целью её было как получение выгоды, так и осуществление политического контроля и управления многочисленными колониальными владениями. Так, компания обладала абсолютной и непререкаемой властью над землёй и народами Индии. Она имела собственную военную силу, чтобы противостоять вторжению извне и подавлять внутренние мятежи и восстания. Компания организовала массовую поставку опиума на территорию Китая, получая взамен огромные материальные ценности, золото, серебро и меха. Кроме того, достигалась и военно-стратегическая цель – разложение китайской армии, чиновничества, народа, потере ими воли к сопротивлению [Немцев 2017].

Между тем первыми рабами англичан были белые ирландцы [Забытые... 2017], которые стоили в десять раз меньше негров [Белые...]. В течение 1650-х гг. более 100 000 ирландских детей в возрасте от 10 до 14 лет были раз-

⁴ «Англичанка гадит» – выражение, изначально приписываемое молвой А. В. Суворову, обозначающее суть дипломатических, экономических, шпионских и пропагандистских действий Великобритании против России. Наиболее широкое распространение получило в XIX в., когда под «англичанкой» стала пониматься не просто Англия, но и королева Виктория лично. Подробнее см.: Эпштейн.

лучены с родителями и проданы в рабство в Вест-Индию, Вирджинию и Новую Англию. В это десятилетие 52 000 ирландцев, в основном женщины и дети, были проданы в Барбадос и Вирджинию. Другие 30 000 ирландских мужчин и женщин были также вывезены и проданы покупателям, предложившим свою цену. В 1656 г. 2000 ирландских детей по приказу О. Кромвеля [1599-1658] были вывезены на Ямайку и там проданы в рабство английским поселенцам. До сих пор западные историки избегают называть ирландских рабов тем, чем они в действительности являлись, – рабами [Немцев 2017: 95]. Впрочем, это обстоятельство не мешало в своё время лорду Дж. Н. Керзону (1859-1925) считать, что Британская империя избрана самим Провидением в качестве самого значительного орудия насаждения добродетели, которое видел мир [Ферпосон].

Модель и опыт Ост-Индской компании, оставив огромное наследие современной мировой экономике и геополитике [Фурсов 2016], преподносят нам уроки для понимания стратегии глобального системного контроля средствами либерального тоталитаризма как метода управления и в XXI в. Ведь правила с тех пор, по сути, не изменились, и незаурядный пример управления государством через интересы юридического лица, созданного с целью обогащения своих акционеров, всегда должен быть перед глазами [Stern 2011].

Превращение Великобритании в начале XVII в. в лидера мировой политической системы положило начало постепенному превращению англосаксонского либерализма в идейно-догматическую основу развития евроатлантической цивилизации. При этом либерализм как императивная ментально-политическая доминанта англосаксонского талассократического гегемона выразился в акцентировании самодостаточной и самоценной роли рынка, частной собственности, свободы и прав индивида с практически-прагматической установкой на прогресс и эмпирическое знание [Фурсов 2017: 68-70]. Побеждённая, уже постнаполеоновская Франция совместно с Англией образовали против Российской империи коалицию, которая надолго стала опорой западноевро-

пейского буржуазного либерализма [Попов 2012], экспансивно предъявляя его миру как безусловную и обязательную для всех народов и государств «общечеловеческую ценность».

Здесь представляется уместным вспомнить и о таком даровании английских политических элит, как умение эффективно осуществлять на глобальном уровне ментально-догматическую экспансию [Ракитянский 2010]. Так, когда британцы управляли некой страной, они стремились привить – или хотя бы передать – ей определённые черты и свойства своего менталитета, в числе которых наиболее приоритетными были английский язык, протестантизм, а также англосаксонская концепция буржуазного права, которая стала важным элементом системы глобального политического контроля [Гарске 2017: 17]. Искусно насаждая по всему миру свои ментально-цивилизационные установки, идеи и правила игры, отражающие уникальность британского типа и опыта развития, они неизменно декларируют их универсализм, необходимость и неизбежность для всего человечества.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И РОССИЯ

Политические, военные и иные коллизии Британии с Россией начались с появлением на карте мира Российской империи, которая была провозглашена в конце 1721 г. по итогам Северной войны. Этот момент стал точкой отсчёта активного противодействия Британии российским геополитическим устремлениям – её усилия были направлены на всемерное ослабление России [Галушко 2015: 26-34].

Англичане, для которых весь мир представляет собой раскрытую книгу, с их имперским волюнтаризмом и утончённым деспотизмом, по словам генерала А. Вандама, тиранически господствуя на море, считали, что главным их противником на пути к мировому господству являются русские. Британцы, наделённые исключительными военными и дипломатическими дарованиями, внимательно наблюдая жизнь человечества в целом и оценивая каждое событие по степени его влияния на их собственные дела, неустанной работой мысли развивали в себе способность видеть и почти

осязать на огромное расстояние во времени и пространстве в искусстве борьбы за жизнь, то есть политике. Эта способность даёт им все преимущества гениального шахматиста над посредственным игроком [Вандам 2002: 59, 154, 158, 43]. При этом, по мнению Н. Фергюсона, Британская империя поразительным образом напоминала мировое правительство [Фергюсон 2017].

Эти и другие свидетельства выдающейся роли политической элиты Англии утвердили А. Вандама в мнении, что «с Англией нельзя вести дружбу иначе, как держа камень за пазухой», и что «плохо иметь англосакса врагом, но не дай Бог иметь его другом» [Вандам 2002: 104, 207]. Одними из первых эту особенность характера англичан усвоили ирландцы, отразившие её в своей поговорке: «Никогда не доверяй трём вещам: клыкам собаки, заду лошади и улыбке англичанина» [Немцев 2017: 96].

Великобритания не гнушалась любыми средствами для получения материальной и любой иной выгоды для себя [Петров 2008]. Так, в 1813 г., когда русская армия спасала Западную Европу под Дрезденом и Лейпцигом от Наполеона, Британия заканчивала уже завоевание Индии, чтобы с этой базы распространить своё господство на юг Азии и преградить нам наступление по всему нашему фронту. Деятельно помогая Англии «валить» Францию, мы упустили время, когда с половиной войск, дравшихся на западе, смело могли проложить себе путь к южным морям. «Свалив» Францию, мы тем самым ослабили полезный нам в её лице противовес и дали возможность Англии придвинуть к русской границе всю континентальную Европу, которая, в свою очередь, давлением на наш правый фланг помогла Англии парализовать наши действия на всём фронте от устьев Дуная до Жёлтого моря [Вандам 2002: 139, 149].

Для англосаксов борьба за мировое господство представляет собой не что-нибудь особенное, к чему нужно готовиться годами, а систематический и упорный ежедневный труд. На всех парусах стремясь к высшим сту-

пеньям цивилизации и занимая господствующее положение по отношению к другим народам, англичане не спускали глаз с запертого и обречённого ими на физическое и моральное вырождение («degeneracy») Европейского континента [Там же: 103, 141].

После разгрома Франции англосаксы сосредоточили своё внимание на России, «ибо со вступлением на престол императора Николая I последняя снова обратилась к своим собственным делам и в случае своего наступления правым флангом к Средиземному морю и Персидскому заливу могла прорвать английскую блокаду и стать морской державой, то есть дать выход своим гложущим взперти силам и средствам. Ввиду этого, сейчас же встав за спиной Турции и Персии с целью удержания первых наших натисков, англичане начали сосредоточивать к правому нашему флангу силы всей континентальной Европы» [Там же: 42]...

Справедливости ради нельзя здесь не сказать о воздействии Англии на русское общество. Интерес к Британии зародился ещё во времена Ивана Грозного и продолжился в период правления Бориса Годунова [Лабутина; Долинин 2007]. Популярность британской культуры в XVI – в начале XVII в.в. была в целом невелика и чаще всего ограничивалась пределами царского двора. В последующие столетия, особенно в правление Петра I и Екатерины II, её влияние затронет определённые круги политической элиты, но не делается определяющим. Тем не менее мода на всё английское, в том числе и на английский язык, в некоторых кругах русского дворянства стала нарастать в начале XIX в. [Долинин 2007].

В этой связи интересно заметить, что выдающийся русский мыслитель А. С. Хомяков (1804-1860), путешествуя по Альбиону, был очарован английским национальным характером, культурой и литературой. В своём знаменитом стихотворении «Остров» он, с восхищением воспевая Англию, тем не менее видит и другую сторону её величия:

*...Как кроваво над землёю
Меч горит в твоих руках!..*

Также он отмечает её огромную политическую силу и могущество:

*...И далёкие державы,
Робко взор стремя к тебе,
Ждут, какие вновь уставы
Ты предпишешь их судьбе...*

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ КАК СИСТЕМНЫЙ СУПЕРСУБЪЕКТ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Бесспорное доминирование англосаксонской цивилизации в XIX – начале XX в. неразрывно связано с системой Pax Britannica [Громыко 2007]. Англичане первыми показали миру, что политика достижений глобального масштаба – это предельное выражение национальной субъектности [Ракитянский 2014: 408-410]. Ни одна нация или группа наций не могла сравниться с промышленной, финансовой и военно-морской мощью Британской империи в то время. Потенциал, накопленный в годы неустанной борьбы и расцвета Великобритании, её искушённая и расчётливая политика позволили ей в последующем удержать свои позиции в мировой экономике, успешно конвертировать бывшее влияние в политический вес на международной арене. Англия смогла сохранить свою аутентичную идентичность и отчасти империю, переформатировав её в сетевую форму посредством Содружества наций⁵, включающего в себя 53 государства, 50 из которых в прошлом были английскими колониями.

Сохранить же своё влияние на мировую политику ей позволили такие преимущества, как преемственное развитие элит, догматически непререкаемая система протестантских ценностей, проектное мышление, прагматичная гибкость и адаптивность, особая система права, финансовые стратегии, искусная разведка, глобальное значение английского языка [Чумаков 2010] и гуманитарные технологии, которые Дж. Най назвал «мягкой силой» [Нуе 2004: 191]. По мнению экс-премьера Д. Кэмерона, его страна является «сверхдержавой с точки зрения «мягкой силы»» (soft

power superpower) [Riley-Smith 2014]. Именно Англия оценила её системно-стратегический потенциал и стала одной из главных законодательниц мод в поп-музыке, дизайне, моде, сфере развлечений, маркетинге и менеджменте, кино, литературе и пр. После победоносного шествия The Beatles и «Джеймса Бонда» британцы очаровали, обольстили большую часть мира своей массовой культурой.

Действительно, в многочисленных международных рейтингах «мягкой силы» и «брендов стран» Соединенное Королевство неизменно занимает лидирующие позиции [Харитоновна 2015]. «Мягкая сила» как опора на привлекательность национальных ценностей, культуры и внешней политики для достижения целей и повышения престижа страны в мире играла существенную роль во внешнеполитической стратегии Альбиона задолго до появления соответствующего концепта [Харитоновна]. При этом лондонский Сити сохранил за собой роль главного контролёра глобальной финансовой системы, куда со своими капиталами устремляются «элитарии всех стран» [Brexit...].

После уничтожения СССР в последнее десятилетие XX в. контролируемый англичанами в течение столетий «баланс сил» был нарушен, что привело к доминированию одной силы в мировых делах. Этой силой, конечно же, были Соединенные Штаты Америки – «militaristic leader» англосаксонского альянса, но в реальности он редко действовал в одиночку. Неизменно всегда рядом находился более опытный и хитрый партнёр в лице британского наставника [Гарске 2017: 13].

В Англии всегда первенствующую роль играли не оборонительные свойства Британских островов, а исключительные военно-стратегические способности его правящих классов и деятельный, имперско-патриотический менталитет английского народа. При совершенно незнакомых нам методологиях борьбы за жизнь и непохожей на наше «иду на вы» этике англосаксы пользуются как оружием своей политики такими принципами, скрытый смысл которых обнаруживается лишь впоследствии [Вандам 2002: 106, 167].

⁵ До 1946 г. – Британское содружество наций.

Именно поэтому Великобритания с характерным для неё длинным горизонтом планирования в течение столетий в контексте своей непрерывной национальной истории является системным политическим суперсубъектом [Ракитянский 2014: 408-410] – она накопила многовековой опыт прагматического проектирования инструментальных моделей политического взаимодействия с партнёрами и оппонентами. Она как никто другой умеет с выгодой для себя рационально конструировать политическое поведение формально независимых политических субъектов [Вандам 2002: 76-77, 79-80, 85-87, 90, 92-94], осуществляя таким образом рефлексивное управление [Ракитянский 2003: 21-24] ими, что в метафорической терминологии определяется как «тайное принуждение» [Грачёв 1998]. Но случаются и весьма серьёзные, даже трагические сбои. Пример тому – Мюнхенское соглашение, когда Британия «сама себя перехитрила», недооценив Гитлера. По этому поводу У. Черчилль через несколько дней после Мюнхена – 3 октября 1938 г. – писал, что «Англии был предложен выбор между войной и бесчестием. Она выбрала бесчестие и получит войну» [Семидесятилетие...]. Так в итоге и произошло.

Тем не менее англичане, творцы событий, живущие добычей [Хаусхофер 2001], принесли в мир изощёренно-рационалистическое искусство борьбы за жизнь и за ресурсы, посредством которого завоеватели создают события и усеивают ими море жизни таким образом, что на этих подводных камнях терпят крушение одинаково и друзья, и враги англосаксов [Вандам 2002: 82-83, 102].

Но британскому наднациональному геополитическому системному суперсубъекту при всей его исключительности, мощи, ментально-догматической непреклонности, гениальности, прочих несравненных и очевидных достоинствах, всю свою историю всеми правдами и неправдами завоевывающему наиболее выгодное «место под солнцем», не дано стать метасубъектом – «ибо какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе

своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою» [Мк. 8:36].

Если суперсубъект жаждет власти, то метасубъект устремлён в трансцендентальное пространство бытия, где опорами его достижений будут мораль, нравственность и духовность. Это не англосаксонский колониальный или неоколониальный паразитизм [Колонисты...], агрессивный милитаризм, либерализм, индивидуализм, прагматизм и волюнтаризм [Ракитянский 2017] – это уже нечто другое, то, что А.Ф. Лосев определил как обращённость к высшим истинам бытия, противостоящим всякому вещественному, временному и историческому протеканию явлений, а также то или иное самоутверждение личности и народа в вечности [Лосев 2008].

Шекспир, описывая порочные деяния своих героев, оставил тему покаяния и воздаяния открытой... Возможно, он был пророком, которого Англия не услышала?

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Национальный менталитет англичан и их самобытная политическая субъектность формировались на основе природно-генетических ресурсов, культурно-исторического потенциала и укоренялись посредством непоколебимого следования догматам островного протестантизма в течение нескольких столетий.

Непреклонная догматичность британского менталитета мессиански, унифицированно, тотально и действенно реализуется в глобальной политике и в стремлении к либеральному переустройству миропорядка.

«Национальная эффективность» политико-стратегического влияния Британии является свидетельством того, с каким упорством, гибкой последовательностью и адаптивностью, прагматичной этикой и жестокостью действует английское правительство, независимо от смены стоящих во главе его лиц.

Соединённое Королевство имеет длительный и уникальный опыт рефлексивного контроля партнёров и оппонентов, умеет с выгодой для себя программировать политическое поведение различных политических субъектов.

Единственный в своём роде многовековой политической режим Великобритании был создан и поддерживается исключительными качествами британских политических элит. В числе этих референций автор выделяет догматически непререкаемую систему протестантских ценностей, носителями которых эти элиты являются. Здесь необходимо учитывать их проектное мышление, прагматичную гибкость, квалифицированное пользование особой системой права, возможностями дипломатии и разведки, финансовыми стратегиями, глобальной ролью английского языка и технологиями «мягкой силы». Долговременное и преемственное развитие британских элит в ряду других причин и условий

позволило Великобритании стать системным политическим суперсубъектом.

Ментально-политическую основу имперской стратегии Великобритании наследовали США, а также другие члены англосаксонского братства, развивая, модифицируя и реализуя её совместно со своим «старшим братом» и наставником в современной геополитике.

Соединенное Королевство вошло в XXI век великой державой с ядерным оружием, военными базами за пределами своей территории, индустриальным и финансовым потенциалом, инновационными технологиями, стратегиями soft power как средством ментальной экспансии, проектируя реинкарнацию своего былого могущества.

Литература

Англиканское исповедание [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.klikovo.ru/books/42512/42546.html>.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

Афины: грязный секрет Великобритании [Электронный ресурс]. URL: <http://rassianpulse.ru/rasila/2015/07/10/1431185-afiny-gryaznyy-sekret-velikobritanii>.

Белые рабы Америки стоили в 10 раз дешевле негров [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kramola.info/vesti/letopisi-proshlogo/belye-raby-ameriki-stoili-v-10-raz-deshevle-negrov>.

Вандам (Едрихин) А. Е. Геополитика и геостратегия. Жуковский; М.: Кучково поле, 2002.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://tower-libertas.ru/wp-content/uploads/2013/10/Max_Veber_-_Protestantskaya_etika_i_duk_kapital.pdf.

Галушко Ю. А. Тенденции геополитических устремлений России и Британии // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 2(713). С. 26-34.

Гарске Дж. Англосаксонская правовая культура в условиях глобализации: государство, корпорации, технологии // Век глобализации. 2017. № 1. С. 3-19.

Головнев А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015.

Ги Меттан – швейцарский общественно-политический деятель и журналист. Он родился в 1956 году во франкоязычной части кантона Вале. С 1975 года проживает в Женеве. После работы в различных изданиях в 1992-1998 годах – главный редактор и директор газеты «Tribune de Genève».

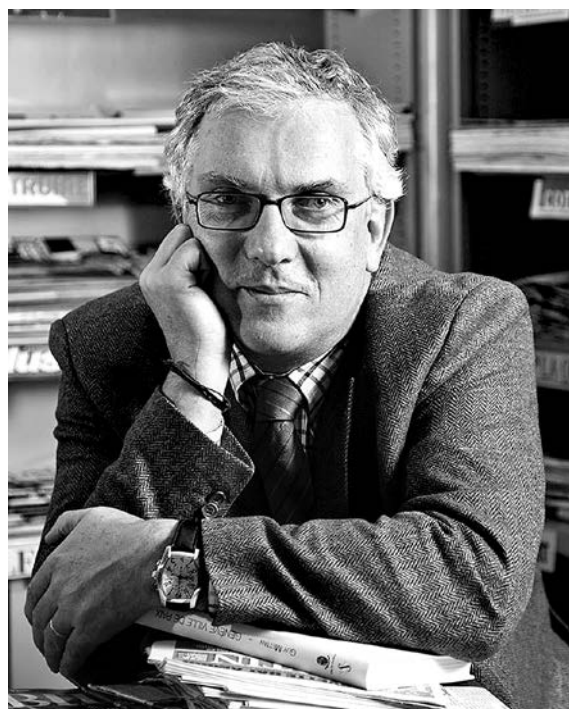
С 1996 года – исполнительный директор Швейцарского клуба прессы (CSP).

С 2001 года – депутат Большого Совета (парламента) кантона Женева от центристской Христианско-демократической партии (PDC). В 2009-2010 годах – председатель Большого Совета, «первый гражданин кантона».

С 2005 года – президент Торгово-промышленной палаты Швейцария – Россия и страны СНГ.

Ги Меттан – регулярный колумнист ведущих франкоязычных газет Швейцарии и автор около десятка книг по национальной общественно-политической тематике и по международным отношениям. Его книги и публикации в прессе всегда привлекают внимание широкой общественности, становятся базой для глубоких общественно-политических дискуссий.

Книга «Запад – Россия: тысячелетняя война» – первый перевод работ известного швейцарского журналиста и писателя на русский язык.

Запад – Россия. Тысячелетняя Война. За что мы так любим ненавидеть Россию?

Книга известного швейцарского журналиста и общественного деятеля Ги Меттана – не научный труд, не политический памфлет и не изобретение «новой истории». Снабжённая множеством примечаний и ссылок, опирающихся на источники, и дополненная солидной библиографией, она сознательно лишена всякого академизма и наукообразия. Лучше, чем автор, о книге трудно сказать. «Россия для Запада по-разному в зависимости от исторического периода – но всегда и во всем – была «слишком»: слишком реакционная и самодержавная по сравнению

с конституционными монархиями и республиками XIX века; слишком коммунистическая по сравнению с социал-демократией века XX; слишком «по-путински» консервативная по сравнению с либеральными течениями; слишком ортодоксальная по сравнению с католицизмом и протестантизмом; слишком коллективистская по сравнению с западным культом индивидуализма; слишком большая для одной страны...»

Все эти «слишком» и есть та пропасть непонимания, по обе стороны которой оказались Россия и западные страны.

Книга Ги Меттана – ценный вклад в демистификацию международных отношений.

Эта книга является одновременно результатом многолетнего профессионального опыта и реакцией на украинский кризис 2014 года.

Начиная с первых недель моей журналистской практики в «Журналь дё Женев», авторитетной и вполне либеральной газете, ныне уже не существующей, я понял, что такое двойные стандарты, применяемые западной прессой и западными лидерами по отношению к странам или политическим режимам, которые им не по вкусу.

В 90-е годы я был изумлен тем, как Запад повёл себя по отношению к Солженицыну. Несколько десятков лет подряд мы публиковали его, прославляли, курили ему фимиам как предводителю диссидентского движения. Пока он критиковал коммунистическую Россию, мы превозносили его до небес. Но когда он эмигрировал и вместо того, чтобы участвовать в антикоммунистических коллоквиумах, предпочёл уединиться в Вермонте и работать, западные СМИ и университеты от него отшатнулись.

Их кумир перестал соответствовать образу, который они себе сотворили. Он стал мешать их академическим и журналистским карьерам. Когда же Солженицын вернулся в Россию и там встал на защиту униженной и растерянной Родины, пущенной с молотка, и к тому же поднял голос против «западников» и либеральных плюралистов, отступившихся от России ради того, чтобы таскать куски пожирнее из капиталистической кормушки, на него спустили всех собак. Он превратился для Запада в выжившего из ума старика – хотя он-то как раз несколько не изменился и с тем же рвением стал критиковать пороки рыночного тоталитаризма, с которым прежде критиковал пороки тоталитаризма коммунистического.

Каким мерилom измерить Россию? Как описать эту загадочную страну? Такими вопросами задавались все путешествен-

ники, дипломаты, комментаторы, шпионы и журналисты, которым за последние пять-сот лет доводилось ступать на русскую землю. Но ответ на эти сакраментальные вопросы они так и не нашли.

Русские и сами не в состоянии ответить на этот вопрос, хотя каждое новое поколение сызнова пытается понять: что же такое Россия? Русские себя не жалеют, сиюсь определять, европейцы они или азиаты. Нет ответа. Некоторые мыслители утверждали, что сердце их принадлежит Западу и что нужно искоренить в душе все пережитки татарщины. Другие, напротив, стремились подчеркнуть своё славянство, уходящее корнями в азиатские степи.

Ни те, ни другие друг друга не убедили. Ни западники, пытавшиеся лизать сапоги Европе, которая их отталкивала. Ни славянофилы и их наследники «евразийцы», продолжающие лелеять миф об исключительной, незамутнённой и чистой русской душе. Ни одна, ни другая сторона не могут победить по той простой причине, что их теории однобоки: Россия – и не Европа, и не Азия. Точнее, она и Европа, и Азия одновременно.

Советская империя, наследие российского колониализма предыдущих веков, рухнула в 1991-м, и это был болезненный процесс. Но какая колониальная держава с радостью отказывается от своих колоний? Сколько жителей Конго истребили бельгийцы? А обитателей Мадагаскара и Алжира – французы? А британские войска, сколько они угробили повстанцев «мау-мау» в Кении и сипаев в Индии? А что уж говорить об уничтожении английскими колонистами темнокожего населения Тасмании – его полностью вырезали до последнего аборигена, убитого к 1830 году. А пытка электричеством, применяемая французской армией в алжирских селениях? И это двадцать лет спустя после сталинских чисток!

России до сих пор не перестают инкриминировать преступления Сталина – в то время как преступления французской армии

давно забыты, а Германии прощены ужасы нацизма. При этом никто не хочет помнить, что СССР – единственная империя в истории человечества, которая распустила подвластные ей народы без сопротивления и войны. В 1991-м в течение нескольких месяцев пятнадцать государств обрели свободу и независимость. Где ещё мы видели нечто подобное?

Все очень возмущались, когда Москва попыталась защищать русскоязычное население Приднестровья, а также осетинские и абхазские меньшинства – это было расценено как стремление вернуть себе былое величие. Но при этом кого в Европе возмутила расправа, учинённая грузинами над осетинами и абхазами, или перспектива для русских, живущих в Молдавии, оказаться разорванными на куски? А кому-нибудь пришлось в голову защитить бакинских и нагорно-карабахских армян от кровавой бойни, мотивируемой этническими причинами? Получается, что защищать от русских малые народы – благородная миссия. Но когда эти же самые народы вырезают в своей стране другие национальные меньшинства или притесняют их и попирают их права, как это было в Прибалтике, – нам, что же, надо им аплодировать?

Поскольку Запад подходит к России с мерилем своих собственных неблагоприятных деяний, хотя отказывается в этом признаваться, он никогда не избавится от штампов и от предвзятого взгляда на Россию. Не желая сделать усилие, чтобы её понять, Запад подогнал Россию под свои представления – подобно тому, как индейцы хиваро уменьшают до игрушечного размера головы своих врагов. Ненависть к России превратилась в метод анализа, в критерий подхода, в удобную подушку, обеспечивающую тем, кто на ней прикорнул, академические лавры и журналистские успехи. Какой исследователь, какой журналист может сделать на Западе карьеру, разоблачая двойные стандарты и спасая доброе имя России?

В Англии приступ любви к русским случался дважды: в 1812-1815 годах и в 1904-1917. Американцы же прониклись к России любовью на четыре года: с 1941 по 1945, когда надо было добивать Японию и фашистскую Германию. В Европе Россию любили приверженцы коммунистической идеи, и было это в период между первой и второй мировыми войнами, а также сразу после победы 1945 года. В XXI веке ситуация заметно ухудшилась. Те, кто к России благосклонен, оказались в катастрофическом меньшинстве. У них нет доступа к ведущим органам прессы и другим массмедиа. Об этом пишет американский советолог Стивен Коэн.

Дабы оправдать своё предвзятое отношение к России, русофобы выдвигают непреклонный с первого взгляда аргумент: нет дыма без огня, и если что-то не так, то значит, русские первые начали. Соответственно, русофобам надо во что бы то ни стало доказать, что огонь есть и что поджигатели – русские, тогда как они сами всего лишь отвечают на провокацию, на захват территории, на ущемления русскими западных демократических свобод. Так, в течение всего 2014 года западные политики и пресса эксплуатировали одну и ту же тему: в том, что произошло на Украине, повинна только Россия. И коррумпированность власти Януковича, и отказ подписывать соглашение с Евросоюзом, и события на Майдане, и «аннексия» Крыма, и крушение малайзийского боинга под Донецком, и восстание в Донбассе – все эти события на совести Москвы. Подразумевается, что США и Евросоюз тут ни сном ни духом, а украинские националисты и подавно, и все они лишь пытаются потушить раздуваемый Россией пожар.

Хитрый манёвр: причина и следствие тут переставлены местами. Запад делает вид, что стрельба Правого сектора по майдановским манифестантам, нарушение соглашений от 21 февраля, государственный переворот 22 февраля, кровавая расправа

в Одессе 2 мая, нарушение прав на родной язык и культуру в восточных областях Украины, обещание уступить НАТО военно-морскую базу в Севастополе, кража русского газа украинцами прямо из газопровода, полная неизвестность относительно того, кто выпустил ракету по самолёту Малайзийских авиалиний, бомбардировка гражданских районов Донбасса в нарушение Женевской конвенции, военная поддержка, оказываемая украинскому режиму Америкой, – всё это выдумки, фикция, российская пропаганда. Искусство подтасовки состоит в том, чтобы заставить мир поверить, будто Россия инициирует действия, в то время как она всего лишь реагирует на события, которых не хотела и предвидеть не могла.

Чего мы так боимся, почему избегаем смущающих разум вопросов и гипотез? Боимся, а вдруг Путин окажется прав? А вдруг он не такой страшный, как его малюют? Есть всё же вопросы, которые нужно иметь смелость себе задавать.

Почему в наших газетах, на радио, на телевидении никогда не задают вопросов о законности, об оправданности и, главное, о необходимости военных интервенций Запада? Зато мы без удержу клеймим попытки стран, которые мы считаем второстепенными, защититься от вторжений. Эффективность провозглашена на Западе критерием превосходства, но почему о ней забывают, подводя итоги военных операций за 25 лет? Сомали, Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, а теперь ещё бомбардировки ИГИЛ – а где результаты? Что, эти войны привели к миру? Или, может, «демократические» бомбы, сбрасываемые на головы афганских талибов и малийских исламистов, приносят меньше разрушений и страданий, чем российские бомбы, сброшенные на строптивых чеченцев?

Действительно ли наше представление об окружающем мире настолько объективно, как нам хочется верить? Действительно ли наши действия являются плодом высоких

моральных устремлений, а не продиктованы материальными интересами, которые нам неловко демонстрировать? Моральные принципы, на которых зиждется наша внешняя политика, для всех ли они одинаково непоколебимы? Почему в 2014-м границы Украины должны непременно оставаться неизменными, тогда как границы Сербии в 2007-м – нет? Или Чехословакии в 1993-м?

Почему считается, что Россия, проведя референдум в Крыму, поправа международное право, а Европа, санкционировав отделение Косово, – нет? Но ведь в те годы всё было совсем иначе, скажете вы. Разве? А можно полюбопытствовать, в чём именно иначе? Когда Россия решила вернуть себе Крым, Евросоюз поднял крик; а когда в 1991-м речь шла о расчленении Югославии – не проронил ни слова. Получается, что русскоязычное население Донбасса и Крыма весит меньше на весах прав человека, чем народы бывшей Югославии? Или возьмите абхазов и южных осетин: у них, что ли, было меньше права на жизнь, чем у косоваров, когда их вырезали грузины во время погромов 1989 и 1992 годов?

Миллионы, миллиарды долларов потрачены на изготовление осколочных авиабомб и беспилотных самолётов, на оплату услуг частных компаний, поставляющих наёмников. Разве не мудрее было бы потратить эти деньги на преодоление нищеты, голода и невежества, являющихся изначальной причиной терроризма? Какая нам польза от вооружённого вмешательства и оккупации Ливии, Афганистана, Ирака, Центрально-Африканской Республики, Мали? Ведь хаоса и несчастий от этого только больше. «Освобождённые» народы, они что, обрели долгожданный мир? Почему-то про это никогда не пишут, зато обвиняют Путина в том, что он поддерживает повстанцев Донбасса.

Как ни парадоксально, русофобия зародилась ещё до того, как Россия вышла на арену истории. Чтобы понять ту пропасть предрассудков, которая отделяет современный

Запад от России, нужно вернуться к Великому церковному расколу (1054 год) и даже на два века раньше, когда Карл Великий был помазан как император Запада (800 год), начал оспаривать у византийского императора титул преемника Римской империи и внёс в порядок христианского богослужения изменения, порицаемые восточными церквями.

Многочисленные религиозные, политические, экономические и культурные причины привели к разладу между двумя крупнейшими ветвями средневекового христианства. Мы расскажем лишь о тех причинах, которые сыграли главную роль в возникновении противостояния между Западом с одной стороны и Византийской империей и Греко-Восточной церковью с другой. Растущая ненависть Запада к Востоку была перенесена на Россию, когда та решила стать преемницей византийского религиозного и политического наследия после падения Константинополя.

Политическое соперничество сыграло не менее важную роль, чем религиозные споры. Оно усугубило нараставшие разногласия между Западом и Востоком, в результате приведшие к расколу, последствия которого не удалось преодолеть и по сей день.

Раскол двух половин христианской церкви перекроил историю континента и до сих пор способствует искажённым представлениям друг о друге, хотя его религиозная подоплёка за прошедшие двенадцать веков утратила свою значимость и актуальность.

Если бы князь Владимир решил в 988 году в Херсонесе Таврическом – уже в Крыму! – принять римский католицизм, а не православие, это изменило бы всю европейскую историю, потому что никто ни на Западе, ни на Востоке не посмел бы усомниться в принадлежности России к Европе. Князя одновременно обхаживал и Рим, которому только что удалось обратить в свою веру поляков и венгров, и Византия, но первый в истории русский правитель уверенно выбрал православие.

Чтобы убедить, одних слов мало. Если всё время повторять одно и то же – об экспансионизме России, о деспотизме российского режима, – то становится скучно. Разработать риторику, выстроить дискурс – безусловно, важно, но и это ещё не всё. Чтобы вас услышали, и услышали далеко, нужно придумать сюжет, заинтриговать, рассказать историю. Нужно создать миф, который пустит корни в коллективном сознании.

Создание рассказа для дискредитации России – вещь в высшей степени сложная. Как подчёркивают специалисты, это должен быть не просто рассказ, а метарассказ: рассказы в рассказе, истории в истории, они должны продолжать начатую линию, прятаться друг в друге, как русские матрёшки... Одно событие вызывает в памяти другое, вплетается в целую цепь событий; одно мнение отсылает к другому, к предыдущим эпохам, к другим культурам, к далёким континентам. Но все эти истории должны быть непременно связаны с тем, что происходило на Западе, в Европе и Соединённых Штатах.

Метод «дьяволизации» противника извещен испокон веков. Ещё в доисторические времена у дикарей был обычай потешаться над вождём враждебного племени и перед боем символически съедать его сердце. И хотя сейчас за окном третье тысячелетие и эпоха высоких технологий, которыми так кичится Запад, здесь по-прежнему прибегают к этому древнему способу.

Вспомним историю Саддама Хусейна. Сначала Запад превозносил его до небес: это когда тот объявил войну Ирану и аятолле Хомейни, который, в свою очередь, в начале 1980-х был главным врагом Соединённых Штатов. Потом Саддам Хусейн сам превратился во врага – когда в 1991-м вознамерился вернуть себе Кувейт (эмират, богатый запасами нефти, бывшая английская колония, основанная на территории, отвоеванной у Ирака в 1914 году). Кончилось тем, что в 2004-м Хусейн проиграл войну, которую

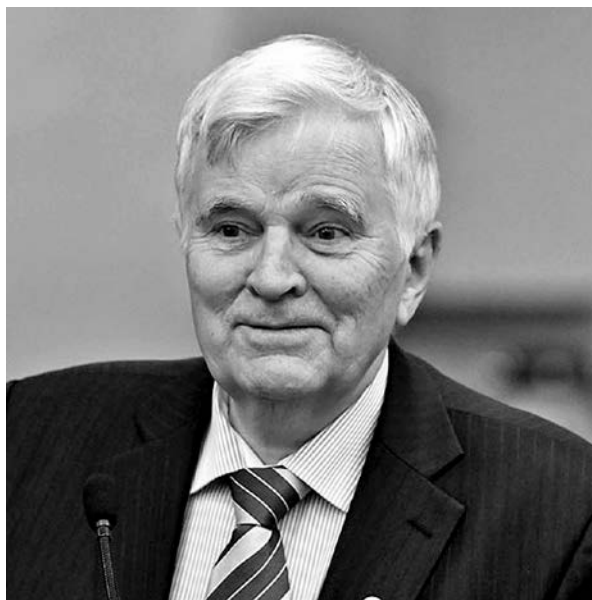
вели против него американские спецслужбы под тем предлогом, что Ирак якобы владеет оружием массового поражения, а затем и вовсе был повешен.

История Саддама Хусейна напоминает историю сербского президента Слободана Милошевича, которого в годы войны в Югославии (1992-1999) тоже обвиняли во всех мыслимых и немыслимых грехах. НАТО бомбардировало Югославию, не получив на это санкции ООН, а значит, нарушая международное право. Эти нарушения были, тем не менее, одобрены всеми западными странами, которые оказались гораздо более щепетильными, когда речь зашла о самоопределении Крыма. Как и в случае с Ираком, военное вторжение в Югославию началось с голословных обвинений. Вспомним, к примеру, историю с фотографией боснийца Фикрета Алича, снятого в июле 1992-го голым по пояс за колючей проволокой; эту фотографию сенсационная английская пресса опубликовала под заголовком «Берген-Бельзен 1992», как будто этот мужчина являлся пленником концлагеря.

История повторилась зимой 1999-го, когда несколько газет опубликовали фотографию, изображавшую якобы албанских мирных граждан, зверски убитых сербами в деревне Рчак в Косово.

По отношению к Путину применяется та же самая методика. Однако, благодаря своему исключительному хладнокровию, российский президент до сих пор ни разу не поддавался на провокации и неизменно сохранял спокойствие, а также соблюдал международные нормы взаимоотношений между странами. Что касается экономических санкций США и Европы по отношению к России, то они абсолютно противозаконны.

Чтобы понять, как Запад создаёт «злодеев», у нас достаточно зайти в любую заштатную книжную лавку: вы найдёте несметное количество антипутинской печатной продукции. В феврале 2015 года я обнаружил на прилавке провинциального книжного магазина, на полке самых горячих новинок, по меньшей мере пять книг, посвящённых Путину, – одна кошмарнее другой.

Пётр Толочко,
советский и украинский
историк-медиевист, профессор,
академик НАН Украины, иностранный
член Российской академии наук

«В ненависти к русским мы проклинаям и самих себя»

Это горькое признание я впервые услышала от выдающегося украинского учёного, археолога, историка, академика НАНУ в канун его юбилея. Телеканал «Интер» – единственный, кто к 80-летию Петра Толочко счёл необходимым снять и показать в эфире фильм о человеке, чья судьба наглядно иллюстрирует смысл перефразированной библейской истины: «Нет пророка в своём Отечестве».

Власть никогда не жаловала его. За вольнодумство, отсутствие «политической озабоченности» и нежелание участвовать в строительстве национального мифа. За то, что, посвятив свою жизнь изучению истоков Киевской Руси и осмысливая их в фундаментальных научных трудах, он не пошёл на поводу у тех, кто дербанил по независимым углам бывшее восточнославянское единство, но встал на его защиту.

Сегодня, когда большинство его коллег предпочитают поиску истины интерполяцию современных политических дразг в историческое прошлое, Пётр Толочко продолжает по крупицам воссоздавать историю своего отечества – Древней Руси – без примесей и идеологических домислов. Он

не боится публично озвучивать крамольную мысль о том, что нет ничего обидного в происхождении топонима Украина – «окраина». Гораздо хуже, полагает учёный, превратиться в окраину духовную, оторвавшись от своих корней.

Я беседую с Петром Петровичем в его скромной, уютной от обилия книг «келье» – так он называет свой кабинет на Владимирской в старом здании с табличкой «Отдел археологии Киева». На мой вопрос, что даёт ему смелость защищать историческую правду во времена, когда она воспринимается как сепаратизм, он отвечает словами своего учителя – известного ученого Бориса Александровича Рыбакова: «Мне поздно бояться, устраивают ли мои научные

выводы кого-то или нет». Говорит об этом со спокойной уверенностью и доброжелательной улыбкой. Он так не похож на своих экзальтированных оппонентов, что я не могу не спросить:

– Пётр Петрович, вы часом не благородных кровей будете? Что вам известно о своем генеалогическом древе?

– Древом своим мы немножко занимались когда-то с братьями. И накопили, что род наш по линии матери происходит из двух казацких ветвей. Прабабушка моя, урождённая Якименко, была переяславской дворянкой, которая имела земли в селе Пристромы, что недалеко от Переяслава-Хмельницкого, откуда я родом. А прадед носил фамилию Хмельницкий. Но я не возвожу себя к Богдану, как один из наших президентов – к Калнышевскому. По линии отца мы тоже из казаков. В казацких сотнях брат нашёл две фамилии Толочко, и в селе нашем эта фамилия числится уже в XVII в. Но это обрывочные сведения. С собственной родословной у меня гораздо хуже, чем с родословной Украины.

КОГДА ПУШКИН СТАНОВИТСЯ ВРАГОМ

– Хорошо, давайте перейдём к нашей общей родословной. Но сперва хочу узнать ваше мнение об инициативе перехода с кириллицы на латиницу, которую озвучил недавно министр Климкин. Если случится так, что инициативу поддержат законодательно, какими будут последствия для страны?

– Разговоры о латинице не новы. После обретения Украиной независимости латинские буквы время от времени появлялись в славянских словах на рекламных плакатах. Просто Климкин с радикальным простодушием, не свойственным профессиональным дипломатам, оформил мысль перехода на латиницу. Мне кажется, не следует воспринимать его инициативу всерьёз. Впрочем, от нынешней политической элиты можно ожидать чего угодно.

Я недавно прочитал в интернете донос мамы 10-летней школьницы на учительницу русского языка. Она жалуется, что её бедную Маричку заставляют учить оригинальные строки из поэмы «Руслан и Людмила». Женщина негодует: «Та як вона сміє змушувати мою дитину вчити вірші, написані мовою ворога!»

Я задаю себе вопрос: это что же получается, Александр Сергеевич Пушкин – наш враг? Ведь это он создал литературный русский язык на основе церковнославянского языка, который пришёл из Киева. И вот такие строки написал тоже Пушкин, вложив их в уста Мазепы в поэме «Полтава»:

*Без милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Под покровительством Варшавы,
Под самовластием Москвы.
Но независимой державой
Украине быть уже пора:
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра.*

Не думаю, что Мазепа так красиво изъяснялся и был таким большим патриотом; более всего этот человек заботился о собственном благополучии. Но именно Пушкин, которого сегодня делают врагом, создал в своей поэме образ романтического героя Украины.

Помню, как четыре года назад власть и оппозиция дружно кричали о новом цивилизационном выборе. Я, грешным делом, думал тогда: наверное, эти люди чего-то не понимают. Ведь цивилизационный выбор сделал Владимир Святославович ещё в X столетии, и с тех пор мы нормально существуем в нём, создав собственную богатую культуру, литературу и язык. О каком ещё выборе может идти речь? А потом я понял, что хотят переформатировать нашу ментальность, наше естество. Вот и заявление Климкина – из того же ряда.

– Но, с другой стороны, логика Климкина вроде бы ясна: коль Украина выбрала

ориентир на Запад, то и переход на латиницу, мол, закономерен. Вон и страны СНГ в этом направлении подтягиваются – Азербайджан давно перешёл, Казахстан и Киргизия заявили о намерении провести реформу...

– На латиницу перешли страны, у которых не было собственной письменности: сначала они заимствовали кириллицу, а потом перешли на латинский алфавит. Но мы ведь с IX-X вв. пользуемся кириллической письменностью. Кириллицей написан наиболее ранний из дошедших до нас древнерусских летописных сводов – «Повесть временных лет», и бесценный литературный памятник Древней Руси – «Слово о полку Игореве», и множество других произведений вплоть до сегодняшнего дня. Отказавшись от кириллицы, мы отсечём себя от огромного литературного наследия, от своих тысячелетних корней и станем латинизированным пережатым-полем. Но я надеюсь всё-таки, что здравый смысл победит.

– Помню, как без малого два года назад радикалы сорвали презентацию вашей книги «Откуда пошла земля Русская». Как вы думаете, почему ответ на вопрос, которому вы посвятили этот труд – откуда пошла Русь, варяги ли её создали, хазары или сами славяне, – вызвал столь бурную реакцию ваших идеологических противников?

– Причина в элементарном невежестве тех ребят, которые не дали нам возможность провести презентацию. Когда я у них спросил, читали ли они эту книгу, услышал презрительный ответ: «Не читали и читать не собираемся, и так знаем, что у вас там сплошное враньё!». Думаю, им просто не понравилось в названии книги слово «Русь», которое они отождествляют с Россией. Хотя это наше коренное слово, давнее. По моим убеждениям, у него южное происхождение, днепровское, а не варяжское. И в этой моей книге речь идёт о том, откуда мы начинались.

Причём, если вы обратили внимание, я пишу «руская» как производное от слова

«русь» – в соответствии с грамматическими нормами древних летописей. Но вряд ли это интересно тем, кто по своему усмотрению толкует историческое прошлое. Этим новым толкованием заполнены сегодня все учебники.

В ПОИСКАХ «ДРЕВНИХ УКРОВ»

– Кстати об учебниках. Когда-то нам говорили, что советский народ – это особый этнос, историческая общность людей разных национальностей, имеющих общие характерные черты. С тех пор, как мы разбежались по разным квартирам, нам постоянно внушают, что Украина – это Европа, а россияне – дикие варвары, которые на тысячи лет отстают в развитии от других народов. Что вы думаете о том, что мы слышим буквально ежедневно: украинцы и русские – разные этносы?

– Если честно, мне даже неудобно на этот вопрос отвечать. Это совершенная спекуляция, фантастика, вызванная физиологической ненавистью украинских националистов к русским. Я никак не могу понять: пусть им не нравится Путин, нынешнее правительство России, но зачем эту ненависть переносить на весь русский народ? Ведь в этой ненависти к русским мы проклинаяем и самих себя!

Вот посмотрите на это дерево (протягивает листок с изображённым на нём деревом с разветвлённой корневой системой и названиями восточнославянских племён – *Е.В.*). Это древо Толочко, итог моей деятельности. Образно говоря, я всю жизнь к нему шёл – изучал, поливал, возвращал, но визуально не мог себе представить. И только года два-три назад я вышел на такой образ нашей единой восточнославянской истории: Белая Русь, Малая Русь и Великая Русь – три мощные ветви, берущие начало из единого корня.

В конце XI – начале XII вв. из Киевщины, Переяславщины, Поднепровской Руси шёл мощный колонизационный поток переселенцев в Суздальское ополье, Суздальско-Залесский край. Туда ушли князья,

ремесленники, крестьяне, в результате чего образовалась реплика Южной Руси. Там появились города – Владимир, Переяслав, Звенигород, Галич. Туда перенеслась вся южнорусская гидронимия – Десна, Ирпень, Трубеж, Лыбедь – все эти названия переселенцы перенесли с собой из Среднего Поднепровья.

И получилось так, что один брат остался в Киеве или в Переяславе, а второй ушёл в Суздальское ополье и пустил там свои корни. Так почему же мы сегодня этого брата называем «угро-финном», если он точно такой же русич, как и тот, что остался здесь, в Поднепровье? Это выходцы из единого славянского этноса, единой страны, образовавшейся в результате слияния 12-13 восточнославянских племён в единое государственное образование – Русь, Рускую землю. Ну а затем разветвились на три народа. Как говорится, это медицинский факт, с которым невозможно спорить, если хоть мало-мальски знать историю.

– Почему же некоторые наши с вами земляки столь болезненно воспринимают ваши слова о том, что во времена Киевской Руси никакой Украины не было?

– Тогда не было ни Украины, ни России, ни Белоруссии. Была Русь, Руская земля и русичи. И нашим далёким предкам в страшном сне не могло присниться, что кто-то из них потом станет украинцем, кто-то русским, а кто-то белорусом, потому что все они были едины. В своей книге «Древнерусская народность» я показываю это огромное пространство – от Киева до Новгорода, от Карпат до Волго-Донского междуречья, которое было заселено единой общностью – древнерусской народностью. А потом Русь была разорвана на части монголо-татарским нашествием. Часть отхватило Великое княжество Литовское, часть – поляки. Вот тогда и стали проявляться этнографические особенности регионов и формироваться три восточнославянских народа. Но – на базе единого древнерусского народа.

У нас до XVIII в. был один общий язык. «Грамматика» южноруса Мелетия Смотрицкого, написанная им в 1619 г., была учебным пособием как в Киево-Могилянской академии, так и в Греко-латинской академии в Москве. Так какие же мы разные, если наши предки учились по единому учебнику! И мне кажется, что сейчас творится чудовищная несправедливость. А ещё непонимание того, что если мы оторвёмся от этого нашего питательного корневища, то просто-напросто потеряем себя.

– А как же раскопки в украинском Триполье и в Костёнках под Воронежем, где якобы обнаружены следы «древних укров»?

– Это глупость несусветная. Никаких «укров» никогда не было, хотя кому-то очень хотелось их отыскать. Где их только не искали – и на севере, и среди западных славян. Нет укров. Но кому-то с этим трудно смириться. Как и с тем неоспоримым фактом, что название нашего с вами государства происходит от слова «окраина».

– Вот сейчас вы опять кого-то крепко обидели...

– Да ничего обидного здесь нет! Это географическое название¹, а не этническое, не родовое. Мы действительно в последнедревнерусское время были окраиной между крупными европейскими державами, которые уже консолидировались в то время: с одной стороны – Русское государство, с другой – Великое княжество Литовское, Польша (потом они объединились в Речь Посполитую). И мы находились на этом порубежье, будучи окраиной по отношению и к одним, и к другим. Слово писалось дифтонгом: «оукраина» – это

1 От редакции: Географические, т.е. образованные от географических понятий, названия стран – явление довольно частое, например, Соединенные Штаты Америки, Эквадор («экватор»), Нидерланды («Нижняя земля»), Исландия («Ледяная земля»), Черногория, Польша (от «поле»), Австрия («Восточная страна», Южная Африка, Центральноафриканская республика и т.п.)

такое греческое соединение двух букв «оу». Позже буква «о» отпала и осталось «украина».

Мы добровольно отказались от названия «Русь». Причём большая заслуга в этом Шевченко и других наших писателей, демократов, которым страшно нравилось слово «украина», «украинцы» – они хотели как-то выделить нас из общего восточнославянского массива отдельным названием. Слова эти прочно вошли в обиход только в XIX в., а до того мы были малороссы.

ФЕДЕРАЛИЗАЦИЯ КАК НУЛЕВОЙ ВАРИАНТ

– Слово «малоросс», как и слово «украина», сегодня режет слух многим украинцам. Зато соседям, с которыми мы рассорились, слух ласкает. Я знаю, что в марте в доме Российского исторического общества в Москве состоялась презентация коллективного научного труда под вашей редакцией «История Украины. VI-XXI век». Украинские СМИ сразу написали, что «академик-сепаратист выполняет заказ, унижая украинцев и возвеличивая русских». Как россияне восприняли расставленные вами акценты?

– Слышал, как российская журналистка, комментируя моё интервью, говорила, что мы презентовали историю «государства, которого не было». Я считаю, что это от неграмотности. Ведь Россия тоже из восточнославянских племён вышла, и её тоже никогда не было. И белорусы начинали с дреговичей и других племён. И точно так же они включают славянский период в свою историю.

– Так с какого периода, по-вашему, следует отсчитывать историю Украины – с эпохи Хмельницкого или с XIX в., когда топоним прочно вошёл в обиход?

– Я считаю, что абсолютно справедливо писать историю нашего государства начиная с восточнославянских племён, потому что там наши корни, мы оттуда произошли. Истории всех народов пишутся именно так.

– Ещё в середине 90-х вы предупреждали о том, что не учитывать этнографическую специфику юго-востока крайне опасно. Тогда вас не слышали. А теперь случилось то, что случилось. Как все эти годы должна была действовать Украина, чтобы сохранить Крым и не допустить кровопролития на Донбассе?

– Скажу откровенно, я не был в восторге от распада СССР. Когда начиналась наша самостоятельная жизнь, признал реалии, но никогда не думал, что Украина станет такой, какой она стала.

Ещё в 90-е годы в своих статьях и книгах я стал писать о необходимости федерализации Украины. И до сих пор я убеждён, что это оптимальный путь развития нашей страны. Ведь посмотрите, что происходит: пришёл президент из Днепропетровска – днепропетровский клан правит Украиной; пришёл президент из Западной Украины или тот, который олицетворяет себя с ней, – во власть пришли галичане; донецкий президент пришёл – стали донецкие преобладать. А потом донецкие схлестнулись с галичанам. Клановость правящих режимов ни к чему хорошему никогда не приводила. Для достижения мира и согласия в Украине должно быть 9-10 регионов, и чтобы каждый из них имел своё представительство в парламенте. Таким образом, мы получим нулевой идеологический вариант. У нас будут регионы со своими этнокультурными особенностями, исторической памятью и ментальностью. И ни один из них не будет навязывать свои ценности и предпочтения остальной Украине.

Признаюсь, у меня нет ликования по поводу ухода Крыма. Не тешит подобная перспектива и для Донбасса, которая из-за саботирования Минских соглашений становится всё более реальной. Есть только чувство горечи от того, что с нами не хотят жить.

Большинство стран давно поняли, что унитарный строй не панацея. Украина при унитарном строе потеряла Крым, теряет Донбасс. А если бы мы были федеральными, возможно сумели бы их сберечь. Но у нас каждого, кто

озвучивает идею федерализации, сразу записывают в сепаратисты. Вот и в мой адрес тогда понеслось: «Толочко продвигает эту идею по заданию Кремля!»

Когда-то я был оптимистом и не верил в то, что Украина может стать большой Галичиной. Сегодня я убеждаюсь, что мы постепенно ею становимся. Идеология, герои, ценности – всё переносится оттуда. При этом наши традиционные, вековые ценности вытесняются и уничтожаются. Через колено ломают нашу украинскую идентичность.

Для меня это личная трагедия. С одной стороны, я не мыслю себя без Украины, а с другой – понимаю, что это уже не моя Украина, это другая страна.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ОБЪЯТИЯ И ОДИОЗНЫЙ ХМЕЛЬНИЦКИЙ

– Когда-то Черчилль сказал: «Если мы поссорим прошлое с настоящим, то потеряем будущее». Похоже, нас это предостережение не пугает. Мы продолжаем искать среди бывших героев врагов. На очереди Хмельницкий?

– Да, он уже становится подозрительной личностью, поскольку привёл нас в «москальское рабство». Спекулируют на теме Переяславской рады, говорят о том, что никаких юридических документов там принято не было, людей собралось совсем немного и объединение было нелегитимным. На самом же деле Переяславская рада стала актом присяжным, ратификационным.

Киевская старшина во главе с Богданом Хмельницким обратилась к царю Алексею Михайловичу с прошением о принятии под высокую царскую руку. В конце 1653 г. последовало решение Земского собора принять Войско Запорожское. А в Переяславе уже была принесена присяга верности царю, на которой присутствовала вся казацкая старшина, что олицетворяло нашу тогдашнюю государственность. После Переяслава боярин Бутурлин, принимавший присягу Хмельницкого на подданство России, проехал ещё по 182 полковым и сотенным

местечкам и принял точно такую же присягу от них на верность русскому царю.

Поэтому легитимность Переяславской рады и акта объединения или присоединения была несравненно более высокая, чем всё, что было до этого. Например, когда была учреждена Люблинская уния, нас в неё впихнули, не спрашивая, хотим мы этого или не хотим, а тут всё-таки была выдержана легитимность.

Но сегодня никто не хочет задуматься: а почему Богдан Хмельницкий вынужден был обратиться к России? Да потому, что стало невмоготу. Мы теряли свою идентичность, фактически потеряли свой язык, потому что государственным языком был польский и никто о малороссийском языке не вспоминал. Даже наши митрополиты. Знаменитый Пётр Могила писал свои произведения на польском языке. Польские кляшторы и костёлы дошли уже до Новгорода-Северского, была фактически потеряна православная иерархия. Её восстановили в 1620 г., но она едва существовала.

Если бы Богдан Хмельницкий не пошёл на соединение с Россией, то малороссов просто не существовало бы, все они давно были бы ополячены. Впрочем, сейчас этот процесс успешно возобновлён. Нам открыли безвиз, мы очень податливые люди, быстро ассимилируемся. И то, что полякам не удалось сделать с нами в XVII в., они успешно делают в XXI в. В Польше уже работают 1,5-2 миллиона наших соотечественников. Вот этот урок истории никто почему-то не хочет анализировать. Если малороссам было так хорошо в объятиях Речи Посполитой, то почему они ушли оттуда?

Во времена господства поляков на Украине жизнь была просто нестерпимой. Поэтому люди массово переселялись в пределы Российского государства. У нас есть тысячи свидетельств того, как народ шёл под царскую руку. Переселился и брат Богдана Хмельницкого, Григорий. Ещё до Переяслава в 1649 г. он написал прошение Алексею Михайловичу и, будучи в полковничьем звании, переселился в Белгород и там служил царю.

Переселенцев из Малой России в пору-

бежных российских городах (таких, как Путивль или Глухов) было столько, что воевода писал царю: «Наших людей меньше, чем черкесов». В ту пору так называли черкасчан. В 1649 г. Черниговский казацкий полк в полном составе – 1100 казаков с семьями – переселился в Воронежскую губернию, в Острогожский уезд. Сейчас наши националисты кричат: «Воронежская область – украинская земля! Там украинцы живут!». Да, действительно, там живут украинцы. Но только потому, что их приютили в 1649 г. А вы теперь заявляете, что Воронежчина ваша?

Если нашим пращурам было так хорошо под Польшей, что ж они массово, десятками тысяч эмигрировали в Россию? А сейчас выходит так, что корень Григория Хмельницкого – брата Богдана, там, в России, – это «проклятые москали», «угро-финны», а корень Богдана Хмельницкого здесь, в Украине, – это «чистые украинцы»? Нам надо бы хоть немного думать!

Если изучать факты, а не идти на поводу у пропаганды, мы должны понимать, что из «братских» европейских объятий нам с трудом удалось освободиться благодаря гетману Богдану Хмельницкому. И если Европа сегодня собирается обнимать нас так же крепко, то рано или поздно произойдут аналогичные процессы...

ХАЙ ЖИВЕ КУБАНСКАЯ УКРАИНА!

– Два года назад вы оставили должность директора Института археологии, которым руководили 30 лет. Некоторые украинские ресурсы назвали это событие «большим праздником». Наконец-то, мол, уволен, «крёстный отец» украинской «исторической мафии», который «топчет редкие ростки всего прогрессивного, что есть в нашей историографии». Что произошло на самом деле?

– Меня никто не увольнял. Я собирался уйти ещё 5 лет назад. Поскольку считал, что нехорошо, когда один человек занимает должность так долго. Люди вырастали и старились, а я всё директорствовал. Внутренне мучился, что нехорошо поступаю,

так как надо оставить это место для молодых. Решил пойти за советом к Борису Евгеньевичу Патону. Выслушав меня, он сказал: «Пока я жив, работайте. А когда меня не станет, поступайте как хотите».

Когда подошёл очередной срок переизбрания, я уже не стал с ним советоваться, а предложил на своё место молодого человека, Виктора Петровича Чубая, который раньше возглавлял крымское отделение археологии, а после известных событий в Крыму переехал сюда. Во время общего собрания, на котором должны были утверждать нового директора, Борис Евгеньевич меня подозвал и говорит: «А может, всё-таки передумаете?». Я ответил: «Нет, не передумаю. Потому и советоваться к вам не пришёл – чтобы не передумать».

– В каком состоянии сейчас украинская академическая наука, в частности институт, которым вы руководили?

– Археология давно себя плохо чувствует, ещё с обретения Украиной независимости. Мы практически не получаем финансирования на полевые археологические исследования. Не имеем средств на проведение конференций, на издание книг. Ухищряемся выживать за счёт сотрудничества с соседними странами – с поляками, румынами, французами. Долгое время с россиянами сотрудничали – проводили совместные экспедиции, делали общие издательские проекты, конференции.

Немного денег получаем от новостроек. Есть закон, согласно которому прежде чем затевать строительство на месте археологического памятника, застройщик обязан оплатить археологам исследование местности и публикацию материалов. Сегодня вот на Почтовой площади строительство развернулось, но строители неожиданно «сели» на роскошные кварталы древнего Подола разных периодов – от XVIII до XI вв. Мы хотели провести их консервацию и музейную экспозицию создать, но оказывается, что это практически

невозможно. Сейчас, насколько я знаю, эта строительная организация ушла оттуда, и что там дальше будет, трудно сказать.

– Руководство страны проявляет интерес к археологии?

– Последним, кто проявлял интерес, был Виктор Ющенко. Если помните, он Трипольем интересовался, приезжал на раскопки трипольского поселения Тальенки, что на Черкасчине. Возил меня на Днепр и показывал трипольские погребения, которые оказались, правда, не трипольскими, а позднесредневековыми.

А вот кто действительно интересовался нашей работой, так это Владимир Васильевич Щербицкий. Когда в 1972 г. на Красной площади Подола мы открыли кварталы срубных построек X-XI вв., Щербицкий вместе со всем политбюро приезжал осматривать эти раскопки. Затем он дважды знакомился с находками из скифских курганов юга Украины, которые накопал известный археолог Борис Мозолевский. Это только то, что я помню.

Поэтому как бы сегодня ни охаивали прошлое и «проклятых коммунистов», но они были государственниками и понимали, что история – это то, на чём мы стоим. А в советское время у нас были деньги на тематические раскопки, независимо от того, планируется там новостройка или нет. Скажем, мы хотим исследовать Новгород-Северское городище, в котором жил Игорь Святославович, и у нас были для этого средства. Сейчас их нет. Прочитать бессмысленно. Да мы уже и не просим.

– Зато находятся деньги на переименование улиц. Например, улицу Жукова хотят переименовать в Кубанскую Украину. Исторические основания для такого переименования есть?

– Это та же история, что с Воронежем. Когда Екатерина II ликвидировала Запорожскую Сечь, она переселила запорожцев на Кубань, в пределы Российского государства. А мы теперь опять говорим, что это украинская земля. Но нас же пере-

селили туда, приютили! Так же, как в Курскую, Белгородскую области, которые националисты считают нашими.

Несколько дней назад я был на президиуме НАНУ, где обсуждался вопрос будущей переписи населения Украины. Смотрю, в одном из документов в одной графе стоит: украинцы, а дальше расшифровывается: гуцулы, лемки – этнографические группы. И среди них вдруг вижу: кубанцы. Ну какие же они украинцы? Возможно, что-то и осталось у них украинское в менталитете, но никакого отношения к Украине они не имеют. С таким же успехом можно включить в перепись канадских, аргентинских и американских украинцев.

ГЕН ПОБЕДЫ И ГЕН ПОРАЖЕНЧЕСТВА

– Почему же мы занимаемся мифологизацией, вместо того чтобы искать то, что нас объединяет?

Так, Россия консолидирует общество вокруг бывшего имперского величия, вокруг своих исторических побед.

Украина же с первых лет независимости надела на себя терновый венец жертвы. Посмотришь на календарь государственных дат – там больше дней скорби и памяти жертв, чем торжеств по случаю побед. Сейчас уже говорят о том, что прошедшие десятилетия были годами советской оккупации, что вплоть до 1991 г. украинцы были угнетаемой нацией, чуть ли не нацией рабов, и т.п. Есть ли перспектива у государства со столь пораженческой идеологией?

– Я многократно писал о том, что этот страдальческий образ Украины, над которой «не знуцався тільки лінівий», – путь в никуда. Это навязывание психологической несостоятельности, неуверенности. Если вы постоянно утверждаете, что на протяжении всей истории не были способны что-нибудь сделать, то где гарантия, что завтра мы сможем это осуществить?

И действительно, мы ведь ничего не празднуем, а только оплакиваем своё

прошлое. Понятно, если речь идёт о голодоморе. Но мы оплакиваем и Конотопскую битву, к которой казаки не имеют никакого отношения, там татары немножко потрепали войска российские. Мы оплакиваем Круты, совершенно не задумываясь над тем, что тогда ведь бросили необученных гимназистов навстречу войскам Муравьёва. А в это время в Киеве находилось несколько полков, которые пьянствовали и палец о палец не ударили, чтобы отразить наступление. Такого события следовало бы стыдиться, а мы его отмечаем.

Война Отечественная, оказывается, была не нашей войной. Воевали Сталин с Гитлером, СССР с Германией, а Украина никакого отношения к ней не имела, и освободили её вовсе не советские войска, а бандеровцы. Как сказал Кравчук: «Нашими справжніми визволителями є бандерівці».

– А может, причина в том, что мы не можем увидеть величия в наших датах?

– В какой-то степени да. Если говорить откровенно, мы, украинцы, всегда имели очень пунктирную государственность. Немножко при Богдане до Мазепы, немножко во время революции, когда была создана Центральная Рада, гетманат. Немножко в советское время, где мы находились на правах автономии. Поэтому в наших генах нет ощущения того, что мы государственная нация. И поэтому на подсознательном уровне мы всё время представляем себя в образе страдальцев.

– Вы посвятили жизнь исследованию истории Киевской Руси. Что пока не удалось «раскопать»? Остались ли в этом периоде для вас «белые пятна»? Какие районы Киева наименее изучены археологами? Или время археологических открытий уже прошло?

– По моим подсчётам, историческая часть Киева занимает площадь примерно в 400 га. И, конечно, «белых пятен» на ней гораздо больше, чем исследованных. Когда-то я подсчитывал, что стационарными археологическими исследованиями мы охваты-

вали примерно 4% территории. Возможно, сейчас к 10% подобрался, точно не знаю. Но время археологических открытий не прошло, и мы с этим постоянно сталкиваемся. И в Киеве, и на ближайших окраинах.

Конечно, в городе очень трудно работать, потому что всё застроено. Но каждые новые раскопки приносят новые открытия. Раскопки на Почтовой площади, о которых я вам рассказывал, свидетельствуют о том, что в X-XIII вв., скорее всего, там был очень хороший, благоустроенный причал и киевская гавань. Там найдено много пломб и печатей, которыми опечатывались товары. Мы ещё не знаем толком, где конкретно была эта киевская речная гавань и набережная. Но мне кажется, что мы уже немножко нащупали и подходим к этому.

Мы многого ещё не знаем. Совсем недавно открыли поселение в Феофании. Там строится новый район, мы начали копать и обнаружили XI, XII, XIII века. Определили, что там находилось социально значимое поселение, потому что были найдены княжеские печати, застёжки от книг. Дальняя околица Киева совершенно не исследована, и ещё многое предстоит открывать.

Нам очень хотелось бы найти берестяную грамоту в Киеве. Таких находок много в Новгороде и в других северных городах, даже в нашем Звенигороде на Волыни. А вот в Киеве за все годы исследований нам так и не удалось найти ни одной грамоты. Хотя берестяные изделия – туески и стаканчики – мы нашли на Подоле. Он, кстати, наименее исследован.

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ – УКРАИНЕЦ, РУССКИЙ ИЛИ БЕЛОРУС?

– Когда на презентации вашей книги в Москве вас спросили, как она будет воспринята на родине, вы ответили: «Думаю, что остро, но это не наши проблемы, мы объективно рассказали об истории, и она нас рассудит». Но может ли быть объективным взгляд на историю? Ведь зачастую историки обслуживают государственную идеологию.

– Историк не имеет права обслуживать, если он настоящий учёный. У историка С. М. Соловьёва есть хорошие слова: «История – дело неспешное». Никто не может диктовать историку, что писать и как. Он должен определиться со своим взглядом на события на основании совокупности изученного им материала и только тогда выдать результат своего творчества. Независимо от того, понравится это кому-то или нет, историк обязан представить объективную картину. Если же он обслуживает власть, то это не учёный, а пропагандист. К сожалению, сегодня такие «историки» преобладают.

Я знаю человека, который написал кандидатскую на тему «Критика буржуазно-националистичних теорій про походження українського народу». Как он там чихвостил всех, кто не признавал официальную партийную точку зрения! Особенно досталось буржуазно-националистическим историкам украинской диаспоры. Сегодня он утверждает совершенно противоположное. Это приспособленцы, конъюнктурщики, если хотите, шулеры в науке. Настоящие учёные так не поступают.

В книге «История Украины. VI-XXI века» мы попытались показать исторический процесс во всём его многообразии, сложности и противоречивости. Мы рассказали о голодоморе, хотя и не квалифицировали его как геноцид украинского народа. Мы не обошли и бандеровское движение, но показали его как колаборантское, на котором лежит пятно сотрудничества с фашистами. Мы не идеализировали прошлое, но и не проклинали его.

– В одной из своих книг – «И прошлое не проклиная» – вы говорите о том, что надо уважать выбор поколения и не плевать в то, что пройдено. Но в истории каждого народа есть страницы, которые хочется забыть. Вот вы кого причисляете к великим украинцам, а кого к антигероям?

– Этим-то и отличается государственная нация от негосударственной, что она сохраняет у себя всё – и хорошее, и пло-

хое, и великое, и малозначимое на первый взгляд. А негосударственная нация постоянно пытается отыскать что-то одно, к чему можно прислониться, отрекаясь от всего остального. Что касается героев, то я, честно говоря, не понимаю, что такое герой Украины.

Когда-то был телепроект, где посредством голосования определяли великого украинца. Большинство, и я в том числе, проголосовали за Ярослава Мудрого. А через какое-то время было сделано «открытие», что Софию Киевскую построил не Ярослав, а Владимир. Но мы знаем, что построил её именно Ярослав, который действительно был великим правителем. Хотя, строго говоря, никаким украинцем он не был. Мы, конечно, можем его причислять к своим, но при жизни он не знал, что будет украинцем. Точно так же и Россия его может считать своим, и Белоруссия.

Когда-то меня попросили назвать выдающихся людей в истории Украины. Я поставил в этот ряд князя Ярослава, Нестора Летописца, Тараса Шевченко, а из современников – Николая Амосова.

Что касается антигероев... Мазепа – не герой. Это человек, который думал о себе, а не об Украине. И сколько бы его ни пытались героизировать сегодня, вряд ли это получится, поскольку существуют документы, где описываются его деяния. Он был крупным вельможей, имел поместья, несметные богатства. И всё благодаря России и дружбе с Петром. 20 лет они были друзьями, а потом Мазепа предал Петра. Наши националисты сейчас кричат: «Он же не Украину предал, а русского царя!». Но если ты предал человека, с которым столько лет дружил, то как это называть? И хотя Пушкин в своей «Полтаве» Мазепу опозитизировал как борца за независимость, на самом деле гетман такой Украину не видел. Всё, чего он желал, – перейти от одного хозяина к другому. И когда счёл, что пробил час Карла XII, решил переметнуться к нему.

НАРОД И ЭЛИТА В РОЛИ «ЗЛИХ ВОРИЖЕНЬОК»

– Вы были одним из инициаторов создания Украинского общества охраны памятников истории и культуры. И возглавляли его четверть века. Насколько эффективной была эта структура, и почему три года назад вы решили сложить полномочия?

– Общество охраны памятников – это хорошее и нужное дело. Наивно думать, что эта организация способна защитить исторические памятники на все 100%, но она понимает проблему, будит общественное мнение. Я был председателем этого общества с 1989 г. А в заявлении об уходе написал, что если в наше время уничтожаются памятники Великой Отечественной войны, переименовываются улицы и целый исторический период нашей жизни оказывается беззащитен перед произволом, а я ничем помочь в этой ситуации не могу, то соучастником этих бесчинств быть не хочу и не буду.

В последние годы мы терпели одно поражение за другим. Нам не удалось отстоять переименование улиц, предотвратить снос памятников советским воинам на Волыни и во Львове, защитить памятник Ленину в Киеве работы замечательного скульптора Меркурова. Этот монумент многие годы находился в реестре памятников национального значения Украины.

Мы оказались бессильны противостоять варварству и вакханалии. И я больше не хотел оставаться номинальной фигурой, которая ничего не в силах изменить.

– Во многих своих публикациях и книгах вы размышляете о современном историческом периоде Украины, о поисках национальной идеи, о свободе и патриотизме, о майданах и их последствиях. Одной из таких книг вы дали название «Заблудшие». И говорите в ней о том, что причина всех наших бед – в нас самих. Почему вы считаете, что виноват народ, а не «злі воріженьки»?

– К этому печальному выводу мудрые люди пришли гораздо раньше меня – каждый народ имеет правительство, которого заслуживает. Вот говорят, что украинцы – народ работающий, добрый, певучий, один из самых образованных и умных. Но откуда потом такие иваны не помнящие родства берутся? Они же из этого народа вышли! Оказывается, его мудрость не в состоянии отличить правду от фальши, интересы олигархических элит – от своих собственных.

Свидетельств этому множество. И, может, наиболее показательные – киевские майданы. Ведь истинные их цели ничего общего с интересами народа не имели, но были с большим энтузиазмом многими поддержаны. Это говорит о социальной незрелости общества, о его привычке жить эмоциями, а не разумом. И всё, что происходит с нами сейчас, говорит о том, что украинское общество оказалось неспособным ответить на новые вызовы. Это справедливо и в отношении той его части, которая называется политической элитой, и той, что именуется простым народом. Поскольку и элита, и народ – это сообщающиеся сосуды.

– А что же наш духовный авангард, интеллигенция, которая должна быть движущей и направляющей силой?

– Интеллигенция у нас конформистская, продажная и мимикрирующая. Так было всегда. Что говорить, если Кравчук был секретарём Компартии Украины и сам же инициировал её запрет!

В 2010 г. во время президентства Януковича была создана Гуманитарная рада, куда вошли представители научной и творческой интеллигенции. Пригласили и меня в этот орган. Помню, как на праздновании Шевченковских дней меня впервые за много лет на торжества и возложение цветов к памятнику пригласили. Иван Драч подошёл тогда ко мне и улыбнулся: «Ну що, Петре, нарешті твоя влада прийшла!». А я ему ответил: «Моя, Іване, нарешті, а твоя завжди».

После двух-трёх заседаний Гуманитарной рады я убедился в абсолютной бесполезности своего участия в ней, понял, что в моих советах

никто не нуждается, и ушёл, написав открытое письмо президенту. Зато все остальные её члены сидели там до конца, до самой «революции достоинства». А потом дружно и рьяно стали проклинать Януковича.

Я же никогда не вписывался в комфортность режима. И считаю, что истинное призвание интеллигенции – быть в оппозиции к власти. Интеллигенция должна острее чувствовать нерв, несправедливость, она должна не растворяться в режиме, а корректировать его действия. Если же она этой роли не выполняет, то не имеет права называться интеллигенцией.

– В одном из недавних публичных выступлений вы сказали, что «Заблудшие» – это ваша последняя книга. Что подтолкнуло вас к тому, чтобы поставить точку?

– Я не хочу больше писать, потому что разuverился в пользе своих писаний. Когда Льва Николаевича Толстого спросили: «Почему вы не пишете больше свою беллетристику?», он сказал: «Закончилась энергия заблуждения». Толстой был гением и нашёл такой красивый образ. Что-то похожее произошло и со мной – я увидел бесплодность своих попыток разговора с обществом, ничего в этом смысле не достиг, никого не перевоспитал, не достучался.

Поэтому, как в старину говорили, если Бог прибавит мне лета, то, может быть, я ещё что-то хорошее в науке сделаю. Сейчас вот заканчиваю книгу «Киев и Новгород» – это очень интересная тема, над которой я давно думаю. В историографии эту тему обошли, поскольку всё время старались противопоставить два города. Дескать, Новгород всегда стремился уйти из зоны влияния Киева, потому что в Нов-

городе была республика, а здесь – монархия.

Я же хочу показать, что это ошибочное мнение, что эти два города были опорой Руси – как общединастическое родовое наследие. Первый князь пришёл в Киев из Новгорода, и последний – в предмонгольское время – пришёл оттуда же.

– То есть по-прежнему будете объединять то, что сейчас изо всех сил пытаются разорвать?

– Да. И ведь не только наши разрывают, некоторые российские историки тоже. Такой вот парадокс. Я чужой здесь, но не вполне свой и в России. Там также не всеми воспринимается идея единой Руси во главе с Киевом вплоть до монгольского нашествия. Имеет место тенденция несколько спрямить исторический процесс из Новгорода на Владимир и далее в Москву.

Я доказываю, что до монгольского нашествия именно Киев был символом единой Руси, являясь не только политическим, но и духовным центром всего восточнославянского пространства. Киев оставался метрополией Руси вплоть до XIII в. Но этот киевоцентризм не всеми воспринимается, особенно в условиях ухудшившихся отношений между Украиной и Россией. Получается, что моя защита единства Древней Руси как бы не ко времени. Но я историк, а не политик. И смысл своей жизни вижу в том, чтобы воссоздать по возможности правдивую картину нашего общего прошлого.

Как известно, искажение фактов чревато нагромождением не только лжи, но и трупов. А грех историка сравним с ошибкой врача, но уже применительно к целым народам.

Беседовала Елена Вавилова.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Крест

Каждому человеку дан крест, который он должен нести с того дня, когда он своими детскими ножками впервые встанет на землю, и до того часа, когда его мёртвое тело обмоют, как родившегося младенца, оденут бездыханный труп, как пеленают ребёнка, и положат, как в колыбель, во гроб. Жизнь христианина – это крестоношение. Христианин – крестоносец, воин Небесного Царя. Крест – это труды и скорби. Внутренний крест – это распятие своей воли, для исполнения Евангелия, это борьба с плотью, миром и демоном. Господь был распят на кресте, сошёл душою во ад и воскрес из мёртвых. Крест – символ самоотверженной любви.

Господь даёт испытания и страдания больше всего тем, кого Он любит. Особо тяжкие искушения, внешние невзгоды и внутренние муки претерпевали святые: казалось, что сам ад ополчился против них. Господь сказал: «В мире вы будете скорбны, но мужайтесь: Я победил мир». Эта победа – воскресение. Господь утешает избранных своих во время скорби и даёт им духовную радость чувствовать ещё до смерти воскресение своей души. Поэтому христианство одновременно самый скорбный и самый радостный путь. Всякий человек стремится к счастью, но мало кто обретает счастье, потому что ищет его там, где царят время, тление и смерть. Этот при-

Зрак счастья похож на луч солнца, который хотят поймать рукой, а когда разожмут пальцы, то ладонь оказывается пустой. Демон обещает человеку счастье в удовлетворении его страстей и похотей, но оно кончается скорбью и опустошением души. Страсть подобна вину, она опьяняет человека, помрачает его ум; а затем он пробуждается, как пьяница, где-то под забором, в собственной блевотине, ограбленный своими же собутыльниками. Ему противно всё на свете, даже собственно тело кажется ему вонючей падалью; но как пьяница тянется к похмелью, так снова страсть, как злой повелитель, влечёт его к себе. Человек ищет счастья в дружбе, но сколько опасностей и неожиданностей ждёт его на этом пути. Первородный грех глубоко поразил природу человека, и наши близкие друзья также находятся под гнётом этой тёмной силы. Даже святые, борясь с дьяволом, нередко бывают уязвлены и поражены им; и после внутренних или внешних падений в их сердце открываются кровоточащие раны, и они смиренно молятся Богу, как последние грешники, о прощении своих ошибок и грехов. А что говорить о людях, далёких от Бога; они не видят свою собственную душу, они не могут понять, что творится в ней, как в глубине чёрной ямы; чаще всего демон играет ими, как ребёнок мячом, подбрасывая его вверх и ловя на лету. Псалмопевец сказал: «Каждый человек – ложь», т. е. каждый человек переменчив. Наш ум похож на корабль, а наши чувства – на морские волны: волны раскачивают корабль, влекут его то в одну, то в другую сторону, поднимают вверх и бросают вниз; поэтому мы не должны отдавать своего сердца – того, что принадлежит Богу, – в руки человека, иначе нас ждут разочарование и скорбь. Люди ищут счастья в душевной и плотской любви, но здесь ещё опасней – волчьи ямы вырыты на этом пути.

Когда человек любит душевно и страстно, то он любит не реального человека, а плод своего воображения, он как бы рисует картину того, кого он любит, и старается заслонить его этой картиной, а потом оказывается, что перед ним другое существо. И как

часто человек, добровольно обманывающий себя, потом считает, что другой обманул его; на самом деле его обманула собственная же страсть. Поэтому все поэмы и романы описывают любовь только до свадьбы, а затем просто не о чем писать. И эта супружеская жизнь не даёт полноты счастья, здесь душа говорит: это не то, чего я ожидала. Супружеское счастье – более или менее терпимая жизнь, это какое-то общее дело, но не общее счастье. Поэты нашли удачное слово для душевно-плотской любви, это слово – «очарование», что означает – чары, волшебство, колдовство, приворожение. Проходят годы, и человек с улыбкой вспоминает о своих прошлых увлечениях, он как бы сам не понимает, что с ним происходило, где были его ум и глаза. Он вспоминает об этих увлечениях, как о приступах лихорадки, которая оставила его. И в этой романтической чистой любви нет счастья.

Люди стремятся к богатству, но богатство обычно делает сердце человека жёстким и твёрдым, как камень. Он перестаёт чувствовать нужду и боль другого, он замуровывает душу свою как бы в склепе, куда не проникает свет. Молитва богатого редко бывает искренна и глубока, т. к. он в глубине сердца положил надежду не на Бога, а на деньги. Наиболее искренно и от души он молится о том, чтобы Господь сохранил его имущество от воров и грабителей, а о вечной участи молиться забывает. Богатство приковывает человека к земле, отнимает у него память смерти. Рай и ад кажутся ему только картинками, нарисованными на бумаге. Богатство даёт не радость, а заботу, это не хранитель и помощник человека, а его господин. Можно сказать, что богатство – это змея, которая пьёт кровь из сердца человека и иссушает его. Иоанн Златоуст пишет: «Я предпочитал бы иметь дело с тысячью одержимыми демоном, чем с одним сребролюбцем, ибо никто из несчастных бесноватых не дерзнул на то, что совершил Иуда». Люди, далёкие от Бога, видят счастье в высоких чинах, они рвутся к славе и власти, а если добиваются этого, то чувствуют не мир

и спокойствие, а соперничество и зависть вокруг себя, как будто под их ногами раскинуты сети. Чем выше человек по своему положению в мире, тем больше напряжения и сил требуется от него, как для акробата, который стоит на конце щита и раскачивается из стороны в сторону, чтобы сохранить равновесие. Чем выше человек, тем больше вокруг него лжи и лицемерия, тем больше вокруг него людей, ненавидящих его без всякой причины, только за то, что он сумел перегнать их. Такого человека даже во сне мучают заботы и тревоги. Может ли быть счастлив и спокоен человек, который идёт по минному полю?

Некоторые ищут счастья в оккультизме и магии, они не только надеются на помощь демона в своих делах, но считают, что демонические ритуалы или, проще говоря, бесовские оргии дадут им возможность пережить какие-то необыкновенные ощущения, какие-то обольстительные тайны греха. Это люди, которых живыми поглотил ад. Падение они считают полётом, а гибель собственной души – свободой. По временам они испытывают какую-то тёмную безумную радость, которая тотчас же сменяется адской скорбью и отчаянием. Эти люди видят смерть своей собственной души раньше смерти тела. Магия и оккультизм, даже в таких скрытых формах, как астрология или экстрасенсорика, – это область тьмы и отчаяния. Близко к магии стоят наркомания и пьянство. Многие склонны считать, что посредством алкоголя и наркотиков растормаживается человеческая фантазия и картины наркоманов представляют собою материал его памяти, хранящийся в подсознании, но на самом деле наркотик является одним из средств выхода в демонический мир, и человек в состоянии особой медиумичности воспринимает картины этого мира; очень часто в предсмертной агонии наркоман и алкоголик видят явление тёмных духов, которые пришли за их душой. В некоторых оккультных сектах употребляется курение гашиша и других одурманивающих сознание веществ, чтобы скорее привести человека в состояние

демонического транса. Демон может дать человеку только то, что имеет сам – это дух ненависти и отчаяния; поэтому общение с демоном, непосредственное – через магию и оккультизм и посредственное – через наши страсти и грехи, наполняет душу человека мраком и тоской. Приближение демона к душе – это дыхание смерти. Человек ищет радости в шутках и смехе, но это радость клоуна, который корчит гримасы; после продолжительного смеха на душе у человека становится пусто, а шутки лишают человека внутреннего целомудрия и открывают дверь страстям. Уже царь Соломон сказал, что у человека лучше сердце, когда он плачет, чем когда он смеётся. Если мы взглянем на своё сердце во время смеха, то увидим там вовсе не добродушие, а бесстыдство и жестокость. Это мы можем проверить, встав на молитву сразу после шуток и смеха. Сердце будет сопротивляться молитве, как бесноватый, которого насильно тащат в храм.

Наша душа – частица неба, поэтому она не может найти счастья на земле, поэтому всё земное чуждо её природе, поэтому на земле нет счастливых людей, кроме тех, кто отверг этот мир. Если бы счастье зависело только от внешних условий, то слёзы не падали бы на золото и алмазы, то морщины скорби, как печать тайных дум, не оставляли бы своего следа на лицах правителей и князей. На земле есть только одно счастье, истинное счастье, которое не погаснет, как светильник при дуновении ветра, не разобьётся, как хрустальный бокал, сброшенный нечаянным движением со стола, не исчезнет, как сон, который тает с пробуждением в ночи; это единственное счастье – крест, который дан каждому человеку, если тот распнётся на этом кресте свои страсти, свою волю, свою самость и пойдёт за Христом по пути, указанному Им. Этот путь – Евангелие. Мера счастья – это мера благодати, которую стяжал человек; эту радость не может отнять у него никто и ничто – ни болезнь, ни изгнание, ни человеческая злоба, ни насилие демонов, ни сама смерть. Благодать – это невидимая река, орошающая мир, а люди,

не желая знать об этом, мучаются и умирают от жажды на берегу реки. Каждый это может проверить опытом на себе. Если мы победим скупость – поделимся с нуждающимися, если простим от сердца обидящих нас ещё до того, как они попросят прощения, если победим искушение, влекущее нас ко греху, то Господь нам даст, как награду, мир и особую радость в сердце, не похожую на мирскую радость, как будто перст ангела невидимо дотронулся до сердца человека. Благодать – это свет, струящийся из вечности на землю; тот, кто несёт свой крест с любовью, видит

в своей душе отблески этого света; поэтому святые жаждали страданий как божественного дара. Если человек ради Господа будет терпеть скорби, то они превратятся в песнь о небе, которая будет звучать в его сердце и наполнять его душу покоем и утешением. Кто несёт безропотно в этой жизни крест, тот будет стоять в Царствии Небесном вместе с мучениками за Христа. Земные скорби превратятся в вечную радость, а земная скоротечная радость уже здесь на земле превращается в скорбь, как сорванный цветок превращается в прах.

О свободе

Одно из самых знакомых и вместе с тем непонятных для нас слов – это свобода

Что такое свобода? Как определить это вовсе непонятное понятие? Что побуждает человека стремиться к свободе, что подразумевает он под этим словом?

Свобода – это возможность и право человека принимать решения исходя из внутренних побуждений, которые могут быть интеллектуальными, чувственными или же грубо инстинктивными, то есть возможность осуществлять свои желания, реализовать во внешнем мире своё «я». Но наши интеллектуальные планы шатки, так как основаны на очень зыбких представлениях и оценках. Наши желания эгоистичны, прихотливы, непостоянны, даже лучшие порывы души внезапно исчезают, и мы видим, как в глубине нашей души ползают, словно пауки, другие чувства: ненависть, сладострастие, зависть и т. д. Что касается наших инстинктов, то здесь мы едва ли отличаемся от амёбы, которая представляет из себя сплошной живот. Что же мы можем реализовать? Какого «зверя» нам нужно выпустить на свободу?

Говорящие о свободе забывают, что для свободы нужна определённая культура. Прежде всего умение уважать человека, без

которого невозможно и любить его. Но для того, чтобы уважать другую личность, нам нужно осознать как личность самих себя, то есть развить в себе нравственное начало. Это не школьное задание, которое можно сдать как выученный урок; это постоянная тяжёлая борьба с самим собой, с нашим неличным состоянием. Свобода – это триумф победы в духовной борьбе. Без этого свобода будет насмешкой циника или оскалом звериных клыков насильника. Люди не понимают, что они находятся в состоянии самого постыдного рабства, от которого не могут освободить никакие внешние формации или либеральные реформы. Человек – раб своих страстей именно потому, что страсти не свои, не его, что они всегда чужие для духа; это паразиты, впившиеся в душу и сосущие из неё жизненные силы. А человек отождествляет страсти со своей душой, с самим собою и стремится создать условия, чтобы эти страсти свободно и легко осуществлялись и чтобы они воспринимались обществом не как нечто низменное, но как обычная форма жизни.

Под свободой современный либерализм понимает оправдание страстей. Страсти не могут удовлетворить человеческой души, поэтому они, будучи сами вырождающимися, про-

должают вырождаться в патологические формы. Эта патология также требует свободы, и поэтому либерализм должен прийти к вседозволенности, не только провозглашать, но и оправдать её. Каждый из нас испытывает на себе гнёт страстей, которые, как цепи, сковывают человека. Какие усилия требуются, чтобы противостоять им! И, увы, побеждать их случается не так уж часто!

Христианство указывает нам, в чём свобода. Она – в возможности человека следовать своему главному призванию и осуществлять вложенный в него потенциал – образ и подобие Божие. Каждый может увидеть в своём внутреннем опыте, как страсти сужают человеческое сердце, и наоборот – победа над страстями даёт для души какой-то внутренний простор.

Духовная жизнь расширяет человеческое сердце, даёт человеку возможность увидеть, каким он должен быть, и испытать, хотя бы отчасти, это чувство покоя и свободы. В словах «раб Христов» заключается начало освобождения. Раб греха становится рабом Бога. Для человека, живущего в импульсах страстей и греха, заповеди кажутся рабством и игом, но Господь сказал: «Иго Мое благо». Это рабство – выкуп из рабства, чтобы затем даровать свободу, а после свободы – усыновление.

Страсти – чужие для души, а заповеди – родные.

Для плотского человека мучительна и нелепа заповедь простить своему врагу – бессовестному обманщику, клеветнику или, что особенно больно, другу, изменившему ему. Но если он победит себя и простит от сердца, а не кончиком болтающего языка, то он почувствует, может быть, даже неожиданно для себя, радость и особый покой в сердце, как будто рассеялась тёмная туча, обволакивавшая его душу, и он увидел свет.

Страсти кажутся нашими, частью нашего сердца; но когда мы исполним их, то увидим, что они обманули нас, что они чужие. Заповеди Евангелия кажутся нам далёкими от реальной жизни, почти неисполнимыми, но если мы постараемся исполнить их,

то почувствуем, как наше сердце оживает.

Свобода – это освобождение сердца от всего чужого. Оно создано для Бога, поэтому свобода – в Боге. Свобода – это любящийся из вечности свет. Только в Боге человек находит себя и становится самим собою.

Христос – это идеал, человека, но идеал живой, обладающий божественной силой. Человек настолько свободен, насколько он стремится уподобиться Христу, уподобиться через стяжание того божественного света, который называется благодатью.

Свобода – выход из тварного, опредмеченного, закомплексованного, страстного состояния; приобщение к божественным совершенствам. Киники, стоики, буддисты, которые искали свободу, видели её в отрицании самого бытия. Киники – через насмешку, стоики – через гордое презрение, буддисты – через уничтожение всех желаний. Это была свобода смерти. Для христиан она звучит как реквием по свободе.

Какой свободы могли добиться киники своими насмешками и обезьяньими ужимками? Свободу от чего? От уважения к человеку? Свободу общей грязи? Свободу есть со свиньями из одного корыта? Свободу превратить высшее достоинство человека – слово – главное отличие от животных – в какое-то звуковое зловоние, которое осёл пускает из-под своего хвоста? Но в таком случае врождённый кретин, мажущий лицо собственными фекалиями, превосходит Диогена, так как более свободен от нравственных норм. Свобода киников – это свобода совершать на площади то, что делается в туалете, но и здесь полной свободы они добиться не могут. Их программа – разрушать традиции, следовательно эти «анархисты в бочке» не свободны поступить этично. Когда Диоген заболел лихорадкой и, вместо обычного кураженья перед толпой, стал трястись и лязгать зубами, то он понял, что его душа зависима от тела, вовсе не свободна, и поэтому в гневе на себя повесился. Вообще цинизм – это игра в свободу, которая начинается экстравагантными выходками, а кончается серой пошлостью.

Свобода стоиков – это безумие гордых, которые осудили мир как недостойный их. Стоик строит башню из слоновой кости, запирает себя в неё и смотрит через окно равнодушными глазами на толпу, как с утёса на волны моря. Один из поэтов охарактеризовал это состояние словами: «Моё единое отечество – моя пустынная душа». Стоик мужественно терпит несчастья, потому что презирает людей и жизнь. Он не отвечает на оскорбления, так как считает унижительным для себя обращать внимание на лай своры собак. Он спокойно принимает смерть, потому что не любит жизнь, которая для него представляется ничтожной и пустой. Для стоиков нет божества: такую худую картину, как мир, – считают они, – не мог написать Великий Художник. Вместо Божества у них учение о высших духах, о логосах, энергетических и семенных, которые порождают никому не нужную жизнь.

Эпикурейская свобода – это умение наслаждаться малым. Эпикур говорил: «Я наслаждаюсь ячменной похлёбкой», но принципы наслаждения и умеренности несовместимы друг с другом; поэтому эпикурейство, основанное на поиске наслаждения во всём, не смогло удовлетвориться тюремным пайком, а выродилось в гедонизм, где желание отнимает у человека свободу и делает его рабом.

Буддизм видит свободу в освобождении от всякого психического содержания. Прежде всего это уничтожение желаний. Буддист отвлекает мысль от всего внешнего, как бы погружает себя в самого себя, затем отвлекает мысль от внутреннего – от вертящихся колёс своего сознания, от калейдоскопа образов и идей, возникающих в его душе. Затем он уничтожает саму мысль и погружается в некое безмыслие, как в состояние своеобразной психической невесомости. Нирвана как конечное состояние, к которому стремится буддизм, это искусство создавать психический вакуум и угашать в нём сознание, как бы проваливаясь в бездонную пустоту. Это свобода от самого себя как индивидуума и личности; это свобода от космоса,

это блаженство смерти. Но пустота – понятие вовсе не духовное, а скорее физическое. Пустота – это пространство без содержания и мысленное поле без энергии. Понятия божества и нирваны взаимно исключают друг друга, так как божество является объектом внутреннего или внешнего характера, а нирвана требует опустошения сознания от всякого объекта: психического, космического или меонического. Буддист как человек может быть пантеистом или агностиком, но буддизм как метод атеистичен.

О свободе революционной говорить мы не будем. Слишком памятны кровоточащие раны этой свободы: насилия, вспышки дикой жестокости и бессмысленное уничтожение лучшей части народа. Революционная свобода обычно превращается в деспотизм.

Мы хотели бы коснуться очень серьёзной проблемы, хотя писать о ней так же гадко и противно, как тронуть гнойник. Это мнимая свобода, которую человек ищет в грехе, в борьбе с нравственными устоями и, прежде всего, с той внутренней удерживающей силой, которая называется совестью. Грех – это внутренняя революция против собственной совести, желание отделаться от неё, разрушить, задушить и растоптать. Порок не имеет границ и дна, на котором бы он задержался. Поэтому порочная жизнь, подчинённая страстям, – это падение в бездну. Падение демона было полётом вниз, и каждый грех в миниатюре повторяет ложную свободу демона. Это полёт падения во мрак и хаос. Свобода порока – это освобождение от своего человеческого достоинства как образа и подобия Божиего, в котором заключается истинная свобода. Всякое нравственное падение влечёт за собой опустошение души, отягчённой материальностью, которую человек чувствует в своём теле. Это реальная тяжесть греха. Мысль человека становится грубой и косной, сознание – опредмечено, воля – расслаблена, чувства – импульсивны и аффективны. Грех разрушает личность человека и как бы пригвозждает его к земле. Грех входит в привычку, привычка делается господином, и человек думает, что

он свободен делать всё, что хочет. На самом деле он превращается в жалкого раба. Грех не только опредмечивает человека, но он влечёт его в те нравственные пропасти, недоступные для других существ земли, которые мы назвали бы демоноуподоблением. Человек, отданный пороку, источает из себя какую-то невидимую грязь, особенно – глаза человека, эти окна души. Грязь не только пропитывает душевные поры человека, но сообщается в какой-то степени предметам, его окружающим: жилищу, в котором он находится; одежде, в которую он одевается. Поэтому апостол Павел говорит, что христианин гнушается даже осквернённой ризы.

Мы хотели бы остановиться на одной разновидности «свободы порока» – на сквернословии, которое загрязняет наши улицы и дома так, как будто пробилась система канализации и её содержание льётся под наши ноги. Сквернословие – это попытка низших душ уравнивать себя с теми, которые выше их, а с другой стороны, убить в себе собственное духовное достоинство, которое заключается в умении уважать другого человека. Надо отметить, что сквернословие пытается унизить самое святое для человека, оплевать, втоптать в грязь, поэтому в скверной брани часто упоминается имя Бога, а ещё чаще имя матери, которое дорого для каждого человека, кроме законченных подонков. Это даже не поток грязи, а какие-то фекальные массы, которые, как рвота, выплёвываются изо рта. Есть вид психического заболевания, когда человек мажет своё лицо собственными нечистотами и пожирает их. Таким видом сумасшествия, например, страдал известный писатель Ги де Мопассан, который от литературной грязи перешёл к фекалофагии. Сквернословие чем-то напоминает это психическое заболевание. Человек освобождается от чувства стыда и видит в этом также свободу. У некоторых истериков в период обострения болезни наблюдался симптом – желание обнажаться перед другими. В известных заведениях эти процедуры превратились в своего рода искусство. Сквернослов в сущности тоже обнажается

перед всеми, как будто говорит: «Посмотрите, какой я герой, во мне не осталось даже капли стыда». В мистическом смысле сквернословие – это вид призывания тёмной силы. Человек, выругавшись всеми нецензурными словами, которые ещё недавно были нецензурными, чувствует на какое-то время прилив энергии; это и есть приближение к душе человека демонов. Через некоторое время у него появляется потребность опять посредством сквернословия включить себя в какую-то электрическую сеть. Даже когда нет поблизости людей, которых можно оскорбить, он произносит вслух самому себе, как бы обращаясь к собственному носу, скверную брань, даже на неодушевлённые предметы, не соображая, что это – формула призывания адской силы. Слово – великий дар Божий человеку, словом человек отличается от других земных существ, которые могут общаться друг с другом только сигналами и знаками. Сам Христос назван Божественным Словом – Логосом, а теперь человеческое слово хотят отдать демону.

Великий дар – рождение новой жизни, но человек опохабил этот дар Божий, когда не только возникает тело ребёнка, но и даётся ему душа; он превратил деторождение в повод для распутства, а затем придумал средство, как сделать из него голый секс, который постепенно вырождается в патологический секс, и в этом отношении человек опустился ниже животного. Таинство зарождения человеческой жизни превратилось в материал для сквернословия. Это свобода цинизма, удушение своей собственной совести. Но грех не делает человека счастливым, поэтому мы видим у людей развратных и порочных на лице печать постоянного беспокойства, какого-то актёрства, даже в их смехе звучит что-то наносное, поддельное. Душа грешника проникнута мраком, как комната, где находится мертвец, задрапирована чёрной материей.

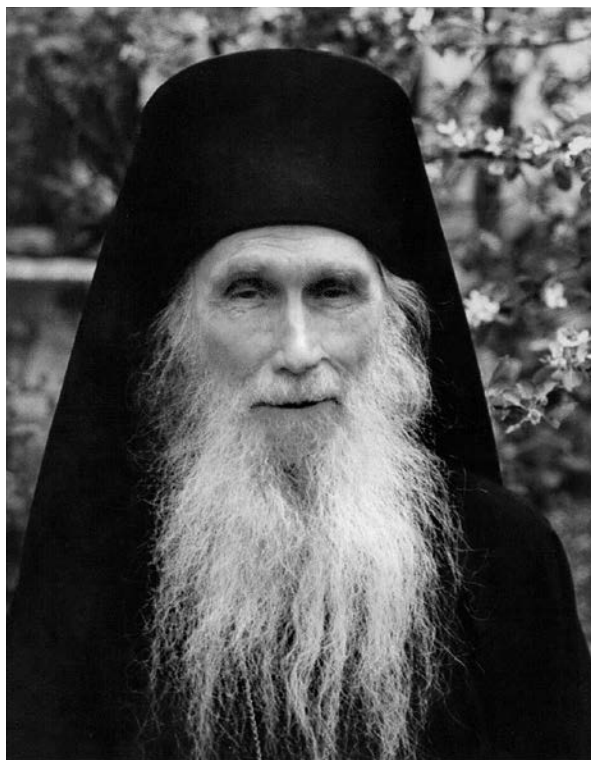
Единственную свободу открыло нам христианство. Это свобода быть в гармонии с Божеством, это освобождение души от всего чуждого ей – от страстей, как болезнен-

ных наростов души, от многочисленных психических комплексов, которые, как судороги тела, колеблют и сжимают ум. Христианская свобода – это защита от демонических влияний, которые, как радиоактивные лучи, разрушают душу человека, и уровень этой сатанинской радиации всё время неуклонно повышается на земле. Здесь может защитить человека благодать Божия, поэтому явление благодати душа вспоминает, как выход в высшую свободу.

Здесь подчинение двум колоссальным факторам – времени и смерти. Если не преодолены эти два господина бытия, которые уничтожают всё, что принадлежит человеку, а потом и человека, то само понятие свободы будет лишено реального содержания. Ведь то, что мы имеем, органически не принадлежит нам, это только способность и возможность контактировать с определёнными лицами и предметами. Но наше настоящее тотчас превращается в прошлое, как мимоза от соприкосновения сжимает свои лепестки. Если не будет уничтожена смерть, то жизнь человека будет похожа

на путь узника к собственной виселице. Свобода раскрывается там, где кончается время, а вечность открывается в вечном. Как мы сказали, свобода – это не только снятие внутренних противоречий и восстановление единства триединства в человеке; это также, и более всего, включённость духа в высшую свободу божественного бытия. Это помнит душа, как творение Бога, этого жаждет дух – око души, обращённой к вечности. Знает душа в своих таинственных глубинах, откуда она и для чего она, и поэтому ощущает, что родное и что чуждое ей. Дух Святой назван Утешителем, потому что только в нём успокаивается сердце человека. Ап. Павел пишет: «Вы искуплены дорогой ценой, не будьте рабами человека». Это, прежде всего, не быть рабом своего «эго». Не быть рабом тёмных страстей. Страсти – это не мы, это – тень демона, упавшая в душу. Это тёмный двойник духа. Свобода – только в Боге. Это опытно знают христиане. Истинное покаяние – это рождение души, а причащение – воскрешение её из мёртвых.

Архимандрит Кирилл (Павлов)
1919 – 2017

Как надо жить на земле

С того времени, когда Божественный Страдалец, Господь наш Иисус Христос, пролил на Голгофе Свою Божественную бесценную Кровь за спасение всего мира, на земле было положено основание христианской веры. Учение Иисуса Христа, известное нам из Евангелия, стало быстро распространяться по всему миру. И люди, которые приняли Христа, уверовали в Него как в Сына Божиего, приняли и Его учение, стали называться христианами. И в настоящее время многие миллионы людей считают себя христианами и, значит, признают Евангелие первую книгу в мире. Книгой, в которой содержится учение Господа нашего Иисуса Христа о том, как надо жить здесь, на земле, чтобы сподобиться после смерти, за гробом, вечной блаженной жизни, а также и в этой жизни ещё – земного благополучия. Но что удивительно, к прискорбию нашему, очень немногие следуют тому, что написано в Евангелии. Большинство

даже не берут Евангелие в руки и не проверяют себя по Евангелию.

Брали ли вы в свои руки Святое Евангелие с той целью, чтобы проверить, по тому ли пути вы идёте, какой в нём указан Господом нашим Иисусом Христом? Если вы этого не делаете, то вы совершаете роковую ошибку, гибельную для вас. Этим вы показываете, что вы ни во что цените Божественную Кровь, пролитую Господом на Кресте, и ни во что вменяете возвещённое Им Святое Евангелие, которое есть путь, истина и жизнь для всего мира в целом, а в частности, для каждого человека. Как нет ни одного имени под небом, данного нам, которое могло бы нас спасти, кроме имени Иисуса Христа (см. Деян. 4, 12), так нет и другого учения во всём мире, которое бы указывало прямой путь для достижения вечного блаженства и земного благополучия, кроме учения Евангельского.

Если мы желаем себе добра

Если мы действительно хотим серьёзно отнестись к вопросу о том, как нам надо жить, то мы никак не можем пройти мимо Евангелия. Потому что только в нём мы можем найти ответ на вопрос о смысле жизни. Христианство поразило иудейско-языческий мир новизной своего нравоучения. Новизна эта заключалась в том, что христианство для достижения спасения указывает единственный путь – праведную жизнь как необходимое условие. Но эта праведная жизнь ставится в зависимость от веры в Господа нашего Иисуса Христа как Сына Божия, веры в Его искупительные заслуги, которые Господь совершил Своим крестным страданием, Своим светоносным Воскресением. Без этого никакая праведность человеческая не может даровать нам спасения. И до пришествия Христова в Ветхом Завете были праведники. И они искали спасения, стремились ко спасению и делали добрые дела. Но спасения они не получали. Спасение пришло только с пришествием Христа Спасителя на землю. Без крестных страданий не могло быть отпущения грехов людям. Только после крестных страданий, только после славного Воскресения и Вознесения Господа на Небо, только с этого момента людям дарована вечная жизнь и люди избавлены от опасности вечной гибели.

Поэтому если мы желаем себе добра, если мы ищем себе спасения, то надо пре-

жде всего быть истинным последователем Христовым. А для этого нужно исполнять Его заповеди. А чтобы заповеди исполнять, надо знать Христово учение, то есть Евангельское учение, и быть верным, постоянным, достойным учеником Христовым. Надо иметь постоянную жажду искания правды Божией. Если мы так постоянно, настойчиво будем стремиться ко Христу, искать оправдания у Него, творить Его волю, это именно нас и поставит в число Его учеников, в число Его избранных. Стать же учеником Христовым – значит возложить на себя большую ответственность, серьёзно и тщательно относиться ко всей своей жизни, к каждому своему поступку.

Царство Небесное, говорит Господь, силою берётся, и употребляющие усилие восхищают его (Мф. 11, 12). Видите, что без усилия, без труда невозможно наследовать Царство Небесное.

Требуется внутренняя борьба, борьба со всякими дурными влечениями, наклонностями, страстями. Потому что если мы не будем бодрствовать над собою, то может легко с нами случиться авария, крушение. Вы сами знаете, что когда строят какое-нибудь большое здание, то внимательно следят за каждым кирпичиком, чтобы он был правильно положен. Если он неправильно положен, он может послужить причиной для гибели всего здания.

Уподобление Богу доступно для всех нас...

Подражание Отцу Небесному, уподобление Ему не есть, дорогие братья и сестры, долг только некоторых особенных избранных Божиих и не для них одних только доступно. Нет! Оно безусловно обязательно для всех нас и доступно для каждого из нас. Оно – всеобщий наш долг, потому что оно –

цель бытия нашего, указанная нам самим Творцом нашим. Все мы призваны к бытию именно для того, чтобы, в своей жизни уподобляясь Отцу Небесному, отражать в себе Его высочайшие свойства и совершенства и таким образом прославлять Его. Уподобление Богу доступно для всех нас, во-первых,

потому, что Премудрый Творец наш не мог указать Своим тварям цель бытия и деятельности их, недостижимую для них, а во-вторых, и потому, что всем нам дарованы естественные и подаются благодатные силы для подражания. Поэтому безответен будет каждый из нас, если не исполнит в доступной для него мере своего долга – подражать и уподобиться Отцу Небесному. Бог бесконечно совершенен и Сам в Себе, и в Своих отношениях к тварям, в особенности к человеку. И человек, подражающий Богу и старающийся уподобляться Ему, должен быть по мере своих сил совершенным в тех же отношениях. Сам в Себе Бог – свет и источник света. Бог свет есть, и тьмы в Нём несть ни единыя (1 Ин. 1, 5). Он – свет без всякой тьмы по Своему Божественному разуму, как всеведущий, познающий всё существующее вполне истинно и совершенно до мельчайших подробностей. Он – свет и чистота по Своей Божественной воле, как всесвятый, гнушающийся всего нечистого и любящий только святое и чистое. От Него исходит свет разумности, истины, добродетели и святости. Таков по существу Своему Первообраз, Которому все мы должны подражать и уподобляться.

Когда же и как мы можем уподобиться Богу Свету? Богу Свету человек уподобляется тогда, когда он, очистив свой ум от тьмы неведения в заблуждении, просвещает его доступным для него светом знания и истины; очистив сердце и волю от всякой нечистоты греховной, освещает их светом святости и добродетели и потом становится и для других источником света, озаряющим их светом истины и добродетели. Тако да просветится свет ваш пред человеки, – говорит Спаситель, – яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех (Мф. 5, 16).

И каждый из нас, дорогие братья и сёстры, может и сам озаряться, и других озарять светом истины и добродетели – стоит только восхотеть и постараться о том. На какой бы степени разумного бытия ни стоял человек, какие бы богатые или скудные дары духов-

ные ни получил бы от Господа, какое бы хорошее или дурное употребление ни делал он прежде из них, – он всегда может и должен в известной мере сделаться нравственно светлым по душе. Как бы ни был тёмным по природе и омрачён заблуждениями его ум, как бы ни была невосприимчива к делам света и омрачена грехами его воля, – он может сделаться сыном света и достигнуть доступной для него степени истинного знания и праведности. В этом может убедить его наблюдение над природой вещественной. Свет истины и добродетели доступен не для одних только избранных Божиих, которые получили от Господа высокие дары духовные и, развивши их при помощи Божией собственными усилиями, сияют, как светила на горизонте нравственного мира, распространяя во все стороны свет истины и добра. Нет, свет истины и добра доступен и для людей тёмных, и не щедро наделённых природой, и закопавших в землю талант свой.

Пусть будет человек наделён умом и волей невосприимчивыми, как камень, пусть он иссушит, как камень, и душу свою нежную и восприимчивую – и тогда он может и должен уподобляться Богу делами света. При постоянном общении со Спасителем нашим будет постоянно озаряться светом истины и добра и душа жестокая и ожесточённая.

Господь Иисус Христос Своим Божественным словом, Своей силой вызовет из неё добрые начала, кроющиеся в ней, возбудит в ней любовь к истине и святости и мало-помалу сделает человека сыном Света. Он бросит человека, если это нужно, в горнило искушений и бедствий и поведёт человека по скалам лишений, трудов, гонений, и тяжкие обстоятельства не позволят свету нравственному сокровенно и бездейственно крыться в душе человека, а постоянно будут вызывать из неё добрые и святые мысли, стремления и действия. Пусть будет человек суетен и все дела его суетны – при помощи Божией из такого человека может образоваться священный огонь, на котором сгорит

всё суетное, греховное, и вознесётся к небу огонь любви к Богу, и явится свет и теплота святости. Пусть будет человек наделён душой вялой и холодной, как вода, или сам он сделает её чрез лень вялой и холодной, способной и в других погашать огонь исти-

ны и святости, – и в нём сила Божия может возбудить свет нравственный.

Так всякий из нас может и обязан в своей жизни и деятельности уподобляться Богу Свету, каким бы ни представлялось нам трудным и невозможным это уподобление.

Только слово Божие ясно определяет, в чём состоит существо жизни

Слово Божие, дорогие мои, имеет весьма важное значение для религиозно-нравственной жизни людей. Без Божественного откровения, заключённого в слове Божиим, мы не имели бы надлежащего понятия ни о Боге и о Его существе и свойствах, ни о мире и о его происхождении и последней судьбе, ни о себе самих – о нашем назначении в жизни настоящей и будущей, ни о своей природе. Без слова Божия мы не могли бы вести и жизни истинно нравственной. Только слово Божие ясно определяет, в чём состоит существо и совершенство истинно нравственной жизни. Слово Божие есть то духовное, божественное семя, от которого зачинается и возрастает духовный человек. Как в мире вещественном всё, начиная от малой былинки до большого дерева, рождается и вырастает из семени, так и в мире духовном новый благодатный человек, новая тварь во Христе, возрождается в новую жизнь благовествованием слова Господня, слова веры и упования, слова спасения и вечной жизни.

Нага и безобразна, мертва и безжизненна сама по себе земля, но бросьте в неё семена, и пусть оросится она дождевыми каплями,

согреется лучами солнечными – и она украсится многообразными золотистыми цветами, плодами и злаками. Мертва и безобразна сама по себе греховная наша природа падшего человека, способная только на возвращение греховных помыслов, чувств и неправд от самой юности до престарения. Но когда посеется на ней живое семя слова Божия и благовествования Христова, когда она оросится благодатию Христовою и согреется дыханием Пресвятого Духа, тогда возникает в ней новая жизнь. Она облекается, как приятною зеленью, одеждою святых помыслов, благоговейных чувств, намерений и желаний; она благоухает цветами благих дел и плодов Святого Духа: любовью, радостью, миром, долготерпением, благостью, милосердием, верою, кротостью, воздержанием. Как вещественное семя, сколь бы ни возрождалось, не теряет присущей ему жизненности, так и духовное семя – слово Божие, которое принёс на землю Единородный Сын Божий, – не перестаёт сеяться в сердцах человеческих во всех странах мира, и возрождает в новую духовную жизнь души человеческие, и будет приносить плоды до скончания мира.

Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его

Иное семя упало в терние, и выросло терние и заглушило семя, что означает слушающих слово Божие, но таких, у которых заботы века сего, богатство и наслаждения подавляют слово Божие, и оно заглушается. В духовной жизни под тернием разумеются обыкновенно житейские заботы, удоволь-

ствия, сласти житейские, удовлетворение всяких похотей и влечений страстных. Естественно, что такая душа подавляется этими влечениями, и не может в ней напечатлеться слово Божие. Чтобы уврачевать свою душу от этого недуга и сделать её плодоносною, необходимо прежде всего исторгнуть

из своей души житейские заботы, а главную и преимущественную заботу обратить на спасение своей души. Искомое сокровище христианина составляет Царствие Небесное. Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и это всё приложится вам (Мф. 6, 33), –

говорит Спаситель. Поэтому прежде всего надо заботиться о спасении своей души, тогда всё остальное само собою приложится, и наши заботы о житейском примут второстепенный характер и не будут заглушать в нас добрых ростков слова Божия.

Счастье без Христа – призрачное, обманчивое, изменчивое

Евангелие повествует о том, что Господь для Своего Преображения взойшёл на высокую гору и молился, научая этим и нас отрешаться от земных уз и почаще возноситься мысленно к Горнему, к Небесному, очищая тем самым свои чувства и ум от житейской суеты и привязанностей.

Обратите ваше благоговейное внимание, дорогие, на то, что апостолы Христовы почувствовали высочайшее блаженство только тогда, когда удостоились созерцать славу Своего Божественного Учителя. Это обстоятельство убеждает нас в том, что только во Христе человек может иметь истинное и наивысшее счастье, и это счастье есть единственное, которого никто

и никогда у нас отнять не сможет. Всякое другое счастье, счастье без Христа, – призрачное, обманчивое, изменчивое, и те удовольствия, которые обещает оно, повергают человека в бездну неисчислимых и тяжких страданий.

Итак, дорогие братья и сёстры, будем со своей стороны употреблять все усилия, чтобы очистить себя внутренне от всякого порока, чтобы не царствовал в нашем сердце грех, а царствовал Христос. Тогда и мы удостоимся благодатного преобразования здесь, на земле, и славного преобразования в будущем веке, чего да сподобит нас Господь Иисус Христос, Которому со Отцем и Святым Духом да будет честь и слава во веки веков.

Как объяснить цель бытия, если отнять у души её бессмертие?

Тело само свидетельствует о своей смертности, потому что оно разруσιμο и делимо, душа же, напротив, имеет несложное духовное неразрушимое существо и разлагаться на составные части, как тело, и умирать не может. Душа бессмертна. Душа имеет нераздельное неслиянное единство, она во все время жизни чувствует в себе одно постоянное бытие. Тело наше участвует в жизни как бы поневоле, будучи приводимо в движение силою души, всегда тяготя её своей ленью. Душа, напротив, всегда продолжает свою независимую жизнь и деятельность, даже когда деятельность тела останавливается сном, или болезнью, или смертью.

Вера в бессмертие души существовала у всех народов и во все времена, даже среди языческих и диких племён.

Что служит доказательством бессмертия нашей души? Прежде всего в том, что душа человеческая бессмертна, убеждает нас слово Божие. Ещё в ветхозаветные времена говорил Екклезиаст: И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его (ср.: Еккл. 12, 7). И в другом месте Премудрый говорит: Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего (Прем. 2, 23). Иову искушение Бог попустил только над телом и над имуществом его, а до души коснуться лукавому не допустил.

Весь Новый Завет – утверждение нашей веры в бессмертие души и нашей надежды на будущее воскресение. Господь Иисус Христос Своими учением и делами утверждал сию веру и надежду, когда говорил, что Он пришёл в мир для того, чтобы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную (Ин. 3, 15); и ещё: Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Моё, тот не увидит смерти вовек (Ин. 8, 51).

Кроме того, Господь заповедует всем христианам, в особенности же проповедникам слова Божия: Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне (Мф. 10, 28), и этим Он также ясно говорит, что душа бессмертна.

Истину бессмертия души человеческой должен признать и самый здравый смысл. Посмотрите внимательно на человека: чего ищет его сердце, к чему оно стремится? Отчего душа его в мире сем ничем не насыщается, не удовлетворяется? Иной имеет все возможные на земле наслаждения и, однако, опять чего-то ищет и не находит. Иной желает утолить жажду души своей мирскими удовольствиями и забавами, но всё это оставляет в душе одну только пустоту, томление духа, и человек ищет каких-то новых наслаждений и опять не обретает в них отрады.

Всё это доказывает ту истину, что душа человеческая ничем в мире сем не может удовлетворить своей внутренней жажды блаженства. Бог для того-то и пробудил в душе человека сию ненасытную жажду, чтобы через то указать ему на другую, лучшую, жизнь, чтобы человек не останавливался на удовольствиях временных, но стремился к почести высшего звания Божия.

А если обратить внимание на способность нашей души к познанию? Как обширен круг человеческих познаний, какой обширный запас предметов заключает в себе память, какое бесконечное пространство в один миг пробегают воображение, какие высокие предметы воспринимает и объясняет рассудок! И чем обширнее круг познаний человека, тем большая пробуждается в душе его жажда к приобретению их. Что означает эта ничем не утолимая жажда к познанию, как не то, что полное насыщение души познаниями должно произойти лишь там, за гробом?

Если обратить внимание на самую жизнь человека, то и в ней можно найти важное доказательство бессмертия души человеческой. В чём проходит большая часть жизни нашей? Не в скорбях ли и бедствиях? Иной борется с болезнями, другой – с невзгодами, иной страдает от бедности и лишений, иной переносит злобу врагов своих или терпит скорбь от их зависти и клеветы. Трудно найти человека, который бы не был знаком с несчастьями, который бы мог сказать: «Я счастлив и блажен!». А сколько таких страдальцев, которых ещё с самой колыбели встречают скорби и болезни и не расстаются с ними до самой могилы! Как же объяснить цель человеческого бытия, если отнять у души её бессмертие? Ужели участь человека и бессловесных животных одна и та же? Чем же тогда человек превосходит их? Разве лишь тем, что он больше переносит скорбей и несчастий, чем бессловесные... Но слово Божие разрешает это недоумение, говоря: «...знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный» (2 Кор. 5, 1). Аминь.

Быть готовым всегда к встрече с Господом

Никто не знает ни дня, ни часа, когда будет пришествие Христово. Трудиться надо, учиться надо, работать надо, совершенствоваться надо. Пока Господь даёт нам время,

надо над собой работать. Надо бороться со своими греховными наклонностями, своими пороками, искоренять из своей души всё злое, худое, порочное. Вот цель и смысл

жизни. Пока ещё Господь двери покаяния не закрыл для нас, нужно стараться: пользоваться таинствами исповеди, покаяния и себя готовить к вечности. Думать о том, что будет кончина века и опускать руки, – нельзя. Никто не знает, когда Господь придёт. Но мы должны быть готовы всегда

к встрече с Господом. Поэтому мы должны со страхом проводить время своего странствования на земле и не обольщаться никакими мирскими удовольствиями, страстями, а проводить жизнь трезвенную, правильную. Проводить свою жизнь в чистоте и молиться всегда, быть всегда в трезвении.

Он указал нам цель нашего бытия в Самом Себе...

Не одна наша смерть, но и наша жизнь покрыта мраком, для рассеяния которого необходим свет свыше. Кто мы и откуда? Зачем рождаемся и живём? Что будет с нами по смерти? Как жить и действовать согласно своему назначению и цели своего бытия? Подобные вопросы теснятся в душе и остаются для человеческого ума неразрешимой загадкой.

Правда, Господь Бог, искупивший нас от смерти, не оставил нас в неведении и о нашей жизни. Он указал нам цель нашего бытия в Самом Себе, а верный путь к сей цели указал в законе Своём. Но хитрый враг наш устроил множество распутий порока, приятных и гладких на вид. Блаженство небесное закрыто от нас непроницаемой завесой смерти, а наслаждения и блага мира всегда перед нашими глазами. Праведники чаще всего проводят жизнь в лишениях,

скорбях и слезах, а грешники наслаждаются и блаженствуют. Какое сердце не поколеблется при этом обольщении! Сколько нужно мужества, чтобы устоять против этих козней диавольских! Какая нужна сила веры, чтобы, презрев видимое, устремиться всей силой духа к невидимому!

И вот милосердный Господь для укрепления нашей немощи, для оживления нашей веры в будущую жизнь в нетлении тел святых угодников благоволил являть нам видимое и осязаемое доказательство тех наград, которые ожидают по смерти всех, кто творит волю Его. И мы уже отныне не веруем, но видим, что не один конец праведному и грешному и что упование безсмертия исполнено, а пути грешных прямо ведут на дно адово (ср.: праведных Прем. 3, 4).

Из книги «О смысле жизни».

Архиепископ Боярский Феодосий (Снигирёв) – викарий Киевской Митрополии Украинской православной церкви (Московского Патриархата), председатель Церковного суда Киевской епархии

О будущем православия на Украине и в мире

Беседа с архиепископом Феодосием (Снигирёвым)

– Владыка, благословите. Первый вопрос: что, на ваш взгляд, изменилось после легализации Патриархом Варфоломеем украинских раскольников и разрыва евхаристического общения с Константинополем, какое отношение верующих УПЦ к так называемому «Томосу»?

– Помогите Господи. Изменилось то, что государство начало понемногу переходить от запугиваний верующих к репрессиям против Украинской Православной Церкви. От обысков и допросов перешли к конкретным делам. Принят первый антицерковный закон № 5309, который подписал президент, а значит, он вступил в силу; начались серийные захваты храмов. Схема захватов чисто рейдерская: привозят в село на автобусах своих людей, проводят с их участием и под надзором представителей власти «собра-

ние религиозной общины», и всё готово. Верующих выставляют на улицу, юридические полномочия прихода и здание храма теперь в «ПЦУ». Хотели специально для этого ещё особый рейдерский закон принять – № 4128, но, похоже, пока и так справляются. Кто им помешает? Чья власть, того и Церковь. Но зато Европа, средневековая, правда... В СМИ появилась информация, что сверху в районы спущена разрядка, сколько храмов нужно показательно «отжать» у верующих к «Томосу». Кроме того, и заповедники, на балансе которых находятся комплексы Киево-Печерской и Почаевской лавр, обязали подать заявления в суд и через суд отменить долгосрочные договоры аренды с монашескими общинами этих лавр. Только сделать надо это тихо, чтобы Стамбул раньше времени не перепугать.

– Всё как при атеистической власти прошлого века...

– Именно. Самое интересное, что они даже не стесняются бравировать тем, что наши лавры и другие святыни «принадлежат государству», или, как они любят говорить, «народу»! Поэтому, мол, вы, монахи и церковники, здесь на птичьих правах. А как они оказались в собственности государства, вспоминать не хотят. Это для них неприятные и опасные воспоминания. Православные святыни нашей земли веками создавала Церковь, целое тысячелетие создавала. И даже в тех случаях, когда конкретные люди, меценаты и императоры, выделяли средства на постройку того или иного храма, то передавали их в собственность Церкви как вечный дар. А в XX веке пришли большевики и всё у Церкви силой забрали, украли. Теперь вопрос к современной власти: если у вас в руках оказалось краденое и вы об этом прекрасно знаете, то что с ним нужно сделать? Вернуть законному владельцу? Или торговать краденым как своим, не стесняясь этого, и ещё издеваться над законным владельцем? Пусть поинтересуются, как вопрос реституции решается в настоящей Европе. И если у нас когда-то заработают европейские законы, то всё это, хочешь не хочешь, а придётся вернуть законному владельцу – исторической Церкви, в том числе и то, что раньше передали всяким УПЦКП, УАПЦ и прочим ПЦУ. И они об этом прекрасно знают.

– А какое настроение сейчас у паствы в Киеве и у духовенства?

– Могу сказать, что в первые дни после стамбульских решений наша паства просто растерялась. Никто такого не ожидал. Ведь, несмотря на, так скажем, сомнительную авторитетность Константинопольского Патриархата среди верующих, вполне обоснованную, мы тем не менее всегда старались поддерживать для внешнего мира доброе имя Константинополя. Но принятые в Стамбуле решения оказались предательством миллионов наших верующих со стороны Фанара¹. Неожиданным и коварным предательством. Они не про-

сто противоречат канонической логике, они откровенно вредны и опасны для Православия на Украине. Это совершенно очевидно для любого нашего прихожанина, даже самого несведущего. Но почему-то это не очевидно для Патриарха Варфоломея. Более того, для духовенства и мирян Украины это – почти неизбежное обречение на исповедничество, а возможно, и мученичество. Но произошло то, что произошло.

Поначалу у многих была тревога. Ведь непонятно, на что пойдут раскольники и власти под прикрытием фанарского «Томоса». Что их сможет остановить? Конституция? Закон? Полиция? Первая кровь? Непонятно.

А теперь, после того как Украинская Православная Церковь твёрдо высказала свою каноническую позицию, смело заговорили иерархи и священники, плевели начали отделяться от зёрен, верующие вздохнули с облегчением. Мы вместе, мы плечом к плечу. Будем стоять за Истину.

– Вы сказали о низком авторитете Константинопольского Патриарха в среде наших верующих. Что вы имели в виду?

– Наша Церковь, как и ряд других церквей, многими десятилетиями закрывала глаза на духовную инфекцию, которая давно зрела в недрах Фанара. Верующие в своё время предали забвению такое предательство Фанара, как «легализация» обновленцев и осуждение святого Патриарха Тихона церковным Стамбулом в 1920-е годы. А ведь то было время, когда Русской Церкви-Исповеднице было особенно трудно: тысячами расстреливались священники и миряне, архиереи сидели в тюрьмах. Этим, конечно, деяния Фанара не ограничивались. История знает целый ряд подобных фактов. Но мы молчали, не хотели выносить сор из избы. Пытались по-евангельски поступать: сохранить лицо и репутацию наших братьев во Христе перед внешним миром. Тем более что им там тоже не сладко. Лишь в личном общении, между собой мы могли говорить на эти темы. Так, в 1939-м году величайший святой современности – святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский – с большой болью писал

¹ Фанар – исторический район в Стамбуле, где расположена резиденция Константинопольского Патриарха.

так: «Константинопольский Патриархат... потерявший значение Столпа Истины и сделавшийся сам источником разделения, а в то же время охваченный непомерным властолюбием, представляет жалостное зрелище, напоминающее наихудшие времена истории Царьградской кафедры». Не вчера эта проблема появилась, верующие о ней прекрасно знают. Поэтому сейчас, когда история XX века вновь повторяется, когда Фанар вновь пытается использовать светское государство в своих целях во вред нашей Церкви, остатки его авторитета в глазах верующих просто рухнули.

– Вы говорили о репрессиях по отношению к УПЦ. Действительно, из уст президента в течение последнего года постоянно звучат слова, которые повергают в изумление православных верующих Украины. О том, что нашей Церкви нет места в стране, что мы «пятая колонна» и так далее и тому подобное. Одно оскорбительнее и предвзятее другого. Как лично вы относитесь к такой позиции нашей власти по отношению к УПЦ?

– К большому сожалению, все эти выпадки – закономерное следствие той политики дискриминации УПЦ, которая целенаправленно проводится на протяжении последних лет. Складывается такое ощущение, что чиновники и политики соревнуются между собой, кто кого превзойдёт в очернении и оскорблениях многострадальной Церкви Украины. Подключились все – министры с советниками, местные власти, депутаты разных уровней, дипломаты, СМИ. Не боятся ни Бога, ни людей, ни Конституции, ни Криминального кодекса Украины. Хотя при этом мне всё чаще вспоминается хрущёвское обещание 1961-го года очень скоро «показать по телевизору последнего попа». И где тот Хрущёв? И какая о нём память в истории?

– Так откуда же такая ненависть к канонической и самой многочисленной Церкви Украины?

– Думаю, дело в том, что наша Церковь – последний значимый общественный инсти-

тут на Украине, который принципиально не лжёт. Церковь может промолчать. Она может просто ничего не говорить. Но лгать не будет. И с этим власть имущие не могут смириться. Им нужна «церковь», которая будет всё одобрять, всё оправдывать, любое безобразие объяснять высокими смыслами, дурманить людей. Ведь когда живёшь в королевстве кривых зеркал, где зеркала обманывают и льстят тем, кто в них заглядывает, где всё в розовом свете и чёрное отражается белым, уроды видятся красавцами, а лягушки царевнами, – в таком королевстве нет места настоящему, простому зеркалу. Ведь в нём может отобразиться неприятная правда, всё как есть. И если настоящее зеркало вдруг будет где-то обнаружено, его стараются либо подальше спрятать, либо попросту разбить. Это мы сейчас и переживаем.

– Вопрос о Константинополе. После вмешательства Константинопольского Патриарха в церковные дела Украины ситуация только усугубилась. Раскол не уврачеван, прервано евхаристическое общение между Церквями, над УПЦ нависла угроза полномасштабных гонений. Неужели столь опытный иерарх, как Патриарх Варфоломей, не мог предусмотреть всех этих последствий? Чем, на ваш взгляд, вызваны эти действия?

– Ну, во-первых, Патриарх Варфоломей – тоже человек. А любому человеку свойственно ошибаться. И чем выше у человека пост, тем обширнее и трагичнее могут быть последствия его ошибок. Это раз. Кроме того, любому человеку свойственно своих ошибок не замечать или умалять их значимость. Это общее свойство человеческой природы, повреждённой грехом. При этом очень опасно, когда человек вообще теряет способность критической оценки своих действий, неспособен признавать свои ошибки и, несмотря ни на что, идёт до конца...

Во-вторых, уже многие эксперты говорили об обиде Патриарха Варфоломея на предстоятелей Церквей, не принявших участие в Крит-

ском Соборе, в частности на Предстоятеля Русской Церкви. Для людей Востока обиды имеют гораздо большее значение, чем придаём им мы, европейцы. Именно там, на Критском Соборе, предполагалось окончательно утвердить проект документа о предоставлении автокефальных статусов Церквям. Этот проект, который был предварительно всеми одобрен, предполагает порядок предоставления кому-либо автокефалии всеобщим консенсусом. То есть никто в одностороннем порядке этого делать не может. Всеправославный Собор по объективным причинам так и не состоялся, и этот документ так и не был официально утверждён. И теперь Патриарх Варфоломей посчитал себя вправе делать всё по своему усмотрению, единолично. Возможно, причина здесь тоже в затаённой обиде. И, как это ни прискорбно, несмотря на все наши призывы по-братски решить возникшие разногласия в духе евангельской любви и единства, на наших братьев они теперь не действуют. Восток – дело тонкое. Хотя говорят, что задействован и целый ряд других рычагов влияния на принятие решений Константинополем.

– Первые «звоночки» от Фанара прозвучали ещё на прошлогоднем сентябрьском Синаксисе в Стамбуле: заявления о первенстве власти Константинопольской кафедры, критические доклады иерархов по истории Западнорусской Митрополии на территории современной Украины...

– Полностью с вами согласен. Общий тон того Синаксиса был очень странный для православного понимания. На таком уровне и так откровенно, пожалуй, впервые были заявлены папские притязания Константинополя. И это на сегодня стало, наверное, самой большой проблемой в мировом Православии. Именно она грозит всеобщим расколом, как 1000 лет назад. А украинский вопрос явился здесь лишь катализатором.

Плюс к этому на выступлении перед греческой диаспорой в Стамбуле, папский тон Патриарха Варфоломея дополнился ещё нотой шовинизма. Вот цитата: «...Мы не обычная часть вселенского Ромейства (византийского, греческого этноса – *ред.*), а избранная, я бы ска-

зал, пусть это и покажется некоторым о себе говорением. Итак, это избранная часть Ромейства, так как здесь бьётся сердце этноса, здесь колыбель этноса, здесь Вселенский Патриархат. Отсюда исходят наши идеалы, наша слава, страдания и мученичество нашего этноса... Нравится это нашим братьям русским или нет, но рано или поздно они последуют тому решению (по Украине – *ред.*), которое даст Вселенский Патриархат, потому что не имеют иного выбора».

Мне казалось, что после европейской трагедии XX века у нас на континенте идеи этнического превосходства считаются неприемлемыми, позорными и даже уголовно наказуемыми. В цивилизованном обществе, конечно. И уж тем более в обществе церковном. А здесь гордые речи о расовом превосходстве и религиозной исключительности по типу: «Боже, благодарю Тя, и прочие безумные глаголы...» (канон прп. Андрея Критского, 9 песня). Патриарх говорит такие вещи так открыто и так пафосно, что становится даже страшно. Неужели мы настолько далеко уже разошлись? И это только сейчас становится понятно...

– Но ведь на Украине сейчас Церковь подвергается давлению также на основании националистических идей?

– Именно так. И это не скрывается ни властью, ни раскольниками. Именно посыл недостаточной «украинскости» – основной для гонителей Церкви в Украине. Не хочется верить, что у церковного Стамбула и наших местных гонителей – одинаковый идеологический фундамент. Тем более что именно на Константинопольском Соборе в XIX веке этнофилетизм был осуждён как ересь.

– Можно ли провести разделительную черту между патриотизмом и шовинизмом? В том же Греческом мире, например?

– Греческий патриотизм – это явление не только положительное, но и героическое. Уважение и восхищение вызывает история борьбы греков за чистоту своей веры, за православие своего народа, за свои святыни и земли великих предков. В то же время патриотизм

греков глубоко православен. Это прекрасный пример для нашего украинского народа. Наш патриотизм, к сожалению, был православным лишь в эпоху казачества, а сейчас всё с точностью до наоборот. Хотя он иногда и маскируется православными символами.

Мы с большим уважением и пониманием относимся к пророчествам греческих святых XX века о восстановлении в будущем славы святой Софии Константинопольской и других святынь Малой Азии. При этом обратите внимание: греческие подвижники благочестия XX века, со Святой Горы и из других мест, всегда с большим уважением и почтением относились к славянским Церквям. Особенно к Русской Православной Церкви и её верующим. В отличие от некоторых своих современников – церковных шовинистов. Сравните тёплое и сердечное отношение к славянам святых прошлого века, вплоть до нашего современника, преподобного Паисия Святогорца, с высказыванием, например, митрополита Закинфского Хризостома в 1947-м году:

«Православная Греческая Церковь, которую составляют Православные Греческие Патриархии и другие автокефальные Греческие Церкви, имеет своим врагом не только папизм и Западную Католическую церковь, но и славянство, и славянские Православные Церкви под покровительством Русской Патриархии... И если славянские народы забыли, что греки дали им культуру и что они приняли свет христианской веры от христианского светильника греческой Византии, через греческих миссионеров, и что поэтому они должны из благодарности отдавать должное почтение и благосклонность греческой расе, которая их воспитала и просветила, а не проявлять себя низкими и неблагодарными неприятелями, то всеправославное сознание сметёт их мрачные и вероломные планы... Греческая Православная Восточная Церковь снова призвана, чтобы вести гигантскую церковную борьбу, с одной стороны против Западной Римо-Католической церкви и её пропаганды, а с другой – против славянских Церквей. Но, пройдя между этими Сциллой и Харибдой, она всё же выйдет неповреждённой и сильной».

Ситуация ничуть не изменилась до сегодняшнего дня. Греческий мир очень разный. Мне, как и многим другим верующим, посчастливилось иметь регулярное общение с некоторыми духовниками Афона и Греции, а также с греческим духовенством и иерархами. Что сказать? Те, кто служат Богу в подвиге и молитве, являются патриотами своего народа, но остаются при этом «гражданами Церкви», где нет «ни эллина, ни иудея...» (Кол. 3, 11). Более того, чем больше тот или иной священнослужитель подходит под определение «подвижник благочестия», тем с большими теплом и любовью он относится к Русской Церкви. Это наблюдается и среди пожилых, и среди молодых священников и монахов. Почему это так? Есть повод задуматься. И при этом в Церквях греческой традиции параллельно уживаются обычные религиозные шовинисты. А шовинизм и расизм, хотя и с церковным привкусом, не является ни признаком большой веры, ни большого ума.

– В таком случае возникает вопрос. Могут ли Греческие Церкви последовать примеру Фанара и признать украинских раскольников законной Церковью Украины?

– Этого нельзя полностью исключать. Некоторые из них, возможно, временно признают. Не следует забывать, что современное устройство мирового Православия очень непростое. Некоторые Церкви, имеющие автокефальный статус, тем не менее находятся в очень сильной зависимости от Константинопольского Патриарха. Отдельные Предстоятели Греческих Церквей без благословения Патриарха Варфоломея не могут даже выехать за границу своей территории. Для нас это кажется странным, но это так. Кстати, «автокефалия», создаваемая сейчас на Украине, будет строиться ровно по тому же принципу: называется громко – автокефалией, а подчиняется Фанару по целому ряду важных позиций. Это ведь уже ни для кого не секрет. Так вот, при этом устройстве, при неполноценной самостоятельности, некоторые Церкви, вполне возможно, будут вынуждены последовать Фана-

ру и признать легализацию раскольников. Их даже могут заставить публично сослужить с раскольниками.

– Но это ведь подрывает основные принципы, так скажем, аксиомы православного миропонимания. Мы же всегда верили, что полнота мировых Православных Церквей способна отделить зёрна от плевел?

– Способна. И не следует драматизировать сегодняшнюю ситуацию, даже если такие события произойдут. Вспомним, к примеру, что в XX веке, когда Фанар при Советской власти признал обновленцев законной Церковью и шельмовал святого Патриарха Тихона, он был не одинок в этом беззаконии. Его примеру тогда последовали зависимые от него Иерусалимский и Александрийский Патриархаты. Они так же публично признали обновленцев и даже сослужили с ними. Но Правда Божия и история расставили всё на свои места. Поэтому я глубоко уверен, что если такое и случится, то на непродолжительное время. Правда всё равно восторжествует, как это было с раскольниками-обновленцами и Истинной Церковью.

Сейчас мне видятся два предположительных вектора развития событий – оптимистический и пессимистический.

– Давайте начнём с пессимистического сценария.

– Хорошо. Хотя я в него не хочу верить, но он может быть приблизительно таким. В Украине может начаться масштабное гонение на Украинскую Православную Церковь, с исповедниками и мучениками за веру. Константинополь тем не менее не признаёт своих ошибок, как это было в XX веке, будет настаивать на правоте решений и своём первенстве власти, восточном «папизме». При этом ко всем святыням мира, в том числе на Гроб Господень и на Святую Гору, для кощунственного служения будут допущены представители украинских расколов, не имеющие на себе благодати священства. В этой ситуации Поместные Церкви постепенно будут вынуждены определяться, остаются ли они в Православии или будут с новым «папой». Кроме того, разделение может пролечь не только по границам Церквей, то есть между Помест-

ными Церквями, но и внутри самих Церквей. Внутри – то есть между подвижниками веры, ревнителями канонов Православия с одной стороны, и экуменистами, религиозными «либералами» и этнофилетистами с другой стороны. То есть некогда единый православный мир может вновь расколоться. Он как бы разойдётся к двум разным духовным полям, как в 1054-м году, разделившись теперь на Православие и Фанарославие. При этом, кстати, помимо чисто религиозного противостояния, в ряде случаев начнётся борьба за здания храмов и монастырей между православными и «фанарославными» в некогда единых Церквях. Это может создать и гражданское напряжение в некоторых государствах. То, что Европа уже пережила сотни лет назад, может начаться вновь в православных странах в XXI веке.

Это пессимистический сценарий. И ко всей этой трагедии может привести безрассудная и гордая позиция всего одного человека – Константинопольского Патриарха, который посчитал себя вправе принимать решения за всю Церковь Христову, за всё Православие. И, ошибившись, не нашёл в себе сил признать и исправить свою ошибку. Если такое случится, то, без сомнения, потомки назовут его новым Геростратом. Думаю, что если всё это произойдёт, то с этого времени у сообществ, уходящих всё дальше от Истинной Церкви Христовой, хотя бы они и внешне сохраняли вид церковных структур, начнёт иссякать благодать в таинствах. Пока не оскудеет совсем. Там, где царствуют гордость и ересь, там нет благодати. Да не будет всего этого с нашими братьями.

– А оптимистический сценарий в этой ситуации, вы думаете, в принципе возможен?

– Конечно, возможен. Церковь Христова на земле как океан: она постоянно самоочищается. Сколько в океан ни выливай помоев, грязи, сколько кораблей в нём ни затони, сколько рыб, акул и китов в нём ни родись и умри целыми поколениями – океан всё равно чист. Он самоочищается. Так же и Церковь.

Ошибочные и вредные для Церкви реше-

ния Патриархов, Синодов, а иногда и целых «Соборов» не проходят церковной рецепции во времени, уходят в бесславное прошлое, перестают быть действенными для Церкви. Так было и с решениями Фанара по обновленцам, и с многими другими вредными решениями разных церковных иерархов. Со стороны может показаться, что если человек сложными взглядами взобрался на самую вершину и проводит там свою политику, то это непоправимо для Церкви и для истории. Ведь именно так бывает в земных сообществах. Но для Церкви Христовой это не так. Дух Святой, руководящий Церковью, известными Ему одному путями исправляет ситуацию позже, через других людей. И даже бурелом, навороченный таким персонажем, обращает к благим последствиям, а саму эту личность делает «тупиковой ветвью» церковной эволюции. Так часто действует премудрый и всемогущий Промысл Божий, когда это необходимо. Если бы это было не так, Церковь Христова давно бы уже потерялась и исчезла в перипетиях истории человечества. Вспомним, сколько всего глупого, странного и страшного было в церковной жизни на протяжении веков. А Церковь жива и свята! Церковь – это океан Духа Святого. Океан самоочищающийся.

Так что и для нынешней ситуации с Константинополем вполне возможным видится и оптимистический сценарий. Но для этого нам, верующим людям, нужно приложить усилия. И, прежде всего, усилия должны приложить верующие, духовенство и иерархи Греческого мира. Должны быть признаны и исправлены канонические ошибки Константинополя, должна быть предана осуждению ересь «папизма» в Православии. Это непросто, но это возможно.

– Что бы вы посоветовали верующим людям, священникам, епископам, от которых сегодня зависит судьба Церкви на Украине? Что нужно делать, чтобы не впасть в уныние, пережить то, что происходит? Где взять силы это перенести?

– Прежде всего надо твёрдо понимать, что судьба Православной Церкви находится в руках Её Создателя и Главы – Господа нашего Иисуса Христа. И только в Его руках, а не в руках политиков или сильных мира сего и не в наших с вами руках. Люди могут быть лишь орудиями, инструментом в осуществлении Богом Своего Промысла о Церкви. Что Он захочет – то будет. Чего Он не захочет – того не случится. И наша с вами задача, задача верующих людей, – стать послушными орудиями в руках Божиих. Надо искать Его волю и жить по ней. Даже если это кажется нам трудным или опасным. Надо помнить, что если мы служим Богу, то ни один волос с нашей головы не упадёт без Его воли и Его внимания к этому волосу.

Господь знает каждого из нас лично. Мысли и сердце каждого человека у Него на ладони. Поэтому если и предстоят кому-то из нас испытания в вере, то ровно в ту меру, в которую нам это пошлёт Господь: в меру сил и талантов каждого. Если у кого-то Господь увидит силу перенести тюрьму, может и это послать для великого венца в вечности. А если кому-то еле хватает сил, чтобы просто наблюдать за тем, что пытаются делать с Церковью, – ему и этого подвига скорби будет достаточно. И за него верующий примет в своё время венец верности и славы. Господь – Любовь и Премудрость. Если Он за нас, то кто против нас?

Беседовал Сергей Герук.

Владимир Илларионов

Оптина Пустынь в жизни Льва Толстого

О Толстом Л. Н. написаны сотни книг и тысячи статей. В дневниках гения мировой культуры, которые он вёл в течение многих десятилетий день за днём, содержатся размышления о прожитом, сомнения, дискуссии с самим собой и оппонентами. Поводом к написанию этих заметок явилось то, что в дни празднования 175-летия со дня рождения писателя в печати и по телевидению стали усиленно обсуждаться вопросы о якобы необоснованном отлучении его от Церкви. Так, директор Музея «Ясная Поляна» Владимир Толстой высказал мнение, что, если бы Святейший Синод отлучил писателя не публично, а в «личном» обращении, это было бы более приемлемо для Льва Николаевича. Прозвучали с экрана и более радикальные суждения о том,

что отлучение Л. Н. Толстого «позорит Церковь». На наш взгляд, подобного рода высказывания основаны либо на недостаточном знании фактических обстоятельств отлучения, либо на неверной их интерпретации.

Известно, что одним из проявлений критического отношения к Православной Церкви было негативное отношение писателя к старцам Оптиной пустыни. Возникла необходимость выяснить, чем вызвано это обстоятельство, рассмотреть его причины и следствия.

Хронология отношений Л. Н. Толстого с обителью начинается с осени 1841 г., когда он 14-летним подростком стоял у могилы за оградой кладбища Оптиной. Тогда у круглых сирот братьев Толстых и сестрёнки

Марии умерла их опекунша – тётя Александра Ильинична, по мужу Остен-Сакен. Позже племянники поставят ей памятник, на котором под православным крестом напишут трогательную эпитафию:

*Уснувшая для жизни земной,
Ты путь перешла неизвестный,
В обителях жизни небесной
Твой сладок, завиден покой.
В надежде сладкого свидания
И с верою за гробом жить,
Племянники сей знак воспоминанья
Воздвигнули, чтоб прах усопшей чтить.*

Утверждают, что это первые увидевшие свет поэтические строки великого писателя. Пройдёт 69 лет, 28 октября 1910 г. тяжело больной старик, переживающий драматический уход из семьи, за несколько дней до своей кончины напишет последние строки в «Дневнике для самого себя»: «...и вот я в Оптиной пустыни». Именно Оптина протянула руку духовной помощи и спасения умирающему Л. Н. Толстому. На станцию Астапово прибыл оптинский старец Варсонофий, но не был допущен окружением писателя к смертному одру. Мятущийся дух Льва Николаевича, мечтавшего достойно встретить свой последний час, «как русские мужики», не получил успокоения и отпущения грехов.

Таким образом, Оптина стала знаковым событием всей его многотрудной, полной грандиозных творческих свершений жизни. Судьба распорядилась так, что Оптина пустынь была «фамильным» духовным центром этой ветви графов Толстых. Здесь жила П. И. Юшкова – сестра отца Льва Николаевича – «последнее воспоминание о прошедшем поколении моего отца и матери». Монахом Оптиной был Б. В. Шидловский, двоюродный брат жены писателя С. А. Толстой. Монахиней соседнего с Оптиной пустыней женского монастыря в Шамордине была М. Н. Толстая, сестра писателя. Исследователи подсчитали, что Л. Н. Толстой был в Оптиной пять раз. О четырёх из них рассказала С. А. Толстая (в «Толстовском ежегоднике», 1913). Однако

не только числом посещений определяется связь писателя с обителью. Он постоянно интересовался делами монастыря, образом жизни и высказываниями старцев, черпал там сюжеты для своих произведений.

Между тем сам Лев Николаевич, как это ни тяжело сознавать, если судить по биографической литературе, дневникам, мемуарам, весьма настороженно, без особых симпатий, а порой и явно негативно относился к Оптиной и её старчеству. Сошлёмся на некоторые факты, возможно не бесспорные.

Известно, что в 1881 г., уже будучи писателем, которого знала вся Россия, он отправился вместе с учителем местной школы в Оптину пустынь, решив посетить её «инкогнито» в числе богомольцев из простонародья, наверное для того, чтобы «изнутри», из гостиницы для бедных людей, увидеть монастырскую жизнь. Наивная мистификация, конечно, не удалась. Паломников из Ясной Поляны ко всеобщему смущению вскоре узнали: одним из монахов был житель этого имения, а граф купил дорогое Евангелие нищей старушке. Можно судить по-разному, но Оптина в этом случае была достойна более уважительного отношения. У монахов пустыни и скита, естественно, встал вопрос: что хотел узнать, какую тайну «выведать» великий писатель. Они и без «инкогнито» предоставили бы ему возможность узнать всё, что он бы пожелал.

Прошло десять лет. Л. Н. Толстой вновь посетил Оптину пустынь уже не только как автор гениальных художественных произведений, но и как сочинитель резких антицерковных публикаций, претендующих на опровержение догматических основ Православия и утверждение новой веры в Иисуса Христа, «очищенной от искажений» церковными иерархами. Разумеется, в Оптиной читали эти публикации, начиная с «Критики догматического богословия» (1884). Нетрудно представить, как оценили их преподобные старцы, вся монашеская братия, посвятившие свою жизнь служению Церкви. В этой связи рассмотрим цитату из сочинения Л. Н. Толстого «В чём

моя вера», которая часто приводилась советскими исследователями жизни и творчества великого писателя.

«Все церкви – католическая, православная и протестантская – похожи на караульщиков, которые заботливо караулят пленника, тогда как пленник уже давно ушёл и ходит среди караульщиков и даже воюет с ними. Всё то, чем истинно живёт теперь мир: социализм, коммунизм, политико-экономические теории, утилитаризм, свобода и равенство людей, и сословий, и женщин, все нравственные понятия людей, святость труда, святость разума, науки, искусства, всё, что ворочает миром, представляется Церкви враждебным».

В XIX в. казалось, что идеи социализма и коммунизма и другие пути социального переустройства общества, предложенные левыми радикалами, есть единственный способ добиться справедливости на земле. Л. Н. Толстой, страдавший из-за несправедливого устройства жизни, конечно, сочувствовал этим учениям. По его мнению, Церковь не отвечала требованиям, выдвигаемым адептами социализма и коммунизма, выступала против «призрака, который бродит по Европе». Вместе с тем, видимо, есть причина, по которой он употреблял неуважительные метафорические сравнения Церкви с «караульщиками».

Часто бывает так, что люди пишут в своих сочинениях, рассчитанных на публику, одно, а думают совсем другое. Эту трагедию пережили многие писатели и поэты советской эпохи. Сейчас выясняется, что в своих дневниковых записях, в произведениях, которые клались ими «в стол», они высказывали мысли, противоположные тому, что говорили на их страницах. Достоинством человечества являются «Дневники» Л. Н. Толстого, которые он вёл всю жизнь и в которых с поразительной искренностью отразились его страдания, заблуждения – духовный мир этого гениального человека. В них учинял он «тяжбу с самим собой». Зададимся вопросом: не являются ли резкие выступления против Православной Церкви исключительно рассчитан-

ными на публичное восприятие, требующее определённого общественного резонанса? Ведь очевидно, что Л. Н. Толстой очень хотел стать мучеником, гонимым властями и Церковью. К. Н. Леонтьев вспоминает о разговоре с ним в Оптиной, во время которого тот с жаром воскликнул: «Голубчик, Константин Николаевич! Напишите, ради Бога, чтобы меня сослали. Это моя мечта. Я делаю всё возможное, чтобы компрометировать себя в глазах правительства, и всё сходит мне с рук. Прошу Вас, напишите».

Не исключено, что Л. Н. Толстой стремился быть не только государственным преступником, выступающим против правительства, но и «мучеником» Церкви. Читаем в его дневнике: «Три модные философии на моей памяти: Гегель, Дарвин и теперь Ницше. Первый оправдывал всё существующее; второй приравнивал человека к животному, оправдывал борьбу, то есть зло в людях; третий доказывает, что то, что противится в природе человека злу, есть ложное воспитание, ошибка. Не знаю, куда идти дальше. Говорят: вернитесь к Церкви. Но ведь в Церкви я увидел грубый, явный и вредный обман. «Продолжайте у нас покупать муку», – но ведь я знаю, что ваша мука – с извёсткой, вредна».

«Вредная мука с извёсткой» – так определил Л. Н. Толстой в разговоре с самим собой значение Православной Церкви. Можно констатировать, что его личная позиция в отношении к Церкви не расходилась с теми высказываниями, с которыми он выступал в своих статьях, памфлетах, обращениях к общественности.

Народная мудрость советует не ходить в монастырь со своим уставом. Необъяснимой выглядит поездка Л. Н. Толстого в скит Оптиной с «Евангелием от Толстого», в котором предпринята довольно странная попытка «объединить» канонические книги Нового Завета для создания «очищенного» учения Иисуса Христа от «церковных наслоений». Он писал: «Под учение Христа было подставлено чуждое ему учение Павла... Всё больше меня занимает мысль выделения христианства из церковного, главное, Павловского христи-

анства... Как хорошо было бы вырвать Евангелие из Ветхого Завета и Павла. Это было бы великое дело... извлечь мудрость Христа из обоготворения... Человечество не должно больше терпеть этого невыгодного положения Евангелия, и дело нашего века состоит в том, чтобы свести все эти писания на один общий уровень происхождения».

Видимо, Л. Н. Толстой нуждался в оценке своего сочинения оптинскими старцами, для которых каждое слово, каждая буква Святого Писания были величайшей драгоценностью, данной Богом человечеству. Мы не знаем, что сказал ему преподобный Амвросий, свято хранивший заветы отцов Церкви, о том, что «монахам вовсе не свойственно гневаться, равно как и прогневливать других» (Авва Дорофей). Но Толстой в дневнике так описал эту встречу с оптинским старцем 27 февраля 1900 г.: «Приехали рано. В Оптиной Машенька (М. Н. Толстая) только и говорила про Амвросия, и всё, что говорит, ужасно. Подтверждается то, что я видел в Киеве: молодые послушники – святые, с ними Бог, старцы не то, с ними дьявол. Вчера был у Амвросия, говорил о разных верах. Я говорю: где мы в Боге, то есть в истине, там все вместе, где в дьяволе, то есть лжи, так все врозь... Амвросий – жалок, жалок своими соблазнами до невозможности. По затылку бьёт, учит... монастырь духовное сибаритство».

Тяжело читать эти строки. О каком «дьяволе» можно говорить со святым человеком, отдавшим свою жизнь Богу и Православной Церкви? В чём состоит «сибаритство» оптинских старцев, ведущих аскетический образ жизни со скудной едой, ежедневным общением с сотнями богомольцев, много часовым молитвенным делом, постоянным чтением Святого Писания и святоотеческой литературы?

В наши дни преподобный Амвросий причислен к лику святых Православной Церкви. Сестра Льва Николаевича рассказывает о другой его встрече с оптинскими старцами: «Л. Н. Толстой виделся с отцом Иосифом лет двенадцать назад. Я устроила тогда это свидание. Они долго разговаривали, и отец Иосиф

сказал о нём, что у него слишком гордый ум и что пока он не перестанет доверяться своему уму, он не вернётся к Церкви».

Так и случилось. В устах оптинских старцев слово «гордыня» означало тягчайший грех человека перед Богом и людьми: «Всех наших поползновений причина и корень – гордость; отрасли её: превозношение, о себе мнение, зазрение людей, уничижение и осуждение их» (старец Макарий).

Из рода Толстых не только Лев Николаевич обращался к оптинским старцам за советом. Его дальний родственник – граф А. П. Толстой – обер-прокурор Святейшего Синода, дважды в 1866 и 1871 гг. писал к преподобному старцу Амвросию, нуждаясь в духовном толковании некоторых тревожных событий. В ответ старец предупреждал, что, если «начнётся ослабление правил и постановлений Православной Церкви, оскудеет благочестие, если её охватит мрак неверия и дерзко-хульное вольнодумство, – её ждут тяжёлые времена». Автором «дерзко-хульных» вольнодумных сочинений стал Л. Н. Толстой.

Антицерковные убеждения сложились у него в конце 70-х годов XIX в. Они были широко известны в России и пользовались поддержкой, как тогда говорили, «прогрессивных слоёв общества». Нельзя сказать, что Православная Церковь не принимала мер к увещанию великого писателя и возвращению его в лоно Церкви. Лишь через 20 лет Святейший Синод издал своё «Определение от 20-23 февраля 1901 г. № 557 с посланием верным чадам православной Греко-Российской Церкви о графе Льве Толстом», напечатанное в «Церковных ведомостях».

Из истории Церкви известно, что отлучение, анафема, бывает двух видов: смертельная и врачующая. Первая относится к грешникам, совершившим тягчайшие преступления перед Богом и людьми, которые не могут быть прощены Церковью. Вторая относится к верующим, которые могут вновь стать членами Церкви, если покаются в своих грехах. Святейший Синод избрал в отношении Л. Н. Толстого врачующее отлучение, не теряя надежды, что Лев Николаевич вер-

нётся в лоно Православия. Из текста «Определения...» видно, что редакторы особенно заботились о тактичности своих слов, обращённых к великому писателю:

«Бывшие же к его вразумлению попытки не увенчались успехом. Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею. Ныне о сём свидетельствуем пред всею Церковию к утверждению правосостоящих и вразумлению заблуждающихся, особливо же к новому вразумлению самого графа Толстого. Многие из близких его, хранящих веру, со скорбью помышляют о том, что он на конце дней своих остаётся без веры в Бога и Господа Спасителя нашего, отвергшись от благословений и молитв Церкви и от всякого общения с нею. Посему, свидетельствуя об отпадении его от Церкви, вместе и молимся, да подаст ему Господь покаяние к познанию истины (2 Тим. II, 25). Молимся, милосердый Господи, не хотяй смерти грешных, услыши и помилуй и обрати его ко святой Твоей Церкви. Аминь».

Ответ Л. Н. Толстого, последовавший 4 апреля 1901 г., был категоричен: «Учение Церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства... Я действительно отрёкся от Церкви, перестал исполнять её обряды и написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей и мёртвое моё тело убрали бы поскорей, без всяких над ним заклинаний и молитв...» (Миссионерское обозрение, 1901, № 6).

Можно лишь сожалеть, что такое обращение его к Святейшему Синоду не было направлено им в 1884 г. после опубликования сочинения «В чём моя вера». Тогда не было бы необходимости отлучать его от Православной Церкви, поскольку речь шла о человеке, который по своей воле, сознательно её покинул.

Мог ли Святейший Синод объявить об отлучении Л. Н. Толстого в «частном» порядке, направив ему письмо, не подлежащее широкой огласке, как полагает праправнук писателя Владимир Толстой? Как извест-

но, Лев Николаевич не делал тайны из своих антицерковных убеждений, опубликовав в течение 20 лет неприемлемые для Церкви, «дерзко-хулильные» по содержанию сочинения. В этих условиях для Святейшего Синода вряд ли была приемлема иная форма отлучения, тем более что она не предусмотрена правилами и постановлениями Церкви.

А какова более поздняя оценка его религиозно-философских сочинений? В. И. Ленин, суждения которого совсем недавно признавали верными «на все времена», восхищаясь художественным творчеством Л. Н. Толстого, сурово критиковал его идеологические концепции: «Толстой смешон как пророк, открывающий новые рецепты спасения человечества». Сегодня не воспринимаются всерьёз и рецепты самого В. И. Ленина о переустройстве общества.

Как видим, исторические судьбы всех социально-политических, экономических, философских учений одинаковы: они позабытыми уходят в прошлое. Л. Н. Толстой много сил и энергии отдал обоснованию учения о «непротивлении злу насилием», о возможности «выделения» христианства из рамок церковной догматики, считая, что она затрудняет восприятие Заветов Иисуса Христа.

В 1992 г. вышло в свет собрание избранных религиозно-философских произведений Л. Н. Толстого, предваряемое вступительной статьёй Б. Сушкова «Когда мы реабилитируем Льва Толстого?», в которой ставился вопрос: «Какие же это идеи Толстого нанесли вред русскому обществу? Уж не христианская ли его проповедь непротивления злу насилием?...»

Только после революции и захвата большевиками власти в России стали понимать, почему некоторые идеологические воззрения Л. Н. Толстого так нравились В. И. Ленину и его соратникам. Выдающийся русский философ, правовед и социолог И. А. Ильин задаётся вопросом: «Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, верующий в Бога, приемлющий Его мироздание и своё место в мире, не сопротивляться

злу мечом и силою?». И даёт ответ: «Физическое пресечение и принуждение могут быть прямою религиозной и патриотической обязанностью человека; и тогда он не вправе от них уклониться... Прав будет тот, кто вовремя ударит по руке революционера, прицеливающего из револьвера, кто в последнюю минуту сойдёт с ног поджигателя, кто выгонит из храма кошунствующийх бесстыдников» («О сопротивлении злу силою», 1925).

Слишком поздно российская интеллигенция поняла необходимость применения силы к революционерам, взявшимся за оружие. Результат известен: миллионы невинных людей были расстреляны, погибли в лагерях, колониях, ссылке. Непротивление злу насильем дорого обошлось России.

На вопрос о том, какой вред причинила России толстовская проповедь, ответили уже в 20-х годах прошлого столетия лучшие представители российского общества, изгнанные со своей родины после революции 1917 г. Читаем у И. А. Ильина: «И вот, в своеобразном сочетании безвольной сентиментальности, духовного нигилизма и морального педантизма возникло и окрепло зловерное учение графа Льва Толстого «о непротивлении злу насильем», которое более или менее успело отравить сердца нескольких поколений в России и, незаметно разлившись по душам, ослабило их в деле борьбы со злодеями.

Придавая себе соблазнительную видимость единственно верного истолкования Христова откровения, это учение долгое время внушало и незаметно внушило слишком многим, что любовь есть гуманная жалостливость; что любовь исключает меч; что всякое сопротивление злодею силою есть озлобленное и преступное насилье; что любит не тот, кто борется, а тот, кто бежит от борьбы; что жизненное и патриотическое дезертирство есть проявление святости».

В широкой дискуссии, которая возникла в русском зарубежье после публикации, утверждалась мысль о том, что своевременное и решительное противостояние большевистской пропаганде и насильственным дей-

ствиям могло предотвратить национальные бедствия советской эпохи.

В чём же причина, приведшая Л. Н. Толстого к разработке концепции непротивления, которую он считал выводом из христианского учения? В Новом Завете нет слов о непротивлении злу насильем. В Нагорной проповеди даётся мудрейший совет, как устыдить обидчика исходя из норм христианской нравственности; говорится: «Любите врагов ваших»; «кто ударит тебя в правую щёку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5,39-44).

Однако это не значит, что нельзя обороняться от действий, посягающих на жизнь и здоровье человека. Если тебя хотят ударить ножом в левую сторону груди, у тебя не всегда будет возможность подставить правую. На этом принципе основан один из древнейших институтов уголовного права – право самозащиты, которое принадлежит и отдельному человеку, и народам, подвергшимся вооружённому нападению врага. Так поступила Православная Церковь, призывая русский народ дать отпор французскому нашествию в 1812 г. и фашистским захватчикам в Великую Отечественную.

На долгую жизнь Л. Н. Толстого пришлось три войны, которые вела Россия. Крымская, в которой он участвовал, Русско-турецкая 80-х годов и Русско-японская 1904-1905 гг. Но это были локальные войны, проходившие на окраинах Российской Империи и мало затрагивавшие жизненные интересы её народа. А если бы толстовское учение непротивления злу насильем овладело, не дай Бог, массами ко времени, когда танки Гудериана подошли к Туле и Ясной Поляне, это стало бы величайшей катастрофой для России. Можно не сомневаться, что, будь Лев Николаевич жив, он бы взял винтовку, записался в тульское ополчение, стал в ряды защитников Родины.

История показала, что концепция непротивления злу насильем – опаснейшее заблуждение для всех людей доброй воли, для верующих и неверующих, представителей всех конфессий. В настоящее время, когда мир содрогается под ударами международного

терроризма, у человечества не может быть иного выхода, как противостоять этой беде всеми силами и средствами, включая и насилие в целях защиты жизни на земле.

В ходе изучения религиозно-философского наследия Л. Н. Толстого обращает на себя внимание тот факт, что при широком использовании трудов европейской и азиатской школ философии, работ античных авторов, китайских и индийских мудрецов, французских моралистов почти нет ссылок на святоотеческую литературу, обобщившую многовековой опыт изучения философских и нравственных проблем бытия.

Приведём в этой связи мнение писателя М. В. Лодыженского, встречавшегося со Львом Николаевичем: «...Толстой 30 лет трудился над созданием своего религиозного мирозерцания, изучал Конфуция, Сократа, Лао Цзы, Зороастра, Марка Аврелия и других, и вот оказалось при всём этом, что он до конца дней своих упорно игнорировал целый ряд великих религиозных мыслителей, учителей русского народа – того самого народа, перед силою духа которого он так преклонялся. Толстой не знал нашей святоотеческой литературы, не имел, напр., понятия, что была за книга «Добротолюбие», что за философы были св. Исаак Сириянин, св. Ефрем Сириянин, св. Авва Дорофей и другие, создавшие наших русских святых. Он до того не хотел знать всё это, что предвзято отворачивался без дальнейших разговоров от всякого, кто серьёзно интересовался православным подвижничеством».

Возможно, что мудрость святоотеческой литературы, которой так восхищались оптинские старцы, позволила бы Льву Николаевичу шире посмотреть на вопросы христианской веры; её философские и нравственные аспекты изложены с такой силой и полнотой, которые делают её нужной людям во все времена.

...Вот и наступил для Льва Николаевича час расставания с Оптиной пустыней. В последний приезд промозглым октябрьским вечером 1910 г. он, сбежавший из дому, стоял в ските перед ветхой дверью старческой кельи. Измученный семейными неуря-

дицами и склоками близких, заставлявших его прятать в голенище сапог личные дневники, подписывать в лесу тайные завещания, он решал главный вопрос – чем жить дальше. Войти для совета в тихую обитель старца или остаться при своём мнении, из гордости настоять на своём? Только перо самого Льва Николаевича в силах рассказать о тяжком бремени его душевных сомнений. Так и остаётся загадкой, почему Л. Н. Толстой не вошёл в келью старца, а, повернувшись, отправился в обратный путь. Как оказалось, к своей кончине на станции Астапово.

Доживи Л. Н. Толстой до Октябрьской революции, он увидел бы поругание ненавистной ему Церкви, стал бы свидетелем диких сцен крушения монастырей, храмов, расстрелов священнослужителей и монашествующей братии. Отечественная история показала, что система духовных ценностей народа – хрупкая сфера его общественного бытия. В «Дневниках» М. М. Пришвина читаем такую запись начала 20-х годов: «Очень древний священник с большой седой бородой, сгорбившись, шёл по улице (в Троице-Сергиевой Лавре). Вокруг него бесилась куча мальчишек, прыгали, бросали в старика грязью и кричали на него: «Поп, поп, поп!». Он шёл молча, сгорбившись и, только когда грязь попадала ему в лицо, крестился и повторял вовсе незлобливо: «Ах, деточки, деточки»».

Эта душераздирающая сцена, типичная для послереволюционных лет, показывает, насколько быстро «воинствующим безбожникам» удалось исказить духовное сознание народа, включая молодое поколение. Как это ни горько сознавать, но слова и действия Л. Н. Толстого против Православной Церкви не противились злу антирелигиозного насилия.

Но не нам судить Л. Н. Толстого. Память о нём, великом писателе Земли Русской, не нуждается ни в реабилитации, ни в осуждении.

Решение Синода по вопросу отлучения Л. Н. Толстого пока остаётся неизменным. Как заявил заместитель председателя отдела внешних церковных связей Московского

Патриархата: «Отход от Церкви был решением самого Толстого, и анафема была не проклятием, а лишь констатацией Церковью выхода самим писателем из лоно Православия. Всё говорит за то, что в последние дни Толстой стремился к покаянию. Недаром же направлением его последней поездки была Оптина пустынь, но по дороге он простудился и умер. Акт так и не был совершён. Потому и снять анафему невозможно».

Близится 100-летие со дня смерти гения русского народа. Можно не сомневаться, что вопрос об отлучении Л. Н. Толстого от Церкви вновь будет широко обсуждаться общественностью. Проведённое автором исследование показало, что у Синода были основания призвать его к возвращению в лоно Церкви. Но нельзя забывать, что со времён Петра I Император России был «конечным судьёю» Православной Церкви. Даже вопрос о канонизации святых решался Монархом по всеподданнейшему докладу Синода. В день смерти Л. Н. Толстого Николай II, ныне причислен-

ный к лику святых, на докладе собственноручно написал: «Душевно сожалею о кончине великого писателя, воплотившего, во времена рассвета своего дарования, в творениях своих родные образы одной из славнейших годин русской жизни. Господь Бог да будет ему Милостивым Судией». Тем самым «конечный судия» Церкви вручил в руки Спасителя посмертную судьбу Л. Н. Толстого.

Завершая разговор об Оптиной пустыни в жизни Л. Н. Толстого, невольно задумываешься над отношением людей к Церкви. Для верующих она – родной дом, а голоса преподобных оптинских старцев, их проникновенные слова и наставления по-прежнему идут к ним из далёкого исторического прошлого России, выстояв жестокие годы богоборчества и презрения к духовным ценностям Православия. Они, как доброе старое вино, вливаются в молодые мехи современности, не растеряв своей силы, мужества и надежды на лучшее будущее для русского народа, который они представляют пред Святым Престолом.

Сергей Комаров,

публицист, постоянный автор интернет-портала «Православная жизнь», ведущий радиопрограмм на радио «Радонеж»

Сладость и горечь слова Божьего

В Священном Писании дважды описывается довольно странная и таинственная картина: Господь вручает Своему проповеднику книжку и повелевает её съесть. В первый раз такой эпизод встречается в книге Иезекииля. Пророк видит перед собой книжный свиток, исписанный внутри и снаружи, и написано на нём: «плач, и стон, и горе» (Иез. 2, 10). Далее он слышит повеление: съешь этот свиток, и иди, говори дому Израилеву... напитай чрево твоё и наполни внутренность твою этим свитком, который Я даю тебе (Иез. 3, 1-3). А затем прибавляет: и я съел, и было в устах моих сладко, как мёд (Иез. 3, 3).

Второй раз мы встречаем подобный образ в Откровении Иоанна Богослова. Ангел подаёт тайнозрителю некую раскрытую книжку и говорит: возьми и съешь её; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мёд (Отк. 10, 9). Пророк съедает книжку и действительно чувствует сладость на устах, но горечь во чреве.

Что всё это означает? Конечно же, вкушение книжки в общем символизирует призвание к пророческому служению. Отныне пророк будет говорить не свои слова, но Божии. Причём для Иоанна с этого момента начинается новый этап служения. Раньше он только записывал видения (см. Отк. 1, 11), а теперь соединяется со словом Божиим всем своим существом. Толкователи дают и другое осмысление вкушения книги: принять разумение увиденного (свт. Андрей Кесарийский), запомнить то, что было показано (свщмч. Викторин Петавийский), переработать в себе содержание книжки и усвоить его (Толковая Библия Лопухина).

Но съедение книжного свитка – это не только определяющий момент в жизни указанных пророков. Данная картина свидетельствует нам о многих смыслах, связанных со взаимоотношениями верующего человека и слова Божьего. Случившееся с Иезекиилем и Иоанном показывает, как действует семя Божественного слова в нас, какие этапы проходит человек, регулярно изучающий

Писание, и что он ощущает, когда желает передать эти слова другим.

Прежде всего, мы видим в представленных отрывках олицетворение замечательной библейской идеи о слове Божиим как о духовной пище верующего человека. Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих (Мф. 4, 4). Есть пища для тела, есть пища для души. Так же, как тело ежедневно требует еды, так и душа постоянно нуждается в пище. Лишать душу слов Господних – значит морить её голодом.

Итак, слово Божие необходимо именно вкушать, глотая маленькими и большими кусками. Вначале пища слова Божьего сладка в устах. Как сладки гортани моей слова Твои! Лучше мёда устам моим (Пс.118, 103), – восклицал Давид. Когда мыслящий человек впервые соприкасается с библейским текстом, он не может не почувствовать некоторого наслаждения – хотя бы даже чисто эстетического или интеллектуального. Даже неверующий способен ощутить неповторимую красоту библейской речи – образной, яркой, симметричной, неисчерпаемо глубокой. При первом вкушении библейскую мудрость, как правило, трудно разжевать – но на вкус она обязательно будет сладка.

Сладкое в устах становится горьким, проликая во чрево. Именно так действует Священное Писание в нашей жизни. Сладко питаться от Духа Святого, действующего через библейские строки, но непросто потом жить с этим знанием, ибо оно требует коренного изменения человека и входит в противоречие с мирскими понятиями. Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь (Еккл. 1, 18) – изрёк об этом премудрый Соломон.

Например, ты прочитал о том, что бьющему тебя по одной щеке стоит подставить другую – и твоё сердце возрадовалось об истине. Но применить эту заповедь в жизни будет стоить немалых скорбей. Будет больно, страшно, стыдно. Да, придёт сладость исполнения заповеди, но обязательно вместе с горечью

несправедливой обиды и унижения. Или ты прочитал: любите врагов ваших (Мф. 5, 44). При первой же встрече с реальным врагом приходит понимание, насколько данная заповедь требует ломки самого себя, какой жестокой борьбой со своим ветхим человеком достигается исполнение слов Божиих. Принял сладость христианского откровения – узнай и тяжесть Креста Христова. Такова логика Священного Писания.

Для усердного читателя Библии горечь неминуема также потому, что Писание вкладывает в человека мучительное знание. Евангелие не только обличает самоубийственный путь безбожного человечества и свидетельствует о плачевной загробной участи богопротивников. Оно дарит христианину духовное видение мира, понимание внутреннего смысла истории, делает его немножко тайнозрителем. И чем больше человек понимает и видит, тем труднее ему жить.

Поэтому и Христос-Всеведец плакал об Иерусалиме – Он видел развалины великого города ещё задолго до разрушения его Титом Веспасианом. Так плачут обо всём мире и святые, которые видят далеко вперёд. Про одного старца рассказывали, что он всегда был в слезах и говорил только одну фразу: «Что будет, братья, что будет...». Дарит Бог подобную незавидную прозорливость многим гениям пера, и они также мучаются таким знанием. Можно попытаться представить, как тяжело было жить, например, Достоевскому, написавшему «Бесов» ещё за несколько десятилетий до революции. Он видел прекрасно, что ожидает Россию, и, хоть написал роман-предупреждение, понимал необратимость катастрофы. Жить, зная о грядущем разрушении того, что тебя окружает, – это ад. И в этот ад придётся заглянуть всякому, полюбившему Писание.

У блаженного Августина и свт. Цезария Арльского можно обнаружить ещё одно толкование. Есть уста Церкви и чрево её. Уста – это духовные люди, чрево – плотские. Поэтому и говорится, что Божьи заповеди для уст сладки, а для чрева горьки. Для кого-то повеления Божии тяжелы и неприятны, а кто-то не может

насытиться ими. Люди-уста чувствуют сладость слова Божьего, а люди-чрево тяготятся заповедями. Пока ещё все эти люди находятся в Церкви, но Господь знает Своих, и последующее разделение неминуемо.

Сладость и горечь Писания также хорошо известны любому проповеднику, который свидетельствует об истине, но встречает непонимание и противление. Сладко говорить о Христе, но горько видеть непринятие Христа, отречение от истины. Проповедь вообще горькая задача. Она похожа на то, как если бы мы начали будить в три часа ночи крепко спящего человека. Вполне вероятно встретить отторжение и даже агрессию. Проповедник и есть такой будильщик. Он всегда рискует быть обруганным и изгнанным, и на такую возможную «награду» за благовестие и указывают слова о горечи Писания.

Пророк Иезекииль жил в VI веке до Рождества Христова, тайнозритель Иоанн Бого-

слов – в I веке по Рождеству. С тех пор изменилось многое, но действие слова Божьего в человеке остаётся тем же. Всё так же людям необходима пища для души. Можно всю жизнь кормить душу каким-то суррогатом, каким-нибудь духовным ГМО – но без слышания слов Господних душа будет болеть и страдать. Всё так же божественные изречения кажутся сладкими на вкус, но сообщают горечь, если проникают в сердце и заквашивают всю жизнь. По-прежнему горька для людей правда Божия, и объявлять о ней есть тяжёлый подвиг. Неизменно существуют люди-чрево и люди-уста. Писание, вобрав в себя слова Христа, стало ещё слаще, а разрыв между Богом и миром, не принимающим Его, усугубляется всё больше и делает всё более горькой жизнь христианина в мире. Закончится все окончательным разделением, и об этом также свидетельствует слово Божие – но тогда уже горечь нашего поражения сменится на нескончаемую радость Христовой победы.

«Ты нас убил». Жертвы АТО

Женя – так звали нового пациента реабилитационного центра для наркоманов. Новичок был тихий, но нервный, и внутри какой-то поломанный. Он страдал от опиумной зависимости. Сперва на центре у нас, волонтеров-катехизаторов, были с ним проблемы – он несколько раз срывал библейские беседы, задавая резкие вопросы о Церкви и войне. Вопросы не предполагали ответа и быстро переходили в скандал, с криками и матом. Но потом он привык к нам, а мы научились понимать его, нашли к нему верный тон и постепенно разговорили. Картина открылась страшная.

В 2014 году Женя, как и многие другие, пошёл добровольцем в АТО. Был национальный подъём, романтика патриотизма, жела-

ние «защитить Украину от агрессора». Такое настроение держалось до первого убийства. Женя зарезал пленного – решил, что хлопотно с ним будет тащиться до базы. Подошёл сзади и перерезал ему горло. Пленный был приблизительно тех же лет, что и его убийца. Океан горячей человеческой крови хлынул на руки Жени, он стоял – и не знал, что теперь делать. Потом зачем-то бросил гранату в безжизненное тело и убежал. Затем были несколько мужчин в КамАЗе, который просто ехал по дороге. Не было никакой надобности их убивать. Но Женя расстрелял машину, убив всех. Затем были ещё жертвы, число дошло до одиннадцати. Половина из них были убиты без особой на то необходимости – они не представляли никакой

опасности. Он просто убил их. Кто были эти люди, Женя не узнал и не узнает никогда. Но увидеть их – увидел.

После одиннадцатой жертвы убитые стали приходить к нему. Во сне? В видении? Нет – наяву. Ночью его тронула чья-то рука. «Женя, ты спишь? Это я – ты меня убил». Цепenea от ужаса, Женя открыл глаза. Обычно после этого видение исчезает, не правда ли? Оказывается, не всегда. Открыв глаза, Женя увидел зарезанного мужчину (того, первого), сидящего на кровати и смотрящего на него. А потом пришли все остальные, всего одиннадцать человек. Ходили по комнате, разговаривали, садились на кровать, смотрели на Женю. Потом вновь исчезали и вновь приходили.

С этого дня Женя начал ежедневно напиваться на ночь. Сперва помогало, но вскоре через дым алкогольного похмелья он вновь начал различать ИХ. Они всё равно были здесь, в комнате. Смотрели на Женю и прикасались к нему. «Ты спишь, Женя? Это мы. Помнишь нас? Ты нас убил».

Дальше были разные наркотики, которых много в зоне АТО. По совету знающих людей Женя остановился на опиуме. Он немного приглушал ужас и страх и на время позволял забыться, не видя ИХ. Но ОНИ всё равно пришли. А потом было увеличение дозы, передозировка. Ещё позже было дезертирство домой, и реабилитационный центр.

Уезжая в ребцентр, Женя оставил квартиру с дырявым потолком. Неоднократно он пытался застрелиться. Ставил пистолет к подбородку, дулом вверх, стрелял – но в последний момент отклонял голову.

В ребцентре нам надо было как-то с ним работать. В начале было непонятно, как. Он вообще был агрессивно настроен против церковников Московского Патриархата. Потом он понял, что мы искренне хотим помочь, и открылся нам. Работа началась.

– Женя, скажи, ты ненавидишь тех, кого убивал?

– Да. Это сепары, которые во всём виноваты. Всё из-за них.

– Ладно. Скажи, а тебе жалко их малень-

ких детей, которые наверняка остались у кого-то? Их матерей, которые наверняка у многих живы?

Думает.

– Пожалуй, да. Они ни в чём не виноваты.

– Как ты думаешь, ты мог бы за них помолиться? За детей и матерей убитых тобою людей?

– А зачем это?

– Потом скажем. Так мог бы?

– Ну, я попробую.

И он начал молиться – за мам и детей своих жертв. Через две недели сказал, что эта молитва даёт ему какое-то умиротворение. И вот что важно – ОНИ перестали приходить.

– Теперь, Женя, тебе должно быть понятно, для чего эта молитва. Со временем ты должен начать молиться за тех, кого ты убил. Тебя ждёт покаяние – если хочешь вернуться к нормальной жизни.

– Я уже понял, чего вы хотите. Пока я от этого далеко. Но я чувствую, что в ваших словах есть какой-то смысл.

Смотрю на него, думаю. Многое непонятно. Почему ОНИ приходили к нему, к отработанному материалу, использованному и выброшенному? Наверное, есть надежда на его воскрешение... Почему не приходят к тем, кто всё это заварил, к подлинным виновникам этих бесчисленных убийств? Наверное, там уже нет надежды. Там окончательно сгнила совесть и одеревенело сердце. Или же они все – все, убитые на этой страшной войне, – явятся сразу вместе тем, кто их обманул, только уже в ином мире. И эта встреча для кого-то будет невыносимой.

Вспоминаются слова Блаженнейшего Онуфрия из какого-то интервью. Он рассказывал, что к нему на приём часто приходят матери убитых солдат. Им выплачивали компенсацию и сказали, что их дети умерли за Украину. Но мамы приходят к митрополиту и говорят: нам нужны наши дети, а не Украина. «Кто вернёт нам наших детей?» – спрашивают они через слёзы.

Никто, дорогие мамы. Ваши дети брошены в жертву новому кровавому богу под

названием «Украина». Они были обмануты, оболванены. Как и многие из вас. Но будет день, когда эта пелена спадёт, всё станет чисто, ясно. Вы встанете рядом со своими сыновьями и посмотрите в глаза тех, кто заклал их, как животных, на жовто-блакитном алтаре. И тогда начнётся суд.

Снова смотрю на Женю. Ему 25. Золотой возраст, в котором случаются самые радостные события жизни – любовь, брак, рождение первенца, рабочая карьера, путешествия, новые друзья, открытие большого и интересного мира вокруг. Часто именно в этом возрасте бывает обретение веры, осознанный приход в Церковь. Что из этого было у него? Ничего. Было одурманивание нацисткой

идеологией, затем жуть войны и первая жертва. Потом сумасшествие, наркотики, попытки суицида. Теперь передо мной разрушенное, искалеченное существо, у которого одиннадцать душ на совести. Если не будет страшного и глубокого покаяния – он не вернётся к нормальной жизни. До покаяния же пока очень далеко. А после ребцентра скорее всего его ждёт тюрьма. Он дезертир.

Едем назад из ребцентра. За окнами мелькают жовто-блакитные скамейки и мусорки, и огромные патриотические биллборды с приглашением добровольцев на войну... Украина идёт к своей гибели, хлюпая ногами по крови своих сынов. Дьявольское жертвоприношение всё еще продолжается.

Дмитрий Соколов,
публицист, краевед Крыма
и широко известный исследователь
«Крымской расстрельщины» 1920-х годов

К 100-летию исхода Русской армии из Крыма

Кровавый исход

РАСПРАВА С ОСТАТКАМИ АРМИИ ВРАНГЕЛЯ СТАЛА ОДНИМ ИЗ САМЫХ СТРАШНЫХ ЭПИЗОДОВ КРАСНОГО ТЕРРОРА

В этом году исполняется 100 лет с начала одной из самых драматических, но при этом по-прежнему малоизученной страницы истории Крыма – исхода Русской армии генерала П. Н. Врангеля. О невзгодах бежавших с полуострова белых солдат и офицеров

на чужбине рассказано немало, но, пожалуй, самая тяжелая участь постигла тех, кто решил остаться на родной земле. Обещания амнистии, данные накануне советским командованием, были забыты, и практически сразу в Крыму развернулся массовый красный террор. За время Гражданской войны насилие неоднократно захлёстывало крымскую землю. Но эта вакханалия расстрелов и казней приобрела поистине апокалиптические масштабы, оставив позади все прежние ужасы.

После Октябрьского переворота на полуострове сменилось несколько политических режимов, каждый из которых по-своему видел будущее региона и всей страны. Выстраивая отношения с населением, местные правительства периода Гражданской войны, так или иначе, претендовали на то, чтобы считаться единственно законной властью. В 1920 году Крым стал единственной территорией на юге России, которую продолжали удерживать сторонники «белой идеи».

Полуостров в тот период был не только последним форпостом, где развевалось национальное трёхцветное русское знамя. В Крыму сосредоточился весь цвет дореволюционного российского общества. Здесь были знаменитые литераторы, артисты, поэты, учёные, богословы, философы. Некоторые из них (писатель Иван Шмелёв, поэт Максимилиан Волошин) оказались на полуострове значительно раньше 1920 года, увидев и испытав на себе в полной мере все потрясения, которые обрушились на крымскую землю после крушения монархии в феврале-марте 1917 года. Несмотря на экономические, социальные и прочие трудности, фактически осадное положение, в Крыму 1920 года кипела общественная, литературная, театральная и духовная жизнь. Активно творил писатель-сатирик Аркадий Аверченко; снимал кинофильмы режиссер Александр Ханжонков; под руководством своего знаменитого ректора, профессора Владимира Вернадского, трудились учёные Таврического университета. В огромном количестве выходили газеты, журналы. Ставились спектакли.

Организовывались публичные лекции, диспуты. Очень насыщенными были церковные мероприятия. В белом Крыму находились высшие иерархи Русской православной церкви: митрополит Платон (Рождественский), архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе), епископ Севастопольский Вениамин (Федченков), епископ Мариупольский Андрей (Одинцов), епископ Царицынский Дамиан (Говоров) и многие другие.

Знаковым событием в церковной жизни Крыма стали проводившиеся осенью 1920 года «дни покаяния». В течение трёх дней – 12, 13 и 14 сентября 1920 года – в храмах и церквях Таврической епархии совершалось молитвенное поминовение «убиенных и в смуте погибших». Армию и народ призывали осознать свои грехи, пороки и заблуждения, встать на путь истинный. В эти дни запрещались всякие развлекательные и увеселительные мероприятия.

Последние месяцы белого Крыма неразрывно связаны с именем генерала барона Петра Николаевича Врангеля. Сменив своего предшественника, генерала Антона Деникина, на посту главнокомандующего весной 1920 года, Врангель проявил себя не только как опытный военачальник, но и как замечательный организатор, который сумел в условиях катастрофы фронта и тыла осуществить невозможное: получив в наследство от своего предшественника деморализованную и разбитую армию, в предельно короткие сроки восстановил её дисциплину и боеспособность.

Британский премьер Уинстон Черчилль высоко оценил профессиональные качества нового главнокомандующего Русской армией и правителя юга России, назвав генерала «фигурой исключительной энергии и качеств». Среди руководителей антибольшевистским сопротивлением Врангель был едва ли не единственным, кто наряду с военными задачами уделял повышенное внимание организации тыла, повышению качества жизни. Планировалось, что проводимые в Крыму экономические реформы заложили бы в перспективе основу для будущего благополучия. По замыслу барона, полуостров должен был превратиться в цветущий оазис, к которому потянутся все остальные губернии. К сожалению, этим надеждам не суждено было воплотиться в реальность.

Слишком уж неравными были силы: крохотный клочок суши, сохранявший преемственность с традициями национальной России – против охваченной революционным безумием всей остальной территории бывшей империи.

Положение стало особенно сложным осенью 1920 года. В течение сентября Русская армия Врангеля вела успешное наступление, в ходе которого 15 сентября был освобождён Мариуполь. Но в середине октября ситуация на фронте стала складываться явно не в пользу противников большевизма. Сосредоточенные против врангелевцев части красного Южного фронта имели многократное превосходство в живой силе, военном и техническом оснащении. В этих условиях белым пришлось спешно отступить в Крым. К началу ноября 1920 года все подступы к полуострову были блокированы. Близилось решающее сражение.

Осознавая бесперспективность сопротивления, намереваясь сберечь костяк своей армии, Врангель распорядился приступить к эвакуации. Отметим, что вопрос подготовки к возможному выводу войск являлся для главнокомандующего одним из наиболее важных. Генерал извлёк уроки из неудачного опыта новороссийской и одесской эвакуаций, которые проходили в феврале и марте 1920 года в чудовищном хаосе, в результате чего многие не сумели погрузиться на корабли. План отступления за море готовился Врангелем едва ли не с первых дней после вступления в командование армией.

Ремонтировались и приводились в надлежащее состояние все имеющиеся в наличии плавучие средства. Делалось всё, чтобы в критический момент в распоряжении армии и правительства было достаточное количество судов, способных принять на борт тысячи военных и беженцев.

Тем не менее в тылу обыватели и военнo-обязанные до последнего пребывали в уверенности, что эвакуация не то чтобы совсем невозможна, но всё-таки маловероятна. Казалось, что белые сумеют удержать Крым. Так было спокойнее. Поэтому, когда войска с боями оставили свои позиции под натиском неприятеля, начав отступление вглубь полуострова, и было объявлено о начале эвакуации, многие поначалу сочли это чьей-то чудовищной провокацией. Но вскоре неверующие избавились от этих иллюзий.

11 ноября 1920 года началась подготовка к погрузке на корабли. На основании данных, полученных от начальника Морского управления и командующего Черноморским флотом, вице-адмирала Михаила Кедрова, Врангель распределил тоннаж по портам. Для погрузки в Керчи отводилось 20 тыс. тонн, в Феодосии – 13 тыс., в Ялте – 10 тыс., в Севастополе – 20 тыс., в Евпатории – 4 тыс. Кроме того главнокомандующий дал указание разработать порядок погрузки тыловых и гражданских учреждений, больных, раненых, особо ценного имущества, запасов продовольствия и воды. Для эвакуации задействовались не только имеющиеся в наличии корабли, но и иностранные военные суда.

ВЕЛИКИЙ ИСХОД

О том, как проходила эвакуация, сохранилось много свидетельств. Следуя идеологическому заказу, пролетарское искусство (особенно кинематограф) изображало красочные картины панического бегства белогвардейцев из Крыма: драки за места на пароходах, отчаянье, слёзы, плач и люди, остервенело карабкающиеся на борт по корабельным канатам. Эти образы запечатлелись особенно ярко в известных художественных фильмах: «Служили два товарища», «Бег».

И всё же в реальности эвакуация происходила иначе. Так, в Севастополе улицы патрулировали чины комендатуры, казаки и юнкера. Случаи мародёрства немедленно пресекались. На улицах, примыкавших к порту, было поставлено оцепление, пройти через которое можно было, только имея при себе специальные пропуска.

К центру Севастополя нескончаемым потоком тянулись автомобили, телеги, повозки. Этот поток начинался где-то далеко за городом. Как вспоминал очевидец, «ехали в основном тыловики и беженцы, многие с семьями. <...> Иногда в потоке оказывалось несколько подвод, в которых вповалку на сене лежали военные, или проезжали несколько тачанок, запряжённых четвёркой замечательных лошадей, с пулемётами, укреплёнными на заднем

сидении; это были, по-видимому, остатки какой-нибудь разбитой или разбежавшейся военной части».

С утра следующего дня стали проходить на погрузку воинские части. Следовали они в образцовом порядке, не останавливаясь и не растягиваясь. Их встречали специально выделенные офицеры и провожали напрямиком к пристани.

К 14 часам 14 ноября 1920 года погрузка на корабли была завершена. Несколько часов ранее, в 10 утра, Врангель объехал на катере грузящиеся суда, затем вернулся на Графскую пристань, где в это время снимались последние заставы юнкеров. Главнокомандующий обратился к ним с речью: «Оставленная всем миром, обескровленная армия, боровшаяся не только за наше русское дело, но и за дело всего мира, оставляет родную землю. Мы идём на чужбину, идём не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании выполненного до конца долга. Мы вправе требовать помощи от тех, за общее дело которых мы принесли столько жертв, от тех, кто своей свободой и самой жизнью обязан этим жертвам...»

Днём Врангель с сопровождавшими его офицерами вновь погрузился на катер, который доставил барона на борт крейсера «Генерал Корнилов». Судно простояло на рейде до ночи и после того, как бухту покинули почти все корабли, снялось с якоря. Но взяло курс не к берегам Турции, а в Ялту и Феодосию. Врангель пожелал лично убедиться, что и здесь погрузка прошла успешно.

Надо сказать, что хотя эвакуация из Севастополя происходила организованно и спокойно (насколько это было возможно в той непростой обстановке), она не обошлась без трагических сцен. С болью и слезами расставались родные и близкие. Отплывая от родных берегов, военные и гражданские беженцы испытывали тяжёлые чувства. Сердце сжималось при виде пристаней и причалов, заполненных провожающими. Не все эти люди остались в Крыму по собственной воле.

Пароходы просто не могли вместить всех желающих. Нервозность людей ещё больше

усилил пожар, вспыхнувший к утру 14 ноября прямо в порту. Горели пакгаузы, между которыми лежали штабеля ящиков со снарядами. По счастью, взрывов удалось избежать – срочно выделенные команды казаков сбросили ящики в море. Но, отплывая от берега (перегруженные сверх всякой меры корабли двигались очень медленно), эвакуирующиеся на всю жизнь запомнили висящее над городом багровое зарево.

Сложно проходила эвакуация из Феодосии и Керчи. Здесь уже шли погромы, пытались распоряжаться вышедшие из подполья большевистские военно-революционные комитеты. Поэтому, чтобы обеспечить погрузку, врангелевцам пришлось восстанавливать элементарный порядок. Кроме того, эвакуацию осложняли скверные погодные условия. Из Азовского моря в Керченский залив течение нанесло большое количество льда, который заставлял суда дрейфовать. Некоторые из них вскоре сели на мель. Определённые трудности сопровождали погрузку на корабли в Ялте и Евпатории. Как и в соседних портах, здесь остро ощущалась нехватка судов, воды и угля. И всё же эвакуация из этих портов прошла относительно спокойно.

Последние корабли Русской эскадры отплыли от крымских берегов 17 ноября 1920 года. На 126 судах страну покинули 145 693 человека, не считая судовых команд. В том числе около 50 тыс. чинов армии, свыше 6 тыс. раненых, остальные – служащие различных учреждений и гражданские лица и среди них около 7 тыс. женщин и детей. Из флота юга России ушли все суда, которые смогли устоять на воде: 66 вымпелов (18 боевых судов, 26 транспортов и 22 мелких судна), 9 торгово-пассажирских пароходов, мелкие суда торгового флота и почти все частновладельческие.

НА ЧУЖИХ РЕЙДАХ

Путь на чужбину был трудным. Перегруженные людьми и ценным имуществом корабли добирались до берегов Турции в течение нескольких дней. Скученность, теснота, отсутствие бытовых удобств не были

единственными проблемами, которые военным и беженцам пришлось испытать на себе. Не хватало питьевой воды и провизии. В день на человека выдавалось по стакану жидкого супа и по нескольку галет. Через четыре дня такого питания те, кто не имел с собой никаких съестных припасов, уже не могли подняться, чтобы сделать глоток свежего воздуха. Сложнее всего приходилось тем судам, которые вышли из Керчи. Они попали в семибалльный шторм, в результате чего затонул эсминец «Живой», на борту которого находилось 260 человек.

Тяготы корабельного быта не шли ни в какое сравнение с тревожными мыслями, которые одолевали практически всех.

«Что нас ждёт впереди?» – этот вопрос задавал себе каждый, вне зависимости от звания, чина и принадлежности к какому бы то ни было классу.

Многие верили, что эвакуация – дело временное и вскоре они вернутся, чтобы продолжить борьбу. Лишь самые прозорливые понимали, что, вероятнее всего, покидают страну навсегда.

ПИР ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Горька была участь изгнанников. Но пережитое ими не шло ни в какое сравнение с тем, что выпало на долю оставшихся.

«Освобождение Крыма»; «последняя страница Гражданской войны»... Именно так до самого краха СССР именовала победу над Врангелем и взятие полуострова осенью 1920 года советская пропаганда. Пышно отмечались годовщины, писались книги, снимались фильмы, слагались песни, стихи. Устраивались многолюдные митинги, произносились цветистые речи. Еще в 1970-х годах памятные мероприятия не обходились без участия «ветеранов» – участников штурма «перекопских твердынь». Целые поколения воспитывались в убеждении, что только с приходом красных войск осенью 1920 года трудящиеся Крыма сбросили с себя «ярмо угнетения» и зажили человеческой жизнью.

Реальность свидетельствует об ином. Не освобождение и не долгожданный мир принесли жителям полуострова армии Южного фронта. Ликвидировав последний оплот организованного сопротивления большевизму на юге России, победители продолжили войну, теперь уже – с поверженным и безоружным врагом.

«Действовать со всей решительностью и беспощадностью», «вымести Крым «железной метлой» – такие настроения преобладали среди большевистских функционеров, чекистов и красноармейцев.

Обещания амнистии, данные накануне советским командованием, были забыты, и практически сразу в Крыму развернулся массовый красный террор. Надо сказать, что за время Гражданской войны насилие неоднократно захлёстывало крымскую землю. Но эта вакханалия расстрелов и казней приобрела поистине апокалиптические масштабы, оставив позади все прежние ужасы.

«В освобождённом Крыму ещё слишком осталось белогвардейщины, – писала 5 декабря 1920 года газета «Красный Крым». – <...> Мы отнимем у них возможность мешать строить нашу жизнь. Красный террор достигает цели, потому что действует против класса, обречённого самой судьбой на смерть, он ускоряет его погибель, он приближает час его смерти! Мы переходим в наступление!».

Массовые расстрелы происходили по всему полуострову, превращённому большевиками в громадный концлагерь. Уничтожались не только солдаты и офицеры армии Врангеля, но и гражданское население: дворяне, священники, врачи, медсёстры, учителя, инженеры, юристы, предприниматели, журналисты, студенты. Жертвами репрессий также стали рабочие. Те, во имя кого большевики и делали революцию. Денно и ночью чрезвычайные «тройки» особых отделов десятками и сотнями выносили смертные приговоры. Не было никакого следствия и суда. Единный росчерк пера на анкете, которую заполнял арестованный, – и участь несчастного была предрешена.

В Севастополе расстрелы происходили в районе Максимовой дачи (усадьбы севастопольского градоначальника Алексея Максимова), на территории современного Херсонесского заповедника, на городском, Английском и Французском кладбищах; в Феодосии – на мысе св. Ильи; в Судакe – на горе Алчак; в Симферополе – в усадьбе Крымтаева (ныне затоплена водами Симферопольского водохранилища), районе еврейского кладбища и за железнодорожным вокзалом; в Алушке – в районе т.н. убитого места – на опушке леса возле бассейна Шаан-Канского водопровода; в Ялте – в имении нотариуса Алексея Фролова-Багреева (расстрелянного здесь же вместе с супругой).

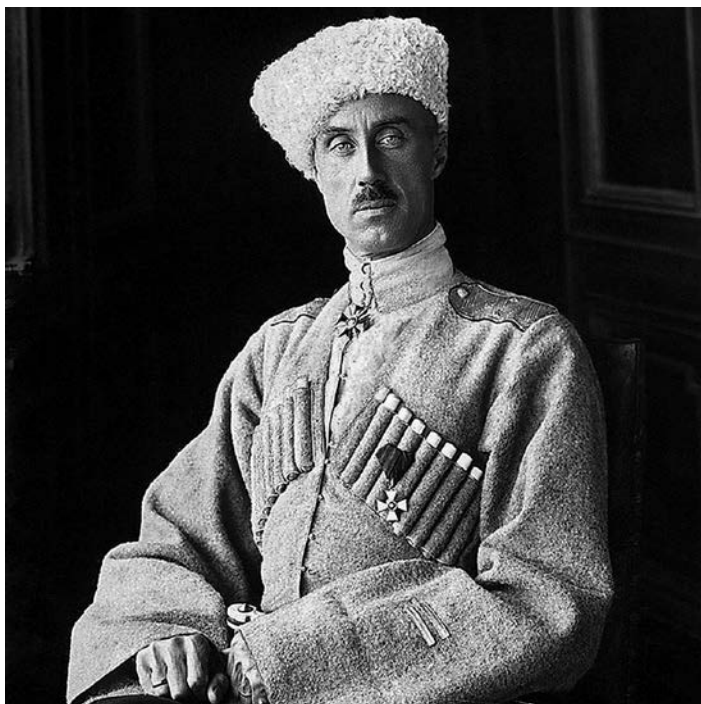
Террор в Крыму достиг своего апогея в период с конца ноября 1920 по март 1921 года, затем пошёл на спад. Точное количество жертв этой бойни едва ли когда-нибудь будет известно. Называются разные цифры: 12, 20, 50, 70, 80, 120, 150 тыс. человек. Неоспоримо одно: по числу убийств и по степени жестокости и организованно-

сти террор 1920-1921 годов был самым массовым и кровавым.

Даже карательные акции большевиков конца 1920-1930-х годов на крымской земле имели, вероятно, меньший размах. Для сравнения: по подсчётам, проведённым крымским историком Владимиром Брошеваном (к слову, совсем не симпатизирующим белым) на основании разрозненных и отрывочных архивных свидетельств, общее число жителей полуострова, репрессированных белогвардейцами и интервентами в 1918-1920 годах, составило 1428 человек, из них только 281 приговорили к смертной казни.

Понятно, что приведённые цифры в какой-то мере занижены (тот же В. Брошеван в поздних своих работах называет и более высокие цифры), однако они не идут ни в какое сравнение с количеством убитых большевиками в Крыму.

А впереди многострадальную землю Тавриды ждало новое страшное бедствие – голод 1921-1923 годов.

*Врангель
Пётр Николаевич*

Гражданская война в России: Оборона Крыма

Теснимые противником наши части продолжали отходить. К вечеру части конного и Донского корпусов с Дроздовской дивизией отошли в район Богемки. Прочие части 1-го армейского корпуса сосредоточились на ночлег в районе села Тукулчак.

Я отдал директиву: войскам приказывалось, оторвавшись от противника, идти к портам для погрузки. 1-му и 2-му армейским корпусам – на Евпаторию, Севастополь; конному корпусу генерала Барбовича – на Ялту; кубанцам генерала Фостикова – на Феодосию; донцам и Терско-Астраханской бригаде во главе с генералом Абрамовым – на Керчь. Тяжести оставить. Пехоту посадить на повозки, коннице прикрывать отход.

Вместе с тем мною был подписан приказ, предупреждающий население об оставлении нами родной земли.

«ПРИКАЗ ПРАВИТЕЛЯ ЮГА РОССИИ И ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ. СЕВАСТОПОЛЬ.

29 октября 1920 года.

Русские люди. Оставшаяся одна в борьбе с насильниками Русская армия ведёт неравный бой, защищая последний клочок русской земли, где существуют право и правда.

В сознании лежащей на мне ответственности я обязан заблаговременно предвидеть все случайности.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией её крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства, с их семьями, и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага.

Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые для её эвакуации суда также

стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед армией и населением сделано всё, что в пределах сил человеческих.

Дальнейшие наши пути полны неизвестности.

Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает.

Да ниспошлет Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетье.

Генерал Врангель».

Одновременно было выпущено сообщение правительства:

«Ввиду объявления эвакуации для желающих офицеров, других служащих и их семейств правительство Юга России считает своим долгом предупредить всех о тех тяжких испытаниях, какие ожидают приезжающих из пределов России. Недостаток топлива приведёт к большой скученности на пароходах, причём неизбежно длительное пребывание на рейде и в море. Кроме того, совершенно неизвестна даль-

нейшая судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не дала своего согласия на принятие эвакуированных. Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так и в дальнейшем. Всё заставляет правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственной опасности от насилия врага, – остаться в Крыму».

Приказ и сообщение разосланы были по телеграфу для широкого оповещения населения городов.

29-го поздно вечером состоялось под председательством А. В. Кривошеина последнее заседание правительства. С утра 30-го должна была начаться погрузка многочисленных отделов военного и гражданского управлений. Отдав последние распоряжения, А. В. Кривошеин выехал в Константинополь на отходящем английском крейсере «Centaur». Я просил его переговорить с французским верховным комиссаром в Константинополе г. де Франсом и заручиться содействием его на случай прибытия нашего

в Босфор. Вместе с тем я поручил Александру Васильевичу принять меры к организации помощи имеющим прибыть беженцам, привлекая к работе русские и, если представится возможность, иностранные общественные силы. Особенно надеялся я на помощь американского Красного Креста.

Поздно ночью, закончив работу, я лёг отдохнуть, однако вскоре был разбужен. От командующего флотом прибыл начальник его штаба капитан 1-го ранга Машуков. Наша радиостанция приняла советское радио. Красное командование предлагало мне сдачу, гарантируя жизнь и неприкосновенность всему высшему составу армии и всем положившим оружие. Я приказал закрыть все радиостанции за исключением одной, обслуживаемой офицерами.

Отпечатанный в течение ночи мой приказ и сообщение правительства утром 30-го были расклеены на улицах Севастополя.

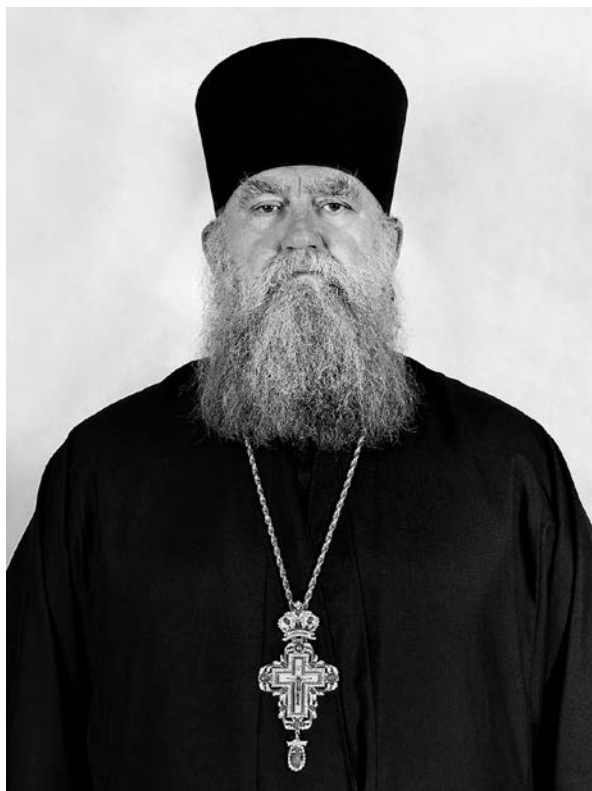
Охватившее население в первые часы волнение вскоре улеглось. Население почувствовало, что власть остаётся в твёрдых руках, что представители её не растерялись, что распоряжения их планомерны и сознательны, что каждый сможет рассчитывать на помощь, что всякий произвол будет в корне пресечён. Несколько лиц, пытавшихся самоуправными действиями внести беспорядок, были тут же схвачены, и один из них, солдат автомо-

бильной команды, по приговору военно-полевого суда, через два часа расстрелян.

Погрузка лазаретов и многочисленных управлений шла в полном порядке. По улицам тянулись длинные вереницы подвод, шли нагруженные скорбью обыватели. Чины комендатуры, в сопровождении патрулей юнкеров и моего конвоя, ходили по улицам, поддерживая порядок движения обозов и наблюдая за погрузкой. Желавшие выехать записывались в штабе генерала Скалона. Количество таковых оказалось необыкновенно велико. Становилось ясным, что расчёты наши будут значительно превзойдены и тоннажа может оказаться недостаточно.

Мороз стал спадать. На море был штиль, и адмирал Кедров решил использовать все суда и баржи, могущие держаться на воде, взяв их на буксиры. В эти тяжелые часы, среди лихорадочной, напряжённой работы, он проявил редкую распорядительность, не отдыхая ни днём ни ночью, поспевая всюду, требуя от подчинённых того же. Огромная работа выпала на долю и начальника штаба. Он также не знал ни минуты покоя. И адмирал Кедров, и генерал Шатилов, и генерал Скалон, и помощник его генерал Стогов – все оказались на высоте положения, с полным самообладанием, неослабевающим напряжением сил выполняющая своё дело.

Из книги «Воспоминания».

Протоиерей Павел Боянков,
клирик храма благоверного князя
Александра Невского в г. Минске

Генерал, равный Суворову

Прославленный русский генерал, замечательный полководец, всенародный любимец Михаил Дмитриевич Скобелев. При жизни о нём слагали легенды, а его солдаты с гордостью говорили о себе: «Мы – скобелевские». Теперь, по прошествии долгих лет, буквально на наших глазах, этот славный образ выходит из исторического забвения.

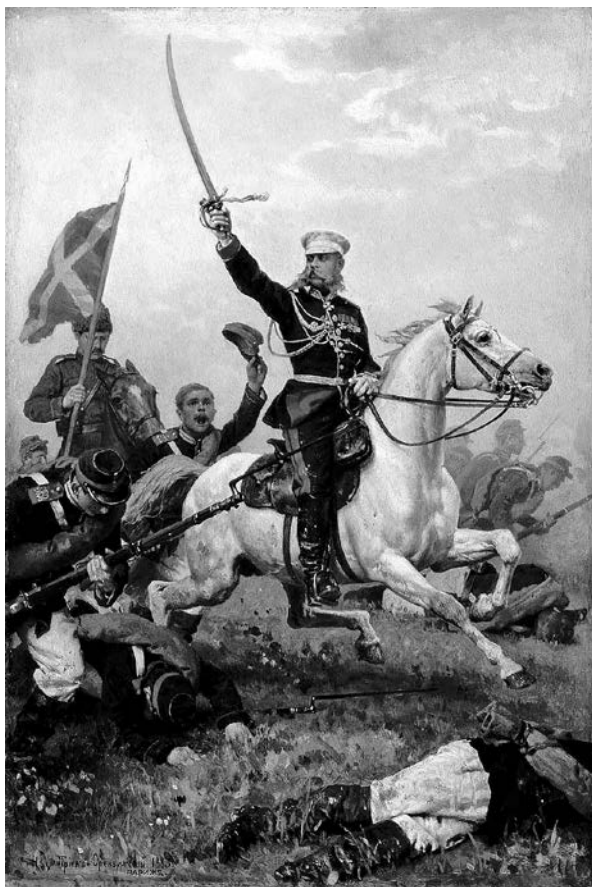
Родился герой 17(29) сентября 1843 года в Санкт-Петербурге. Скобелев был военным в четвёртом поколении. Его прадед, крестьянин Самарской губернии, дослужился до сержантского чина, что по тем временам давало право стать помещиком-одиндворцем, т.е. получить надел земли без крепостных крестьян. Его дед Иван Никитич, соратник Кутузова, прошёл путь от солдата до генерала и коменданта Санкт-Петербурга. Отец Дмитрий Иванович, кавалер двух Георгиев

(как и дед), воевал в Венгрии и на Кавказе, а затем в звании генерал-лейтенанта участвовал в русско-турецкой войне за освобождение Болгарии.

Продолжая семейную традицию, Михаил Скобелев поступил на военную службу в 18-летнем возрасте и своё боевое крещение принял во время польского восстания 1863-1864 гг. Тогда же он получил и свою первую награду – орден св. Анны IV степени с надписью «За храбрость».

Осенью 1866 года молодой офицер поступает в Николаевскую академию генерального штаба. По её окончании в 1868 году Скобелев получает назначение в Туркестанский военный округ. Своим товарищам он говорит: «Или меня убьют, или вернусь генералом».

В дальнейшем Скобелев признавал, что своими успехами всецело обязан туркестан-

ской школе, и называл себя туркестанским воспитанником. Необходимо отметить, что продвижение России в Среднюю Азию являлось в тот момент настоящей проблемой: требовалась надёжная защита пограничного населения от постоянных вторжений кочевников. С приходом русских существовавшее там рабство (невольничество) и торговля людьми были уничтожены, жестокие наказания (пытки, сажание на кол, отрубание носа и ушей) – отменены. Получили развитие местная промышленность и торговля. Об этом не следует забывать и ныне.

...Весной 1873 года Скобелев принимает участие в походе на Хивинское ханство. Вот как он сам рассказывал впоследствии об этом: «Подвигались вперёд мы медленно, испытывая страшные лишения: жара доходила до 45 градусов по Цельсию, духота и сухость воздуха были невыносимыми; кругом, куда ни бросить взор, безжизнен-

ная пустыня, бесконечные пески... Иногда воды не доставало не только для лошадей, верблюдов, овец, которые сопровождали отряд, но даже для людей... Вообще, весь этот поход – это непрерывная борьба с природой».

Несмотря на все трудности, Хива сдалась, ханство было покорено, и, таким образом, общая цель экспедиции была достигнута.

После присоединения Хивы наступил черёд и Кокандского ханства. В экспедиции 1875-1876 гг. Скобелев сумел проявить себя не только как талантливый кавалерийский начальник, но и как серьёзный и авторитетный администратор – сначала в роли управляющего Наманганским уездом, а затем – Ферганского военного губернатора.

Туркестанский период жизни (почти 8 лет) принёс Скобелеву широкую известность по всей Средней Азии, дал ему чин генерал-майора с зачислением в свиту Его Величества, золотую шпагу с бриллиантами и надписью «За храбрость», орден св. Владимира III степени с мечами и, главное, ордена св. Георгия IV и III степени.

Огромная популярность и уважение коренного населения (оценившего справедливость и понимание Скобелевым особенностей местной жизни) присвоили ему почётное прозвище Ак-паша – «Белый генерал». Русобородый молодец в белом кителе на белом коне – это он, Скобелев. Но помимо всех наград и славы в горах и пустынях Туркестана, он получил бесценный полководческий опыт, который был в полной мере востребован на русско-турецкой войне 1877-1878 гг. за освобождение Болгарии.

Скобелев прибыл в действующую на Балканах армию и первое время состоял при главной квартире, участвуя в мелких операциях на добровольных началах.

Вскоре он отличился при переправе отряда генерала Драгомирова через Дунай. Командуя четырьмя ротами 4 й стрелковой бригады, ударил туркам во фланг и принудил их к отступлению. За эту переправу Скобелев был награждён орденом св. Станислава I степени с мечами.

Затем он участвовал в целом ряде боёв, в том числе – занятии Шипкинского перевала.

После этого последовала пятимесячная осада Плевны. Армия Османа-паши стала испытывать недостаток в продовольствии и сделала попытку прорыва сквозь линию окружения. После упорных боёв все турецкие атаки были отражены, и в итоге они сложили оружие. В плен было взято свыше 40 тысяч турок во главе с раненым Османом-пашой.

После падения Плевны путь за Балканы был открыт, и русская армия перешла в решительное наступление.

Переход через Балканский хребт совершался в тяжелейших зимних условиях. Скобелев сумел продумать и организовать поход своего отряда так, что его солдаты понесли минимальные потери. Он позаботился и о тёплой одежде, и об усиленном питании, и о топливе для костров. Все трудности перехода через Балканы разделил вместе с войсками Скобелева и его близкий друг – известный русский художник В. В. Верещагин, на батальных полотнах которого мы можем видеть легендарного генерала.

27 и 28 декабря 1877 года в районе деревень Шипка и Шейново развернулось сражение русских войск с турецкой армией Вессель-паши. Атакованные с трёх сторон турки были принуждены к капитуляции (30 тысяч человек при 103 орудиях). Основную роль здесь сыграл Скобелев, он же лично принял и сдачу турецкого полководца Вессель-паши.

После перехода через Балканы Скобелева назначают начальником авангарда русских войск. Менее чем за двое суток он совершает стремительный бросок (почти 100 км), выходит к Тырнову, занимает Адрианополь и Сан-Стефано. Здесь, в непосредственной близости от Константинополя, 12 февраля 1878 года война заканчивается: турки запросят мира.

6 января 1878 года ему пожалована золотая шпага с бриллиантами и надписью «За переход через Балканы», а 30 августа Скобелев был назначен генерал-адъютантом к императору России. Вскоре он утвержда-

ется в должности командира 4-го корпуса, расквартированного на белорусской земле. Пребывая в Минске, генерал деятельно занимается подготовкой и обучением в суворовском духе вверенных ему войск, особое внимание уделяя умению солдат преодолевать водные преграды.

В январе 1880 года Скобелев возглавляет Ахалтекинскую военную экспедицию. Этот поход, проведённый после тщательной подготовки, на основе детального плана, привёл к быстрому падению обороны туркмен-текинцев.

12 января 1881 года крепость Геок-Тепе (Денгиль-Тепе) была взята. По мнению современников, вся операция представляла собой первоклассный образец военного искусства. За её проведение Скобелев был произведён в генералы от инфантерии и награждён орденом св. Георгия II степени.

...Смерть пришла к герою внезапно, в расцвете его сил. Произошло это 25 июня 1882 года в Москве при весьма таинственных обстоятельствах, породивших целый клубок слухов и легенд, не выясненных до сих пор.

«Обстоятельства его смерти таковы, что тут конца нет вопросительным знакам», – писал В. И. Немирович-Данченко. Он же высказал на этот счёт обоснованные предположения: «Нужно сказать правду – иностранцы ценили покойного гораздо лучше, чем мы, особенно немцы. Когда прошёл первый восторг, вызванный смертью Скобелева, они сейчас же отвели ему надлежащее место, причислив Михаила Дмитриевича к первым полководцам последнего времени. Военные журналы дали добросовестную оценку «врагу Германии», а один авторитет прусской военной науки прямо заявил, что смерть Скобелева равняется для немцев выигранной кампании».

Похороны генерала стали истинно народными. Их подробное описание В. И. Немировичем-Данченко и сегодня, спустя 130 лет, потрясает.

Среди многих торжественных слов в адрес покойного трогательно прозвучали и такие: «За любовь его к народу, за любовь

народа к нему, за наши слёзы, ради собственной Твоей бесконечной благодати прости ему, Господи!».

Проживание М. Д. Скобелева в Минске связано с некоторыми важными для истории нашего города фактами. Приведём две архивные справки.

1881 года января 20 дня

Минская Городская дума в составе 29 Гласных, обсуждая предложение Городского Головы об избрании Генерал-Адъютанта Михаила Дмитриевича Скобелева в Почётные граждане города Минска и имея в виду, что Генерал-Адъютант М. Д. Скобелев, командир 4-го корпуса, штаб коего расположен в Минске, посланный Высочайшею властью командовать Ахалтекинскою экспедицией, своею гениальною распоряжительностью и геройским мужеством оказал Отечеству неоценимые заслуги и по-прежнему поддержал славу русского имени и оружия, единогласно постановила: просить Генерал-Адъютанта М. Д. Скобелева оказать честь изъявлением согласия на принятие звания Почётного гражданина города Минска. (Национальный исторический архив Республики Беларусь, фонд 24, опись 1, ед. хр. 3584, л. 22).

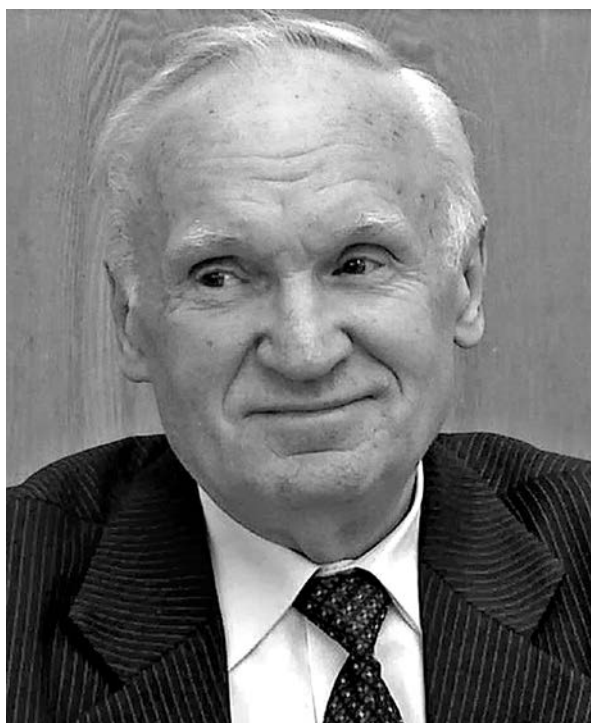
1882 года июля 15 дня

Минская Городская Дума в составе 24 Гласных, выслушав заявление Гласного Р. Шаскольского о наименовании Батальонной улицы в городе Минске – Скобелевскою в память покойного командующего 4-ым корпусом Генерал-Адъютанта генерала от инфантерии М. Д. Скобелева и принимая

во внимание, что М. Д. Скобелев в последнее время проживал в городе Минске и считался Почётным гражданином его, каковое звание ему предоставлено было по ходатайству Городской Думы с Высочайшего Его Императорского Величества соизволения, за доблестные его М. Д. Скобелева подвиги и геройское мужество при войне с Турцией и при Ахалтекинской экспедиции, чем оказаны Отечеству неоценимые заслуги, единогласно постановили: для сохранения вечной памяти о М. Д. Скобелеве наименовать Батальонную улицу, где была квартира покойного, – Скобелевскою. (Национальный исторический архив Республики Беларусь, фонд 24, опись 1, ед. хр. 3585, л. 55).

В это юбилейное для полководца время мы не призываем вернуть Красноармейской улице Минска её старое название, но для мемориальной доски, посвящённой М. Д. Скобелеву, место там найти и можно, и должно. Существует в белорусской столице и намоленный уголок, где прекрасно смотрелся бы памятник «Белому генералу» как Почётному гражданину нашего города. Это – братские могилы солдат, погибших под Плевной, расположенные за алтарной стеной Свято-Александро-Невского храма, что на военном кладбище. Каждый год 3 марта, в День независимости Болгарии, здесь неопустительно совершается заупокойное богослужение, за которым воины поминаются поимённо.

...Современники совершенно справедливо называли Скобелева равным Суворову. В этой оценке заключено всё – талант, храбрость, отвага, холодный расчёт, глубокие военные знания, любовь солдат. Отдадим же ему свой долг и мы.

Алексей Осипов,
православный богослов, заслуженный
профессор Московской духовной академии

Девять вопросов о смерти

Все мы обязательно умрём, раньше или позже. Это, пожалуй, единственное, что уравнивает абсолютно всех людей, живущих на Земле, независимо от их национальности, социального положения и материального достатка. Но что же происходит после смерти с душой человека? Рассказать о православном понимании этого непростого и важного вопроса мы попросили профессора Московской духовной академии А. И. Осипова.

1. ЧТО ТАКОЕ СМЕРТЬ?

О, если бы кто мог ответить на это! Помню ещё с детства, у нас дома над дверью в комнату висела картина «Сего никто не избежит», на которой была изображена она, костлявая с косой. Это было и интересно, и страшновато. Но уже тогда этот незамысловатый сюжет закладывал в подсознание ребёнка важнейшие для человека вопросы: что такое смерть, зачем я живу?

Как христианство отвечает на них? Оно говорит о двухсоставности человека. Важнейшей его частью, тонко материальной,

как об этом пишут наши святители Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник (признавший это в конце жизни), является душа, имеющая три уровня. Высший уровень, присущий только человеку – дух (или ум), носитель самосознания, личности. Он бессмертен. Другие два уровня – чувствующий и растительно-питающий – общие с животным и растительным миром и часто вместе с телом именуемые плотью, или душевным телом, как писал апостол Павел: Есть тело душевное, есть тело и духовное (1 Кор 15:42-44). Это душевное тело, или плоть, умирает и разлагается вместе

с телом биологическим. Смерть есть разрыв между духом и плотью, или проще – между душой и телом. И только вера в бессмертие даёт полноценный ответ на вопрос: зачем я живу? Достоевский особенно подчеркивал значение для человека веры в бессмертие: «Только с верой в своё бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле».

2. ЧТО ПРОИСХОДИТ С ДУШОЙ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРВЫЕ Сорок ДНЕЙ ПОСЛЕ СМЕРТИ?

По смерти плоти душа человека переходит в мир вечности. Но категория вечности неопределима в понятиях времени, она относится к тем простым вещам, о которых ещё древнегреческий философ Платон писал, что «простые вещи не поддаются определению». Поэтому на данный вопрос церковная традиция вынуждена отвечать на языке применительно к нашему сознанию, погружённому в поток времени. В церковном предании есть интересный ответ ангела прп. Макарию Александрийскому (IV в.) о происходящем с душой в эти дни: «... в продолжение двух дней позволяется душе, вместе с находящимися при ней ангелами, ходить по земле, где хочет... как птица, ища гнезда себе... В третий же день... вознестись всякой христианской душе на небеса для поклонения Богу всяческих.

После повелевается от Него показать душе... красоту рая. Всё это рассматривает душа шесть дней... По рассмотрении... она опять возносится ангелами на поклонение Богу.

После вторичного поклонения Владыка всех повелевает отвести душу в ад и показать ей находящиеся там места мучений... По этим различным местам мук душа носится тридцать дней... В сороковой день опять она возносится на поклонение Богу; и тогда уже Судия определяет приличное ей по её делам место».

В эти дни душа как бы сдаёт экзамены на добро и зло. И они, естественно, могут быть сданы различно.

3. МЫТАРСТВА – ЧТО ЭТО ТАКОЕ, И ПОЧЕМУ ОНИ ТАК НАЗЫВАЮТСЯ?

Слово «мытня» означает место, где взималась пошлина, брались налоги, штрафы. На церковном языке словом «мытарство» выражается производимое с девятого по сороковой день по кончине человека своего рода следствие по делу его земной жизни.

Мытарств обычно называют двадцать. Они распределяются по страстям, в каждую из которых входит много соответствующих грехов.

В житии, например, преподобного Василия Нового блаженная Феодора рассказывает о них в следующем порядке: 1) празднословие и сквернословие; 2) ложь; 3) осуждение и клевета; 4) объядение и пьянство; 5) леность; 6) воровство; 7) сребролюбие и скупость; 8) лихоимство (взяточничество, лесть); 9) неправда и тщеславие; 10) зависть; 11) гордость; 12) гнев; 13) злопамятство; 14) разбойничество (избиения, ударения, драки...); 15) колдовство (магия, оккультизм, спиритизм, гадания...); 16) блуд; 17) прелюбодеяние; 18) содомство; 19) идолослужение и ересь; 20) немилосердие, жестокосердие.

Все эти мытарства описываются в житии в ярких образах и выражениях, которые нередко принимаются за самую действительность, порождая искажённые представления не только о мытарствах, но и о рае и аде, о духовной жизни и спасении, о Самом Боге. Потому схиигумен Иоанн Валаамский писал: «Хоть и приняла Православная наша Церковь повествование о мытарствах Феодоры, но это видение частное человеческое, а не Святое Писание. Больше углубляйся в святое Евангелие и Апостольские послания». А иеромонах Серафим (Роуз) объясняет: «Всем, кроме детей, ясно, что понятие «мытарства» нельзя брать в буквальном смысле; это метафора, которую восточные Отцы сочли подходящей для описания реальности, с которой душа сталкивается после смерти... Но сами рассказы – это не «аллегии» и не «басни», а правдивые рассказы

о личном опыте, изложенные на наиболее удобном рассказчику языке... В православных рассказах о мытарствах нет ни язычества, ни оккультизма, ни «восточной астрологии», ни «чистилища».

О причине столь неадекватного описания того мира свт. Иоанн Златоуст замечает, что «говорится так для того, чтобы приблизить предмет к разумению людей более грубых».

В связи с этим митрополит Московский Макарий (XIX в.) предупреждает: «...надобно твёрдо помнить наставление, какое сделал ангел преподобному Макарию Александрийскому... о мытарствах: «земные вещи принимай здесь за самое слабое изображение небесных». Надобно представлять мытарства не в смысле грубом, чувственном, а сколько для нас возможно в смысле духовном, и не привязываться к частностям, которые у разных писателей и в разных сказаниях самой Церкви, при единстве основной мысли о мытарствах, представляются различными».

Интересное объяснение происходящего на мытарствах предлагает святитель Феофан (Говоров): «...мытарства представляются чем-то страшным; а ведь очень возможно, что бесы, вместо страшного, представляют нечто прелестное. Обольстительно-прелестное, по всем видам страстей, представляют они проходящей душе одно за другим. Когда из сердца, в продолжении земной жизни, изгнаны страсти и насаждены противоположные им добродетели, тогда что ни представляй прелестного, душа, не имеющая никакого сочувствия к тому, минует то, отвращаясь от того с омерзением. А когда сердце не очищено, тогда к какой страсти наиболее питает оно сочувствие, на то душа и бросается там. Бесы и берут её, будто друзья, а потом уж знают, куда её девать... душа сама бросается в ад».

Но мытарства не есть что-то неизбежное. Их миновал (по слову Христа: ныне же будешь со Мною в раю – Лк 23:43) Благоразумный разбойник, так же восходили на небо души святых. И любой христианин, живущий

по совести и искренне кающийся, освобождается благодаря Жертве Христовой от этого «экзамена». Ибо Сам Господь сказал: слушающий слово Моё и верующий в Пославшего Меня на суд не приходит (Ин 5:24).

4. ЗАЧЕМ НУЖНО МОЛИТЬСЯ ЗА УМЕРШИХ?

Апостол Павел написал удивительные слова: вы – тело Христово, а порознь – члены. Посему страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены (1 Кор 12:27, 26). Все верующие, оказывается, составляют один живой организм, а не мешок гороха, в котором горошины толкаются между собой, да ещё больно ударяют друг друга. Христиане – клетки (живые, полуживые, полумёртвые) в Телe Христовом. И всё человечество – одно тело. Но как на всём организме и на любой его клеточке отзывается каждое изменение состояния отдельного органа или клетки, так и в человеческом обществе. Это универсальный закон нашего бытия, который открывает завесу и над тайной молитв за умерших.

Молитва по своему действию есть дверь для вхождения в душу благодати Христовой. Поэтому молитва, совершаемая с вниманием и благоговением (а не бессмысленным её вычитыванием), очищая самого молящегося, оказывает исцеляющее действие и на усопшего. Но одна внешняя форма поминовения, даже богослужебная, без молитвы самого молящегося, без его жизни по заповедям, является не более, как самообманом и оставляет усопшего без помощи. Святитель Феофан откровенно писал об этом: «Если никто [из близких] не воздохнёт от души, то молебен протрещат, а молитвы о болящей не будет. То же и проскомидия, то же и обедня... Служащим молебен и на ум не приходит поболеть пред Господом душою о тех, коих поминают на молебне... Да и где им на всех наболеть?!».

Молитва особенно действенна, когда она сопрягается с подвигом. Господь ученикам,

не сумевшим изгнать беса, ответил: Сей же род изгоняется только молитвою и постом (Мф 17:21). Этим Он указал на духовный закон, по которому освобождение человека от рабства страстям и демонам требует не только молитвы, но и поста, то есть подвига и тела, и души. Святой Исаак Сирий писал об этом: «Всякая молитва, в которой не утруждалось тело и не скорбело сердце, вменяется за одно с недоношенным плодом чрева, потому что такая молитва не имеет в себе души». То есть действенность молитвы за усопшего прямо обусловлена степенью жертвенности и борьбы со своими грехами самого молящегося, степенью чистоты его клеточки. Такая молитва способна спасти любимого человека. Ради этого, чтобы изменить посмертное состояние человека, она и совершается Церковью с самого начала своего существования!

5. ЧТО ТАКОЕ – БОЖИЙ СУД, МОЖНО ЛИ НА НЁМ ОПРАВДАТЬСЯ?

Вы спрашиваете о Последнем суде, который часто называется Страшным?

Это последний акт в истории человечества, открывающий начало его вечной жизни. Он последует за всеобщим воскресением, в котором произойдёт восстановление всей духовно-телесной природы человека, в том числе и полноты воли, а следовательно, и возможности окончательного самоопределения человека – быть ему с Богом или навсегда уйти от Него. По этой причине Последний суд именуется Страшным.

Но Христос на этом суде не окажется греческой Фемидой – богиней правосудия с завязанными глазами. Напротив, перед каждым человеком во всей силе и очевидности откроется нравственное величие Его крестного подвига, Его неизменная любовь. Поэтому, имея печальный опыт земной жизни и её «счастья» без Бога, опыт «экзаменов» на мытарствах, трудно предположить, чтобы всё это не тронуло, точнее не потрясло сердца воскресших людей и не определило положительного выбора павшего чело-

вечества. В этом, по крайней мере, были убеждены многие Отцы Церкви: Афанасий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Иоанн Златоуст, Епифаний Кипрский, Амфилохий Иконийский, Ефрем Сирий, Исаак Сирий и другие. Они писали о том же, что слышим в Великую Субботу: «Царствует ад, но не вечнует над родом человеческим». Эта мысль повторяется во множестве богослужебных текстов Православной Церкви.

Но, возможно, найдутся и такие, ожесточение которых станет сущностью их духа, и тьма ада – атмосферой их жизни. Бог не нарушит и их свободы. Ибо ад, по мысли преподобного Макария Египетского, находится «в глубине сердца человеческого». Потому двери ада могут быть заперты только изнутри самими его обитателями, а не запечатаны архангелом Михаилом семью печатями, чтобы оттуда никто не смог выйти.

Об этом я достаточно подробно пишу в своей книге «Из времени в вечность: посмертная жизнь души».

6. ЧТО ТАКОЕ РАЙ, В КОТОРОМ БУДУТ СПАСШИЕСЯ?

А что ответили бы вы на вопрос: что такое семимерное пространство? Пикассо, например, попытался нарисовать скрипку в четырёхмерном пространстве, и получилась абракадабра. Так и все попытки изображения рая (и ада) всегда будут такой же скрипкой Пикассо. О рае лишь одно подлинно известно: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его (1 Кор 2:9). Но это самая общая характеристика рая в передаче нашего трёхмерного языка. А по существу все его описания являются лишь самыми слабыми изображениями вещей небесных.

Можно лишь добавить, что скучно там не будет. Как влюблённые могут бесконечно общаться друг с другом, так в неизмеримо большей степени спасённые в раю будут пребывать в вечной радости, наслаждении, счастье. Ибо Бог есть Любовь!

7. ЧТО ТАКОЕ АД, В КОТОРЫЙ ПОПАДАЮТ ПОГИБШИЕ?

Слава Богу, я его пока не знаю и знать не хочу, ибо на библейском языке знание означает единение с познаваемым. Но слышал, что в аду очень плохо и что он тоже находится «в глубине сердца человеческого», если в нём нет рая.

С адом связан серьёзный вопрос: конечны или бесконечны адские мучения? Сложность его заключается не только в том, что тот мир закрыт от нас непроницаемой завесой, но и в невозможности выразить нашим языком понятие вечности. Знаем, конечно, что вечность – это не бесконечная продолжительность времени. Но как это понять?

Проблема усложняется ещё тем, что Священное Писание, святые Отцы, литургические тексты говорят как о вечности, так и конечности мучений нераскаянных грешников. При этом Церковь на своих соборах никогда не осудила ни одного из Отцов ни той, ни другой точки зрения. Тем самым она оставила этот вопрос открытым, указав на его тайну.

Поэтому прав был Бердяев, когда сказал, что проблема ада «есть предельная тайна, не поддающаяся рационализации».

Конечно, трудно не обратить внимание на мысль святого Исаака Сирина: «Если человек говорит, что лишь для того, чтобы явлено было долготерпение Его, мирится Он с ними [грешниками] здесь, с тем, чтобы безжалостно мучить их там – такой человек думает невыразимо богохульно о Боге... Такой... клеветает на Него». Но он же и предупреждает: «Остережёмся в душах наших, возлюбленные, и поймём, что, хотя геенна и подлежит ограничению, весьма страшен вкус пребывания в ней, и за пределами нашего познания – степень страдания в ней».

Но одно бесспорно. Поскольку Бог есть любовь и премудрость, то очевидно, что для каждого человека вечность будет соответствовать его духовному состоянию, его свободному самоопределению, то есть будет для него наилучшей.

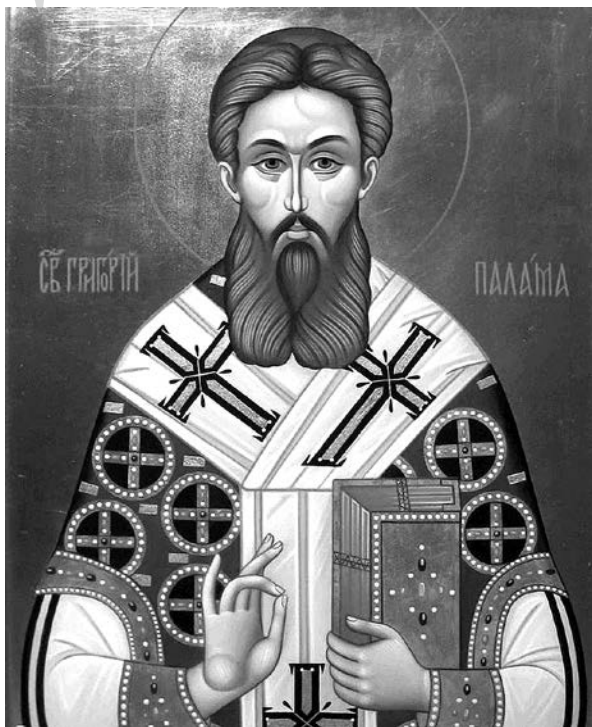
8. МОЖЕТ ЛИ ИЗМЕНИТЬСЯ ПОСМЕРТНАЯ УЧАСТЬ ЧЕЛОВЕКА?

Если бы там невозможно было изменение духовного состояния души, то Церковь не призывала бы с самого начала своего существования молиться за усопших.

9. ЧТО ТАКОЕ – ВСЕОБЩЕЕ ВОСКРЕСЕНИЕ?

Это воскресение всего человечества к вечной жизни. В последовании утрени Страстной Пятницы слышим: «избавль всех от уз смертных воскресением Твоим». Учение об этом является главнейшим в христианской религии, ибо только оно оправдывает смысл жизни человека и всей его деятельности. Апостол Павел даже так пишет: Если нет воскресения мёртвых, то и Христос не воскрес, а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков (1 Кор 15:13-14, 19). Он сообщает и о том, как оно произойдёт: вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мёртвые воскреснут нетленными, а мы изменимся (1 Кор 15:52).

А вот что пишет в своих знаменитых «Словах подвижнических» о силе воскресения святой Исаак Сирин: «Грешник не в состоянии и представить себе благодать воскресения своего. Где геенна, которая могла бы опечалить нас? Где мучение, многообразно нас устрашающее и побеждающее радость любви Его? И что такое геенна перед благодатью воскресения Его, когда восставит нас из ада, соделает, что тленное сие облечётся в нетление, и падшего во ад восставит в славе?.. Есть воздаяние грешникам, и вместо воздаяния праведного воздаёт Он им воскресением; и вместо тления тел, поправших закон Его, облакает их в совершенную славу нетления. Эта милость – воскресить нас после того, как мы согрешили, выше милости – привести нас в бытие, когда мы не существовали».

*Григорий Палама,
архиепископ Фессалоникийский,
византийский богослов,
отец и учитель Церкви*

Послание к своей Церкви

Велик Промысл Бога о нас, и велика Его мудрость. Высота и глубина этой мудрости непостижимы. Есть некоторые люди, которые, по причине слабости ума, возвращаются – словно у них кружится голова – в вещах мира сего и отвергают этот Промысл, с нечестием обвиняя и добродетель, и самую веру. Человек же здравомыслящий чем больше всматривается в бездну и в высоту любви Бога к нам и чем больше старается прикоснуться к этой любви в меру своих возможностей, тем больше он желает повествовать о видимом и о невидимом. По Промыслу и домостроительству Божию в людях становятся явными дела Господа нашего Иисуса Христа и Бога всех.

Я верю, что вы желаете слушать то, что я пишу вам, потому что дети хотят узнать новости от своего отца. Когда я был с вами, трудясь в слове как в беседах наедине, так и обращаясь ко всем публично, я учил вас

пути, который ведёт ко спасению. Я делал это без колебаний, не смущаясь тем, что моё учение может показаться кому-то тяжёлым. Так и сейчас, находясь вдали от вас и будучи обураваем искушениями, я пишу вам без колебаний и напоминаю вам о том, что у нас есть Христос – Бог Живой и Истинный. О Христе свидетельствует не только Бог Отец и пророки, но и сами Его дела. Итак, справедливо, что Он требует от нас, Его последователей, чтобы наша вера была живой и истинной. У нас получится это, если мы будем жить по евангельским заповедям. Так мы получим свидетельство о том, что мы подлинные дети Бога. А если мы Его дети, то и наследники Божии и сонаследники Христу (Рим. 8:17).

Это и есть наша живая вера, которую должны сопровождать наши дела. Тот, чья вера мертва (а мертва она, когда человек не творит благое), и сам мёртв, потому что Он не живёт в Боге и не пребывает в Нём –

Единственном Подателе истинной и нетленной жизни. Человек, принявший решение жить со Христом, подобно спасшемуся блудному сыну, понимает, что значит лишиться себя истинной жизни, удалившись от Отца. Возвращаясь к Богу делами покаяния, он слышит слова евангельского отца из притчи о блудном сыне, обращённые непосредственно к нему: «Это сын мой, который был мёртв и ожил, пропадал и нашёлся» (Лк. 15:24). Какая польза, если человек говорит о том, что у него есть вера, но его дела не согласны с ней? Разве сможет вера спасти такого человека? Конечно, нет. Ты веруешь, что Христос – Истинный Бог? Хорошо, что ты веруешь. Но и бесы тоже веруют и трепещут (Иак. 2:19). И при всей своей вере бесы совершенно враждебны Богу, потому что они противятся Ему своими делами.

Можешь ли ты объяснить мне, каким образом человек неверующий поверит, что ты действительно веруешь в Родившегося от Девы Марии Бога, когда сам ты не живёшь целомудренно? Как пьяница и раб невоздержного чрева может быть истинным чадом Того, Кто сорок дней постился

в пустыне и установил закон воздержания Своей жизнью? Как человек немилосердный к другим может быть подобен Тому, кто учит: «Будьте милосердны» (Лк. 6:36)? Возможно ли, чтобы человек, у которого отсутствуют сострадание, незлобие и смирение, следовал за Христом, Сказавшим: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдёте покой душам вашим» (Мф. 11:29)?

Кто-то из вас может возразить: «Но Христос ведь был Богом и потому был чужд всякого греха». Да, это так, только я прошу от тебя не Божественной, а всего лишь человеческой добродетели. Начни: покажи сперва сам своё доброе расположение, положи доброе начало, а Бог в Свою очередь подаст тебе завершение добродетели. Удалились от зла и переселись в страну добродетели. Прими решение осуществить дела покаяния, и чудодейственным образом ты приобретёшь божественные добродетели от Духа Святого. Таким-то вот образом и обожествляется человек. Тот, кто прилепляется к делам добродетели, становится един с Богом, благодатью Святого Духа, да пребудет она со всеми вами.

Проповедь о молитве и сердечной чистоте

Божественное пребывает превыше всего, что человек способен именовать и определять, над всем, о чём он способен мыслить. Однако посредством молитвы к Богу человек соединяется с божественным, общаясь с Богом посредством моления и славословия. Сила молитвы священнодействует и приводит устремление человека к Богу, соединяет с Ним. То есть молитва выступает здесь в качестве соединительного узла между разумными тварями и их Творцом. Безусловно, предпосылкой этой связи должно быть преодоление верующим своих страстей и помыслов, совершённое горячим умилением и напряжённой молитвой. Невозможно, чтобы страстный ум соединился с Богом. Пребывая прилепившимся ко страстям, ум

может молиться, но принять милость Божию у него не получится. Однако чем больше человек стремится избавиться от страстей, чем больше у него получается преодолевать свои помыслы, тем сильнее он просвещается и приобретает скорбь о грехе, этой скорбью полагая безопасное охранение той милости, которую он получил через призывание имени Божия. А когда душа смирением утвердится в этом занятии, внутреннее состояние верующего человека начинает становиться иным.

Совершая такое духовное делание, человек пребывает в себе самом и в Боге, он наслаждается бьющим изнутри источником духовного радования. Если человек продолжает это делание и, стараясь изо всех сил,

пытается раздавить страстные мысли, умозрительно приближается к Богу, то он достигает того, что невозможно описать словами, вкушает вечной жизни и приобретает духовное чувство. Тогда он переживает в себе благость Господню, как написано в псалме: «Вкусите и видите, яко благ Господь» (Пс. 33:9). Только вот оставаться в этом состоянии постоянно – очень и очень непросто. Труд по хранению любой добродетели мал по сравнению с трудом сохранения благодати. Потому-то многие и отчаиваются, видя, насколько тяжело приобретается та добродетель, которая приходит через молитву. Но те, кто терпит, принимают от Бога большие помощь и содействие, которые утверждают их и влекут их вперёд. А вкушаемое ими духовное наслаждение даёт им способность считать этот труд необыкновенно лёгким. Борьба за молитву возвращает в этих людях ангельские свойства, которые придают человеческому естеству сверхчеловеческие силы, так что человек становится способен к разговору с Тем, Кто пребывает превыше естества.

Людям, которые предают себя молитве, а тем более непрестанной однослож-

ной молитве «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», даруется глубочайший внутренний мир и очищение. Душа ведь обладает не одной, а многими силами. Если с ней случается какое-то падение, то она вся целиком становится грязной от зла. Однако, если постараться, душу можно очистить. Напряжённая молитва – вот что вновь просвещает человека и дарует ему свет ведения.

Необходимой предпосылкой для этого делания будет вот что: человек должен не на словах, а на деле считать себя грешным и нечистым. Если это условие не выполняется, то возделывающий молитву впадает в прелесть и, превозносясь, открывает дверь тому, кто всегда хочет нас прельстить. Если же верующий человек ведает свою сердечную нечистоту, то превозношение им никогда не возобладает. Произойдёт обратное: его нечистота поможет ему преуспеть в смирении, а ведь именно со смирения и начинается наше духовное исцеление.

Ведя такую борьбу, человек постепенно достигает непремяемой чистоты сердца и ума. Эта чистота так и оставалась бы недосыгаемой для человека, если бы не упорное упражнение в молитвенном делании.

Проповедь в Великую Субботу

Воскресение Господа есть обновление человеческой природы. Его Воскресение – новое оживотворение, новое созидание, наше возвращение к бессмертной жизни Адамовой. В своё время Адама поглотила смерть. Смерть вернула обратно Адама в землю, из которой он был создан. С тех пор Богу было больно о спасении человека. Слово Божие, Предвечный и Беспредельный, Вседержитель и Всесильный, Сын Божий мог бы спасти человека от смерти и рабства диаволу и без Своего вочеловечения. Однако наиболее пригодным по отношению к нашему естеству и немощи способом было наше спасение посредством вочеловечения Слова Божия. Этот способ наиболее справедлив:

Бог ничего не делает несправедливым образом. Человек был оставлен Богом потому, что сам прежде Его оставил. Так в мир вошла смерть. Мы по собственной воле отдали себя в рабство диаволу. Бог желал победить диавола справедливым образом (то есть став Человеком), чтобы затем, силою Своего Воскресения и будущего Суда сокрушить его окончательно. Кроме всего прочего, это и есть превосходный порядок – сначала идёт справедливость, а за ней следует сила. Это дело нашего спасения есть дело Божественного и благого промысла, а не тирании.

А человекоубийца диавол восстал против нас из-за зависти и ненависти. И теперь Начальник Жизни Христос был побуждаем

чрезвычайной любовью к людям. Творец возлюбил спасение сотворённого. Освободитель осуществил окончательную победу над злоначальным врагом и обновил Своё творение. Было необходимо, чтобы победитель-диавол был побеждён побеждённой им природой, и именно поэтому было необходимо родиться Новому, непричастному греху Человеку. И конечно, речь шла о невозможном. Священное Писание говорит, что «Никто не безгрешен, даже если он прожил на земле всего один день» (Ср. Иов 14:4-5). Таким образом Единый Безгрешный, Сын и Слово Бога, становится Сыном Человеческим. Он не просто взял человеческую природу, но нераздельно соединился с ней. Он родился одновременно Богом и Человеком. Если бы Он был таким же, как все мы, то не был бы ни новым Человеком, ни Начальником и Подателем новой жизни, и Ему было бы невозможно ни иметь в Себе полноту нетленного Божества, ни сделать Свою Плоть неисчерпаемым источником освящения.

Христос неизменно пребывает Богом, став по любви к людям совершенным Человеком. Поэтому в начале победивший человека диавол оказывается побеждён Человеком. Враг низринут с высоты своего возношения, а человек воссоздан после душевной и телесной смерти. Сатана по справедливости оставлен Богом, а мы освобождены от умерщвления. По своему смирению Он стал нашим Учителем и показывает нам путь, ведущий к жизни. По причине нашего греха и непослушания мы были чадами гнева. Сейчас, прилепившись ко Христу, мы стали чадами благоволения. Для нас открылось Небо. Дух Божий пребывает в нас, поскольку Тот, Кто воскресил Христа из мёртвых, оживотворил и наши смертные тела. Над воскресшим Христом уже нисколько не царствует смерть, а вместе с Ним осуществилось начало будущего воскресения всех нас. Теперь наша человеческая природа находится одесную величия Троичного Бога на Небесах, превыше всякого начала и власти.

Если бы, вочеловечившись, Христос не пострадал плотию и не перенёс смерть, если бы Он не воскрес и не вознёсся на Небо, то мы не познали бы и превосходство любви Бога к нам. А сейчас, живя в послушании и на собственном опыте переживая и осознавая таинство благодетельства Божия, мы становимся всё смиреннее и смиреннее. От нашего смирения зависит и наше спасение. Жертва Христа примирила нас с Богом Отцом и очистила нас. Освобождение Воскресением дано нам – всем тем, кто пришёл в эту жизнь, и всем тем, кто придёт в неё после нас. Умерев, Христос спустился в ад, где проповедал Евангелие всем жившим до Него, дабы и им дать возможность стать соучастниками Божественного домостроительства. Своею Кровию Безвинный и Безгрешный Бог освободил нас от вины, простив наши грехи.

Мы получили освобождение, поскольку был побеждён диавол, а на Кресте было разорвано рукописание наших грехов. Воскресение Его освободило нас от смерти. После всех этих священных событий каждый верующий человек должен радоваться с упованием. А кроме того, нам следует сознательно терпеть окаянство земной жизни. Нам должно с терпением противостоять греху, причём если это необходимо, то даже до крови. Ведь для человека нет большего зла, чем грех; грех страшнее самой смерти. Святые претерпевали всё, мученики отдавали свою жизнь ради того, чтобы не лишиться Христа. Христос воскрес из мёртвых, дабы мы тоже жили новой жизнью. Эта новая жизнь ныне видна как бы в мутном зеркале, а тогда мы увидим Бога лицом к Лицу. Да поможет Он нам Своею благодатью и человеколюбием сподобиться вкусить Божественного сияния и просвещения. По любви ко всем нам Он стал Человеком, претерпел страдания, был погребён и воскрес. В Своём Вознесении Он вознёс на Небеса нашу падшую природу, где она пребывает в общении с Его Безначальным Отцом и Всесвятым и Животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Проповедь о святых

Святые люди, борясь за очищение от страстей и самолюбия, достигают глубокого смирения и удостаиваются того, что изгоняют дух тьмы. По мере сил своих они сосредоточивают душевные силы и, трезвясь, хранят движения сердца. В борьбе своей они приобретают душевные очи и ум Христов. Тогда, став чистыми сердцем, благодатью совершающегося у них внутри Божественного явления, они познают, что Бог существует и что Он подобен Свету, или, лучше сказать, Он Сам Источник умного и неведимого Света. Тайнственным образом они видят то, что «око не видело», как проповедует об этом великий Павел (1 Кор. 2:9), который духом созерцал невидимый Свет. За это они благодарят не себя, а Того, Кто их просвещает. Все святые видят невидимое и понимают неуразумеваемое. Все они имеют единый образ мыслей, потому и мы должны бескомпромиссно следовать их стопам.

В своём преуспевании святые не останавливаются на достигнутом, но двигаются всё дальше и дальше, поскольку их огромное устремление к Богу не останавливается, а благодать укрепляет их для больших откровений. Иисус, отдающий каждому верующему Самого Себя, Безграничен. Он приносит Себя щедро и не скупясь, дабы сыны будущего века не останавливаясь двигались к богосозерцанию. Они воспринимают благодать к благодати и благоугодно восходят по неутомительному пути к Небу.

Господь приходит и поселяется в людях разнообразными способами, в соответствии

с достоинством и внутренним расположением тех, кто к Нему стремится. Одним способом Он приходит к человеку, упражняющемуся в деятельной добродетели, другим – к тому, кто ведёт трезвенную и созерцательную жизнь. И в состоянии божественного видения Господь приводил людей по-разному. Например, кому-то из пророков Бог являлся во сне (Числ. 12:6; 3Цар. 3:5), другому в видении (Дан. 8:2), а Моисею «лицом к лицу, а не посредством намёков» (См. Втор. 34:10). В нетленном же веке святые, созерцая Свет невидимой и превосходящей всякое определение славы, становятся преемниками блаженной чистоты вместе с небесными силами.

Святые превосходят пределы своего «я» и достигают непостижимой простоты, они неким простым и смиренным способом общаются с Богом. Те, кто достиг Бога и обожения, видят не так, как мы. Чудесным образом они видят духовным чувством то, что превосходит чувства, а посредством ума зрят то, что лежит за пределами ума. В человеческих способностях становится укоренённой сила Духа, посредством которой святые видят то, что выше их чувств и разума. В вечном Царстве Бога святые премирным соединением соединяются с Единым Святым Богом и Царём всех. Святые вознесли свой ум к божественным и бессмертным лучам Бога Отца. Они возродились по благодати и носят в себе полное уподобление Богу, Который их возродил. Так они приобрели божественные и блаженные свойства, которые преобразили их существование.

Письмо к монахине Ксении об опыте Божественного Света

Когда ум упражнением в добродетели научится отгонять от себя всякую скверную страсть, душа получает помощь и начинает принимать в себя все духовные силы. Тог-

да она украшается возделыванием добродетелей. С помощью Божией очищается внутренний человек, всё чуждое исчезает. Аскезой человек превосходит лукавые

смыслы и боголюбивым и любобожественным образом возлагает всё на Бога. Благодать Духа Святого приходит в его душу и содействует его внутреннего человека лучше, чем прежде. Когда появляется свет этой зари и в наших сердцах восходит солнце, внутри становится виден подлинный человек, занимающийся своим подлинным делом. Такому человеку светит Свет Божий, освещающий его путь. Такой человек взбирается на вершины вечных гор. О чудо! Освещаемый этим Светом человек становится тайновидцем превосходящих мир вещей, не разлучаясь при этом от своей материальной ипостаси. Он взлетает туда не на воображаемых крыльях интеллекта, но на самом деле летит посредством неизреченной духовной силы, получая духовную и неизреченную помощь. Он слышит неизреченные глаголы, он видит невидимое. Так человек всецело предаётся Богу и весь становится светом. Он соревнуется в гимнах с неустанными небесными певчими, он воистину становится ангелом на земле. Ему подчиняется вся тварь, поскольку он причастен Тому, Кто превыше всего.

Святой Нил говорит: «Состояние ума есть нематериальная высота, подобная Божественному и Небесному цвету. Во время молитвы ум причащается Свету Святой Троицы. Если человек хочет увидеть ум в таком состоянии, пусть он освободит его от всех помышлений... Тогда человек увидит, как в нём сияет Свет небесного цвета, подобного сапфиру».

Однако невозможно приступить к сему, не имея бесстрастия. Необходимо содействие помощи Божией, в человеке должно повеять Божественное дыхание. Святой Диадокх Фотикийский говорит: «Святая благодать подаёт человеку в Крещении две вещи: в воде она обновляет и просвещает то, что создано «по образу», очищая нас от каждого пятнышка нашего греха. А потом Она остаётся с нами, для того чтобы сделать совершенным то, что создано «по подобию»».

Итак, когда ум начинает вкушать благодать Всесвятого Духа, в человека входит любовь. Удостоившись небесного Света, он приемлет Божественную красоту. Тогда человек находится между Божественной благодатью и дебелистью тела. Тогда человек ощущает себя недвижимым или почти недвижимым ко злу, открывая в себе Небесные таинства. Именно отсюда во святых проявляются различные чудотворения и прозорливости. То есть человек видит то, что происходит далеко, так, словно это происходит перед его глазами, и предчувствует то, что произойдёт впоследствии. Благодать Духа Святого возвращает человека в древнюю и превосходную красоту. Вот на какую высоту возносят блаженная печаль и покаяние смиренных сердцем и нищих духом. Человеколюбивый Бог да поможет нам познать Утешителя. Да утешит Он нас, а мы воздадим Ему славу со Безначальным Отцом и Единородным Сыном.

Аминь.

Конец и Богу слава.

Татьяна Черникова,
доцент кафедры Всемирной
и отечественной истории МГИМО,
кандидат исторических наук

Кнуты и пряники «Домостроя»

Своеволия недопустимы, свобода личности – куда уж там...

Традиционные представления о Домострое у современного человека примерно таковы. Это исторический документ, закрепляющий женское бесправие и поощряющий телесные наказания. В Домострое прописан каждый шаг, который надлежит сделать в течение дня, своеволия недопустимы, свобода личности – куда уж там... Иными словами, Домострой – это плёточная азбука, выдуманная в средние века на пользу непонятно кому. Но известно, что крепких семей во времена Домостроя было гораздо больше, чем теперь. И родителей уважали сильнее, несмотря на плёточный «беспредел». Слаще были пряники в то время, или всё же кнут не так суров, как кажется на первый взгляд? На эти и другие вопросы отвечает в своей статье доцент кафедры Всемирной и отечествен-

ной истории МГИМО, кандидат исторических наук Татьяна Васильевна ЧЕРНИКОВА.

Сегодня Домострою часто ставят в вину чрезмерную консервативность. То же самое, кстати, было и в XIX веке. А началось это со спора славянофилов и западников – тогда про документ впервые после многих лет вспомнили и стали серьёзно изучать. По мнению западников, Домострой цементировал всеобщее рабство: и женщин, и детей, и самого главы семьи. Славянофилы считали, что на самом-то деле на Руси всё было гораздо мягче и красивее, чем описано в Домострое. Ошибка же в том, что этот документ нельзя воспринимать вне исторического контекста, ведь менталитет средневекового человека был совсем иным, чем в XIX веке, и тем более – чем сейчас. И надо разобраться, в чём виделись тогда содержание и смысл человеческой жизни.

ТОГДА – НЕ ТЕПЕРЬ...

Каковы же особенности мышления людей в России XVI века? Одна из них – косность, то есть постоянство во взглядах и вкусах, традиционность. Что, кстати, совсем не имело дурного смысла. Это для нового времени важны прогресс и всяческие перемены. (Вспомним пушкинское: «Им овладело беспокойство, охота к перемене мест».) Для людей XVI столетия каждый новый год похож на предыдущий. Ведь календарные дни завязаны на земледельческом цикле посева, выращивания, сбора урожая. Это важнейшая сторона жизни, которая определяет всё остальное: от урожая зависит, выживет ли семья. Поэтому, если сегодня хорошим показателем в развитии общества считается динамика, то в средние века консервативность оценивалась безусловно положительно.

Современный человек мыслит категориями относительными (например, сессия – прекрасная пора для преподавателей, но для студентов это «конец света», неизбежно наступающий два раза в год). Истин, абсолютных для всех, сегодня не так уж много – разве что таблица умножения. В средневековые, напротив, относительных истин практически нет, есть только аксиомы, которые нужно принимать без всяких доказательств: иерархия в обществе естественна, подчиняться тем, кто выше по сословию, необходимо, и т.д. Такое мышление иррационально, оно построено на вере, а в этом случае человеку не нужно доказательств. Всякая попытка потребовать их воспринимается почти как измена, как вероотступничество. (Это объясняет, например, почему пионеры на диспутах 20-х годов не могли ничего добиться от верующих в Бога бабушек: дети требовали доказательств бытия Божия, а бабушки просто не понимали, о чём идёт речь.)

Ещё надо понимать, что в то время восприятие отношений в государстве и в семье практически одинаково. В тексте Домостроя из-за этого даже возникает двусмыс-

лица: государём названы и царь-батюшка, и хозяин дома. Выходит, не случайно в лидере государства мы привыкли видеть отца-кормильца, защитника. А ведь это признак архаичности мышления: при родоплеменном укладе главой общины становился старейший и мудрейший родич. Этот первобытнообщинный признак не исчезает ни в средние века, ни в XIX веке, ни даже в конце XX.

Кстати, уже из сказанного выше можно сделать вывод, что Домострой не является произведением суровым – ведь семья не может строиться на палочных отношениях. И родители, как бы ни были строги, всё равно заботятся о детях и домочадцах, опекают их, желают им добра.

Отношение к собственной судьбе у наших предков тоже было иным – это ещё одна особенность. В современном мире чаще добивается успеха человек предприимчивый, инициативный, а не пассивный (эдакий Штольц или Остап Бендер). Средневековому же русскому «делателю» свойственно, скорее, плыть по течению, подчиняться существующему ходу вещей, чем выступать в роли творца своей судьбы. (Вспомним народных героев Емелю, Иванушку-Дурачка, которые, кстати, всегда добиваются успеха!) Не человек формирует мироустройство, но наоборот – мироустройство диктует человеку образ жизни. Кроме того, есть убеждение, что добросовестная служба всегда приводит к поощрению и повышению. Такое «покорное» отношение к судьбе меняется после петровских реформ, когда России насильственно прививают европейские ценности. Однако новшества приняла лишь элита российского общества. Средний класс и низы продолжают жить в прежней ценностной системе, по укладу Домостроя.

Попробуем, читая Домострой, учесть эти особенности. Тогда станет очевидно, что для своего времени этот сборник был очень гуманным произведением, очень толково написанным и – что важно – очень рациональным.

НАЧНЁМ С КОНЦА

Дошедшие до нас 40 списков Домостроя условно делятся на три редакции: краткую, сильвестровскую и смешанную. Первая, краткая, предположительно и есть тот новгородский прототип, с которым работал протопоп Сильвестр. Смешанная редакция – не что иное, как результат труда нерадивых переписчиков (и в то время такие работники были, даже среди монахов!), которые взяли половину текста первого варианта, половину из второго, и в результате получился довольно путанный текст с множеством повторов.

Самая распространённая – это сильвестровская редакция. Она обработана, и кроме того в ней есть 64-я глава, написанная самим Сильвестром в виде поучения его единственному сыну Анфиму. Эту главу ещё называют «малым Домостроем», потому что в ней изложено основное содержание предыдущих 63 глав, но только вкратце и без повторов. Написана она очень нежным, мягким языком, по-отцовски. Именно с неё лучше начать знакомство с Домостроем. Тогда рассеются все подозрения, что этот сборник – сама суровость. Такие ноты заботливости могут идти только от отца, желающего, чтобы сын рос достойным человеком.

Чего стоят одни обращения к Анфиму: «Милое мое чадо дорогое!», а мать, хозяйку дома, Сильвестр называет «матушка», «хозяйка». Воссоздаётся атмосфера хороших, добрых отношений.

КТО В ДОМЕ ХОЗЯИН

В современном обществе давно замечена одна тенденция: к женщине всё чаще применяют эпитет мужественная, и всё больше мужчин, про которых принято говорить «с мягким характером». А что сказано в Домострое по поводу взаимоотношений мужчины и женщины в семье?

Прежде всего Домострой говорит о долге: долге супругов друг перед другом, родителей перед детьми, детей перед родите-

лями, слуг перед господами, господ перед слугами... О долге каждого человека в семье и в государстве. Про «мужскую тиранию» и «женское бесправие» тоже сказано вполне конкретно. Домострой перечисляет обязанности мужчины и женщины в семье, причём сферы их влияния практически не пересекаются. Хозяин и хозяйка действуют автономно друг от друга, во многом они «равновелики». Хозяйка точно так же, как и глава семейства, – государыня над детьми и над слугами в доме. Она научает, распоряжается, поощряет их и – если надо – бранит. Но самое важное, что касается роли женщины в семье, выражено так: «Если подарит кому-то Бог жену хорошую – дороже это камня многоценного. Такой жены и при пущей выгоде грех лишиться: наладит мужу своему благополучную жизнь... Доброй женою блажен и муж, и число дней его жизни удвоится – добрая жена радует мужа своего и наполнит миром лета его; хорошая жена – награда тем, кто боится Бога, ибо жена делает мужа своего добродетельней: во-первых, исполнив Божию заповедь, благословлена Богом, а во-вторых, хвалят её и люди... Добрая жена и по смерти спасает мужа своего, как благочестивая царица Феодора»¹ (Домострой, глава 23).

БОЯТЬСЯ – ЗНАЧИТ УВАЖАТЬ

В Домострое встречаются режущие слух слова – бояться мужа, со страхом внимать. Однако сцены излияния несправедного мужского гнева здесь ни при чём – в древнерусском языке смысл этих слов был совсем другим. В то время бояться, то есть страх Божий иметь, значило и уважение, и признание, и понимание. Недаром и сегодня говорят, правда совсем с другим акцентом: «Бояться – значит уважать». Бояться мужа – это, прежде всего, быть вместе с ним и в горе,

¹ Царица Феодора – жена византийского императора Феофила (829-842) и мать Михаила IV (842-867). Была защитницей почитателей икон, благодаря ей в 813 г. было покончено с иконоборчеством в Византии. В угоду ей отцы Вселенского собора не проклинали её умершего мужа, гонителя икон.

и в радости, выполнять свой долг в отношении дома, воспитывать детей, быть супругу поддержкой и помощью. Конечно, сюда входит и признание старшинства мужа. Но ведь это не тот супруг, что перед телевизором или с газетой в руках забывает о земной суете, а при случае бьёт кулаком по столу! Его долг – быть главой семьи, опекать домочадцев, учить их правильной жизни, потому что он в ответе за это перед Богом и перед государством, и даже перед общественным мнением, «соседями». Старшинство мужа в доме – это не своеволие и не проявление мужской тираннии, это явление вполне естественное для того времени. Это один из принципов мироустройства, залог порядка.

ТЕРПИ, КАЗАК...

Каковы же полномочия хозяина? Прежде всего – опекать, учить членов семьи и домочадцев, заботиться об их благоденствии. Домочадцы – это и домашняя прислуга. О ней Домострой также неоднократно упоминает. Если слуги честно выполняют свои обязанности, следует сажать их за хозяйский стол, одаривать одеждой со своего плеча, всячески защищать. Хорошему слуге хозяин помогает устроиться в жизни: завести своё торговое дело, обустроить двор... Если же слуга нерадив, обкрадывает хозяев, сплетничает о них, уваливает от работы, необходимо его поучать, в том числе и самым популярным тогда средством – поркой. Но после этого обязательно нужно предоставить человеку новый шанс. И только если он снова и снова будет воровать, бездельничать, то следует накормить такого слугу и прогнать со двора.

В 64-й главе Сильвестр постоянно обращается к собственному опыту, призывает сына вспомнить, как было в их доме: сколько сирот брали они к себе в услужение, и всем им потом помогли устроиться. Одни стали купцами, у других теперь своё хозяйство, а скольких матушка удачно выдала замуж, и всем собрала приданое... Их слуги, послужив добросовестно на хозяйском дворе, вышли в люди.

СОВСЕМ НЕ ПО ДОКТОРУ СПОКУ

На тех же принципах любви и прощения строится и воспитание детей. Нужно «и учить их страху Божию, и вежливости, и всякому благочинию... И хранить их и блюсти чистоту телесную и от всякого греха, как зеницу ока и как свою душу». (Домострой, глава 19).

Хотя Домострой и составлен на основании многих сборников, в целом он построен в рамках православной системы воспитания, для которой во главе угла стоит положительный пример. Сначала даётся картинка идеального, а потом объясняется, что и ты, простой смертный, можешь этого достичь, живя по-христиански. У праведных родителей, «рассудительных и разумных», и дети «научены всякому знанию и порядку, и ремеслу, и рукоделию».

Конечно, строгость в воспитании детей важна. В некоторых случаях и порка неизбежна: Домострой советует «а не то, разобравшись, и поколотить». Однако при внимательном прочтении видно, что в тексте похвале уделяется гораздо больше внимания, чем брани. Кроме того, если сегодня мы воспринимаем телесные наказания как личностное оскорбление, то для средневекового человека это было самым распространённым средством вразумления. Пороли всех, в том числе и бояр, и душевной раны такая наука средневековому человеку не наносила. Домострой же вообще предлагает порку как самое последнее средство, если другие способы научить уже не помогают: «Если же этого не понимает, сурово её накажи, страхом спасая, но не сердитесь, ты – на жену, а жена – на тебя». При этом Домострой вполне учитывает психологические особенности человека. «Учить» жену и детей следует так, чтобы никто из посторонних этого не видел и чтобы человек не чувствовал себя униженным. Цель наказания – вразумить, но не плюнуть в душу. И если наказуемый уразумел, то сразу после порки нужно обязательно приласкать его и пожалеть: «Наедине поучай, а поучив – успокой, пожалей, приласкай».

её; также и детей, и домочадцев своих учи страху Божию и всяким добрым делам, ибо тебе ведь ответ за них дать в день Страшного суда». Получается, для своего времени Домострой предлагает очень осторожные, даже деликатные средства.

ВИРТУАЛЬНАЯ ИДИЛЛИЯ И ПРАКТИЧНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Насколько Домострой отражает реальность – это, пожалуй, самый сложный вопрос. Он рисует картину идеальных отношений с семьёй, с государством, в церкви, дома. По сути, это мечта, пример того, что могло бы быть. Домострой для своего времени – то же, что и советские фильмы о счастливой жизни в 30-е годы. В реальности всё было совершенно иначе, но такое кино смотрели с восторгом, потому что в нём рассказывали о том, что каждый хотел бы видеть и в своей жизни. Кино утешало и тешило надеждами. Домострой – такая же виртуальная идиллия, к которой нужно стремиться каждой семье. У кого-то получается лучше, ближе к идеалу, у кого-то хуже. Бесспорно одно – Домострой читали, к нему прислушивались, он был своего рода бытовой совестью.

Кроме того, не стоит забывать о практической стороне текста. Множество полезных советов по домохозяйству, необходимых в повседневной жизни, пользовались большим успехом у самой широкой аудитории. Вообще Домострой рассчитан на «средний класс». Это среднее и мелкое дворянство – в документе есть упоминание о людях, владеющих деревнями. Это купечество – когда речь идёт о собственном деле, о лавке. Это и состоятельные крестьяне, и городское сословие – когда упоминается о дворах, об уплате подворных податей. Каждому Домострой предлагает рациональный подход в нужной сфере.

Интересно, что ко всем – дворянину, купцу, горожанину, крестьянину – Домострой обращается на равных. Значит, в те времена не существовало сильной разницы между элитой общества и низами. Все говорили на одном и том же языке, имели одни и те же идеа-

лы, ходили в одежде одного покроя, сшитой по одной моде – может быть, у кого-то ткань побогаче, у кого-то попроще. Менталитет же был единым, и Домострой, конечно, влиял на умы.

Иными словами, этот сборник не просто собрание правил и условностей. Это вполне рациональная основа жизни, причём в обществе с иррациональной системой взглядов. В каком-то смысле Домострой даже опередил своё время. И, может быть, зря мы с колокольни своего XXI века так скептически смотрим на сей памятник «тёмного средневековья»?

О СИЛЬВЕСТРЕ

Сильвестр – протопоп Благовещенского московского собора, на протяжении нескольких лет он был одним из духовных наставников молодого царя Ивана IV (Грозного). Выходец из Новгорода, откуда, по-видимому, и пришла в столицу традиция таких сводов, как Домострой.

О семье самого Сильвестра известно немного, но и это очень важно. Атмосфера в доме была доброжелательная. Жену свою протопоп очень любил, называл «матушкой». Супруги глубоко уважали друг друга. Единственный сын Сильвестра Анфим воспитывался в любви и заботе, родителей своих глубоко чтил.

Верные слуги в доме были как члены семьи, получали от хозяев многие милости.

О ЖЕНЕ ПО-ДРЕВНЕРУССКИ

«Аще дарует Бог кому жену добру – дражайшии есть камени многоценнаго. Таковыя от добрыя користи не лишитца: делает мужу своему все благо житие... Жены ради добры блажен есть муж, и число дней его сугубо – жена добра веселит мужа своего, лета его исполнит миром; жена добра – часть блага, в части боящихся Господа да будет, жена бо мужа своего честнее творяще: первые, Божию заповедь сохранив, благословена будет, а, второе, от человека хвалима есть... О добре жене хвала мужу и честь».

Записала Алла Митрофанова.

17 добрых традиций из прошлого

Давно ли в последний раз вы всем домом лепили пельмени?

А когда собирались со всеми родственниками и шли... на кладбище навещать могилы ушедших близких? Можете вспомнить, когда в последний раз все члены семьи садились в одной комнате и по очереди читали вслух интересные книги?

О том, какие традиции мы напрасно забыли и какую пользу они могут нам принести в XXI веке, нам рассказали педагог-психолог высшей категории Татьяна Воробьева и иерей Стефан Домусчи, заведующий кафедрой православного вероучения Православного института св. Иоанна Богослова.

Традиция 1. СОВМЕСТНАЯ СЕМЕЙНАЯ ТРАПЕЗА

Знаете ли вы, что, согласно Домострою, младшему не полагалось начинать есть или пробовать то или иное кушанье за столом раньше, чем это сделает глава семьи (или самый знатный из гостей)? И что ждать друг друга для совместной трапезы, не набрасываться на еду прежде, чем придут все, и не есть лишнего, думая о том, что достанется другим, рекомендует первым христианам апостол Павел в своих посланиях?

Можно справедливо заметить: сейчас мы живём совершенно в другом ритме, чем люди времён Домостроя. Верно. Но списывать традицию общей трапезы за «неактуальностью» всё равно не стоит. Во время общего семейного застолья вырабатываются и закрепляются важнейшие механизмы взаимодействия между членами семьи. Какие?

Во-первых, умение подстроиться под всех близких. «Сидя за общим столом и разделяя еду со своими близкими, мы побеждаем в себе естественный для падшего человека эгоизм, учимся делиться самым важным: тем, что является основой нашей жизни», – говорит священник Стефан Домусчи.

Во-вторых, традиция вместе принимать пищу учит нас общаться, слушать и слышать друг друга не на лету, встречаясь в общем коридоре, а на протяжении минимум 20 минут. Мелочь, казалось бы, но дорогого стоит.

В-третьих, в совместной трапезе есть и воспитательный момент. Только, как говорит психолог Татьяна Воробьева, вопреки распространённой практике, он предполагает «не поучения строгого отца и беспрестанное битьё ребёнка ложкой по лбу, а то, что за столом ребёнок учится хорошему поведению, учится ухаживать за другими». Но современная жизнь вносит нюансы: мы приходим с работы в разное время, все – в разном состоянии: жена на диете, муж не в настроении. Как быть?

По мнению Татьяны Воробьевой, совместная семейная трапеза сегодня может выражаться и в других, не совсем привычных формах. «Есть так называемая «трапеза с каждым», – поясняет Татьяна Владимировна. – Речь скорее не о физическом присутствии за столом всех членов семьи, а о том, что и как мы приготовили». Нужно найти время, чтобы не просто накормить своих домашних, а сделать им приятное, вспомнить, что они любят, позаботиться даже о мелочах.

Традиция 2. СОВМЕСТНОЕ ПРИГОТОВЛЕНИЕ ПИЩИ, «СЕМЕЙНОЕ» БЛЮДО

Приготовление к трапезе поможет найти общий язык и улучшить отношения между членами семьи не менее эффективно, чем совместный обед или ужин. Многие помнят, что ещё 20 лет назад всеобщая лепка пельменей или выпекание торта воспринималась

лись как торжественный семейный ритуал, а не скучные домашние хлопоты.

По мнению священника Стефана Домусчи, полезно вместе готовить не только известные блюда, но и что-то новое: «Старый рецепт помогает ощутить связь поколений, живую память о тех, кто много лет назад так же готовил это блюдо. Новый – объединить всех в радостном ожидании: получится ли задуманное, будет ли вкусно?»

Главное, по мнению психолога Татьяны Воробьёвой, – командная работа, когда каждый вносит свою посильную лепту в общее дело. Важно, чтобы, например, хлопоты к приходу гостей не ложились только на маму и чтобы обязанности распределялись по силам. И для детей это шанс почувствовать себя значимыми, нужными.

Традиция 3. ДОМАШНИЕ ПРАЗДНИКИ

Домашние торжества существуют и сегодня. Так что же мы забыли в этой традиции? Очень важную деталь: в старину праздники не сводились к застолью, вплоть до середины XX века организовывались домашние спектакли, кукольный театр, игры как для детей, так и для взрослых (наподобие «живых картин», в которые играли даже члены императорской фамилии, или «литературного лото»), выпуск домашней газеты.

Что следует отмечать всей семьёй? Только Новый год, Рождество или день рождения?

Отмечать нужно даже самые небольшие даты или годовщины, значимые для каждого отдельного члена семьи, считает психолог Татьяна Воробьёва. В этот день дочь пошла в школу, в этот день сын поступил в институт, в этот – пришёл из армии, а в этот день мама и папа познакомились. Не обязательно отмечать застольем, главное – внимание. «Семья тем и отличается от друзей, знакомых, что родные помнят все самые маленькие, но важные вехи в жизни человека, – объясняет Татьяна Владимировна. – Он значим, вся его жизнь имеет ценность».

Любой праздник и его подготовка – это живое, не виртуальное и неспешное общение, которого (приходится повторяться) в наш век всё меньше. «Каждому праздник даёт возможность проверить, умеет ли он по-настоящему общаться, – рассказывает отец Стефан. – Часто случается, что муж и жена видятся всего лишь пару раз в день и обмениваются друг с другом только новостями, и поэтому, когда у них выдаётся свободный вечер, оказывается, что им не о чем поговорить по душам как близким людям. Кроме того, – напоминает священник, – православные праздники дают возможность верующим причаститься всей семьёй, почувствовать, что основа настоящего единства семьи – не только кровные узы, но само участие в Теле Христовом».

Традиция 4. ПОЕЗДКИ К ДАЛЬНИМ РОДСТВЕННИКАМ

Если требуется очернить человека, то уж, будьте уверены, никто не сделает этого лучше его родственников, – подметил Уильям Теккерей в романе «Ярмарка тщеславия». Но вместе с тем традиции частых визитов к родственникам – ближним и дальним, для укрепления семейных уз, – известна во многих культурах.

Зачастую тяжёлая и скучная «повинность» – есть ли смысл поддерживать такой обычай?

Необходимость подстраиваться под «дальних ближних» и терпеть связанные с этим неудобства может обратиться плюсом для христианина, считает священник Стефан Домусчи. «Современный человек чаще общается с друзьями, коллегами по работе, с теми, с кем общаться интересно, – говорит он. – А в большой семье – все разные, у всех свои интересы, своя жизнь. Таким образом, общение с дальними родственниками помогает преодолеть потребительское отношение к людям».

В любом случае, считает священник, по-настоящему добрым отношениям, настоящей дружбе надо учиться: учиться

ценить людей за то, что они есть, а не относиться к ним как к источнику услуг и возможностей.

Вопрос неоднозначный – считает Татьяна Воробьёва: действительно, испокон века ценностью был род, но сегодня таких близких связей уже нет – семью бы удержать от внутренних расколов! «Подчас в гостях у дальних родственников можно встретить и зависть, и неприязнь, и обсуждения. Потом этот шлейф ненужных разговоров и выяснений тянется за тобой, а это никому не полезно», – говорит психолог. «Помнить родство ещё никому не мешало, – уверена она, – однако прежде всего нужно налаживать и поддерживать отношения в собственной семье: «мой дом – моя крепость»».

Традиция 5. СОВМЕСТНЫЙ С ДЕТЬМИ ДОСУГ

Палатки, байдарки, большие корзины для грибов. Сегодня такие атрибуты активного семейного отдыха если и сохранились в домах, то зачастую просто пылятся годами на балконе. Между тем совместный досуг воспитывает в детях доверие и интерес к родителям. «Это, в конце концов, решает вопрос: комфортно детям с мамой и папой или нет», – говорит Татьяна Воробьёва.

Живые примеры, а не назидательные слова воспитывают ребёнка, а на отдыхе различные ситуации, приятные и затруднительные, разнообразнее, чем дома. «Тут всё видно, – говорит Татьяна Владимировна. – Справедливо или нет мы решаем те или иные вопросы, как распределяем обязанности, кто возьмёт на себя рюкзак потяжелее, кто ляжет спать последний, позаботятся о том, чтоб в доме было чисто и на завтра всё приготовлено. Поэтому проведённое вместе время – это важный урок, которым дети будут пользоваться в своих собственных семьях».

Ненавязчивые уроки поведения не за школьной партой, а в форме живого диалога отложатся в детской памяти и закрепятся гораздо надёжней!

«Совместный отдых способствует и тому, что ребёнок познаёт мир живой природы, учится относиться к нему бережно, – считает отец Стефан. – Кроме того, это возможность беседовать, рассуждать о важном наедине или всем вместе».

Сегодня довольно модно проводить отпуска отдельно, отправлять детей в лагерь. По мнению психолога, стремление отправить ребёнка на отдых в детский лагерь в ущерб семейному досугу может быть началом разобщения семьи: «Лучше чтобы времени, проведённого семьей вместе, было как можно больше. Но с оговоркой: насильно ничего делать не надо».

Традиция 6. ЧТЕНИЕ ВСЛУХ В КРУГУ СЕМЬИ

«По вечерам, особенно зимою, оставаясь одни, читали мы вместе: по большей части она, а я слушал. Здесь, кроме удовольствия, производимого самим чтением, оно доставлялось ещё и тем, что возбуждало мысль нашу и служило поводом иногда к самым интересным суждениям и разговорам между нами по случаю какой-нибудь мысли, какого-нибудь происшествия, встреченного в книге», – описывает чтение вслух со своей супругой поэт и литературный критик М. А. Дмитриев (1796-1866).

Читали вслух в кругу семьи, в дружественном кругу, родители читали детям, дети – родителям.

Сегодня, пожалуй, осталось только чтение вслух детям. Но и на этот обычай, утверждает Татьяна Воробьёва, современность накладывает свой отпечаток.

«Учитывая нашу занятость и интенсивность жизни, более реально – прочитать книгу и рассказать о ней ребёнку, порекомендовать её, пересказать её фабулу, заинтересовать. Причём рекомендовать книгу надо эмоционально значимо, то есть с неподдельным интересом».

Плюсы очевидны: формируется вкус к чтению и к хорошей литературе, в книгах поднимаются нравственные вопросы, кото-

рые можно обсудить. И кроме того, утверждает психолог, мы сами должны быть воспитанны и подкованны, чтобы идти на шаг впереди и рекомендовать то, что будет соответствовать кругозору ребёнка и его интересам.

Если речь идёт о двух взрослых людях – о супругах или о взрослых детях, – то имеет смысл читать вместе какую-то духовную литературу. При одном условии: читать надо тому, кто хочет услышать. «Здесь надо быть осторожным, – поясняет Татьяна Владимировна, – нельзя ничего навязывать».

Дети очень часто отторгают то, что мы считаем своим долгом им внушать. «Недавно, – вспоминает Татьяна Воробьёва, – у меня на консультации был мальчик, который кричал, что мама заставляет его верить в Бога. Заставлять нельзя. Предоставляйте ребёнку возможность самому заинтересоваться: допустим, оставьте детскую Библию у него перед глазами, положите закладочку, а потом спросите:

– А ты видел, я оставила тебе там страничку заложенной? Ты посмотрел?

– Посмотрел.

– А увидел?

– А что там надо было увидеть?

– А я там такое прочитала! Иди, найди, посмотри.

То есть можно осторожно подтолкнуть человека к заинтересованному чтению».

Традиция 7. СОСТАВЛЕНИЕ РОДОСЛОВНОЙ, ПАМЯТЬ О РОДЕ

Генеалогия как наука появилась только в XVII-XVIII веках, но знание своих корней всегда имело большое значение. Чтобы вступить в современный Мальтийский орден, до сих пор нужно предъявить добротную родословную. А если нам не нужно в Мальтийский орден?.. Зачем сегодня знать о своих предках дальше прадедушек и прабабушек?

«Человеку эгоистичному всегда кажется, что до него ничего не было и после него ничего не будет. А составление родового дерева –

это способ осознать преемственность поколений, понять своё место в мире, почувствовать ответственность перед прошлыми и будущими поколениями», – рассуждает отец Стефан.

С точки зрения психологии, память о своём роде, знание о своих предках помогают человеку формировать себя как личность, совершенствовать свои собственные черты характера.

«Дело в том, что из рода в род передаются немощи, недостатки, а неискоренённый недостаток никуда не денется, он будет нарастать из рода в род, – говорит Татьяна Воробьёва. – Поэтому, если мы знаем, что кто-то из нашей семьи был, скажем, горячий, вспыльчивый, мы должны понимать, что это может проявиться в наших детях. И нам необходимо поработать над собой, чтобы извести эту горячность и вспыльчивость». Это справедливо как для отрицательных, так и положительных черт – в человеке может быть скрыто то, о чём он не подозревает, и над этим тоже можно работать.

А для христианина память о роде, знание имён своих предков – это, кроме того, возможность молиться за них: реальное дело, которое мы можем сделать для тех, кому обязаны жизнью.

Традиция 8. ПОМИНОВАНИЕ УСОПШИХ, СОВМЕСТНЫЙ ПОХОД НА КЛАДБИЩЕ

Семь раз в году православные христиане специально находят время, чтобы побывать на богослужении, съездить на кладбище и помянуть своих умерших родных – это родительские субботы, дни, когда мы особо поминаем усопших. Традиция, вновь ожившая в Русской Церкви в 1990-е.

Как и зачем её реализовывать вместе с семьёй?

Безусловно, это повод собраться всем вместе на Литургию.

Что ещё? Понять, что члены одной семьи отвечают друг за друга, что человек и в жизни, и после смерти не одинок. «Воспоминания об ушедших побуждают внимательнее относиться к живым», – говорит отец Стефан.

«Смерть – трудный момент. И поэтому важно, что в этот момент семья вместе – мы объединяемся, не разъединяемся, – объясняет Татьяна Воробьева. – Однако здесь не должно быть никакого насилия, никакой «обязаловки» – это должно исходить из потребности каждого члена семьи и из возможностей каждого».

Традиция 9. СЕМЕЙНЫЕ РЕЛИКВИИ

«Выбросить, свезти на дачу, продать в антикварную лавку?» – вопрос по отношению к доставшимся нам от наших бабушек и дедушек вещам зачастую стоит именно так.

Однако любая подобная вещь в трудный день может послужить утешением для нас, считает психолог Татьяна Воробьева. Не говоря уже о фотографиях, мемуарах и дневниках – вещах уникальных, раскрывающих тонкие грани души человека, которые в повседневной жизни закрыты. «Когда вы читаете о своём близком человеке, узнаете его мысли, его страдания, скорби, его радости, переживания, он оживает и становится вам намного ближе и понятней! – объясняет Татьяна Владимировна. – И, повторюсь, это позволяет понять наши собственные черты характера, раскрывает причины многих событий в семье».

Часто бывает, что старинные открытки и письма проливают свет на такие подробности биографии наших прадедов, которые не могли быть – по личным или по политическим мотивам – раскрыты при жизни! Старинные вещи, письма – «документы» ушедшей эпохи, о которой мы, таким образом, можем рассказать детям намного увлекательней и живей, чем это сделает учебник истории.

И, наконец, старинные вещи, особенно подаренные, с гравировкой, посвящением – дверь к живой личности человека. «Держать в руках вещь, которая принадлежала твоему прапрадеду, перечитывать старинные письма, смотреть открытки, фотографии – всё

это даёт ощущение живой связи, поддерживает память о тех, кого давно нет, но благодаря кому ты есть», – говорит отец Стефан.

Традиция 10. РУКОПИСНЫЕ ПИСЬМА, ОТКРЫТКИ

Вы не замечали, как трудно сегодня найти открытку с пустым разворотом – чтобы можно было написать что-то от себя? В прошлом веке разворот всегда оставляли пустым, а сами открытки были произведением искусства. Первые появились в России в 1894 году – с изображением достопримечательности и надписями: «Привет из (такого-то города) » или «Поклон из (такого-то города)». Есть ли реальная польза – получить от близкого человека не mms из города N, а именно настоящее письмо или открытку?

Если вдуматься, любая написанная от руки открытка или письмо – это повод изложить свои мысли и чувства без привычных сокращений, красивым, правильным языком.

«Настоящие письма, без жаргонизмов и сокращений, без искажений языка, развивают навык вдумчивого, глубокого и искреннего общения», – подмечает отец Стефан. Причём, по мнению священника, такие письма совсем не обязательно должны быть написаны от руки, это могут быть и электронные письма – главное в том, что письмо побуждает отвлечься от спешки и располагает к совместным размышлениям.

Татьяна Воробьева считает, напротив, что письма имеет смысл писать именно от руки – тогда это живой голос другого человека, со всеми личностными нюансами.

Традиция 11. ВЕДЕНИЕ ЛИЧНОГО ДНЕВНИКА

«Несколько раз принимался я за ежедневные записки и всегда отступался из лени», – писал Александр Сергеевич Пушкин, и в чём в чём, а в такого рода лени многие из нас «солидарны» с великим поэтом!..

Личные дневники в России вели

с XVIII века: они могли иметь литературную форму, включая в себя переживания и размышления автора, а могли быть схематичны, как, скажем, дневник императора Николая II, содержащий короткие сообщения о ежедневных занятиях и даже пункты меню.

С точки зрения психологии ведение дневника – это своего рода катарсис, освобождение от того, что человек проживает. «У каждого есть сугубо личные мысли, которые он не может никому доверить, – говорит Татьяна Воробьева. – Человеку необходимо выразить то, что его чрезмерно напрягает, создаёт внутренний дискомфорт и, наоборот, доставляет огромное чувство радости, эмоциональный подъём, которым подчас он не может ни с кем поделиться, дабы не быть неправильно понятым».

Кроме того, запись произошедшего – способ взглянуть на свою жизнь со стороны, увидеть не обрывочную, а целостную картину. В наше время, когда дни насыщены и проносятся как секунды, это вдвойне важно!

«Вести дневник – это не просто записывать то, что произошло за день, это возможность задуматься над своей жизнью, – считает отец Стефан. – Кроме того, перечитывая дневник, можно проследить эволюцию своих мыслей и чувств».

Электронный дневник – вариант?

Да, если он не чрезмерно откровенный, считает священник. По его мнению, общедоступные личные записи в Интернете могут быть как приглашением к обсуждению своих мыслей, так и игрой на публику, идущей от тщеславия.

В обычном дневнике ты можешь выразиться неоднозначно, но ты знаешь, что имел в виду. В сети твой блог может прочитать почти любой, а это значит, что ты должен учиться чётко формулировать свои мысли, чтобы тебя правильно поняли. Люди, ведущие блоги, хорошо знают, в какие ожесточённые споры и даже ссоры могут выливаться обсуждения неправильно понятого.

Традиция 12. СТРАННОПРИИМСТВО

«Следует быть приветливыми и должную честь воздавать по чину и по достоинству каждого человека. С любовью и благодарностью, ласковым словом каждого из них почтить, со всяким поговорить и добрым словом приветить, да есть и пить или на стол выставить, или подать из рук своих с добрым приветом, а иным и послать чего-нибудь, но каждого чем-то выделить и всякого порадовать», – говорит о странноприимстве, то есть приглашении в дом и семью чужих людей, Домострой.

Сегодня по Домострою большинство из нас не живёт. Как быть с этой традицией?

Есть множество случаев, когда священник благословляет семью принять на постой человека, а потом этот человек, который зажился, засиделся, им становится ненавистен – и его терпят только из послушания. «Послушание с ненавистью, с раздражением никому не на пользу, – считает психолог Татьяна Воробьева. – Поэтому нужно исходить из своих реальных возможностей, из трезвого рассуждения. Сегодня странноприимничество – вещь неординарная, необычная и принимает другие формы. Не можете поселить у себя человека – помогите чем можете: куском хлеба, деньгами, молитвой. Главное – не оттолкните».

При этом, считает психолог, странноприимство может быть полезно только тогда, когда на это согласны все члены семьи. Если каждый согласится потерпеть какие-то неудобства – побыть в душе не 15 минут, а 2; помыть посуду за гостем; пораньше уйти на работу и т.д., – тогда это возможно. Иначе придёт момент, когда, допустим, сын скажет родителям: «Вы пустили этого человека, а меня это раздражает, угнетает». И начнутся метания, лицемерие – попытка угодить и сыну, и тому, кого приняли. А любое лицемерие – это ложь, что для семьи никак не полезно.

Отец Стефан убеждён, что странноприимство в духовном плане – это попытка

выйти за рамки семьи, за рамки корпоративных интересов и просто помочь человеку. Как её реализовать сегодня? Можно попытаться принять, не отказывая, пусть не странников, но хотя бы дальних родственников, знакомых, которые испытывают нужду и обращаются к вам с такой просьбой.

Традиция 13. ИГРЫ ВСЕМ ДВОРОМ

Сегодня многие тоскуют по той дружной жизни, которая раньше царила во дворах. «Хороший опыт дружбы в детстве поддерживает человека всю жизнь», – считает священник Стефан Домусчи. Ни родители, ни бабушки с дедушками никогда не смогут заменить ребёнку общения со сверстниками. Во дворе подросток может приобрести те жизненные навыки, которым он никогда не научится в тепличных домашних условиях.

На что обращать внимание, когда ребёнок выходит поиграть во двор?

«То, что вы заложили дома, обязательно проявится в социальном общении, – говорит Татьяна Владимировна. – Тут сразу видно: честно или нечестно играет ребёнок, скандално или нескандално, самолюбив он в этих играх или всё-таки может потерпеть, уступить? Что вы воспитали в нём, что заложили, с тем он и выйдет во двор: он сам себе генерал или он конформист и будет прогибаться под других? Все мальчишки закурят листья тополя, и он закурит? Или скажет: «Нет, я не буду курить»? На это нужно обращать внимание».

Традиция 14. ДОНАШИВАНИЕ ОДЕЖДЫ ДРУГ ЗА ДРУГОМ

Факт, который кажется невероятным: в семье последнего российского императора царские дочери в буквальном смысле донашивали одежду друг за другом. Исследователь Игорь Зимин в книге «Взрослый мир императорских резиденций» пишет:

«При заказе каждого нового платья Александра Фёдоровна действительно всегда интересовалась его ценой и сетовала на дороговизну. Это не было крохоборство, это была привычка, впитанная со времён небогатого детства и закреплённая при английском пуританском дворе королевы Виктории. Ближайшая подруга императрицы писала, что «воспитанная при небольшом дворе, Государыня знала цену деньгам и потому была бережлива. Платья и обувь переходили от старших великих княжон к младшим»».

Сегодня во многих домах донашивание одежды – требование времени: ничего не остаётся делать, если семья большая, а доход – нет. Но только ли в этом дело?

«Традиция донашивания одежды поможет научиться разумному и бережному отношению к вещам, а через это – и ко всему окружающему миру, – считает отец Стефан. – Кроме того, это развивает в человеке чувство ответственности, так как он должен сохранить одежду в хорошем виде и передать её другому».

С точки зрения психолога Татьяны Воробьёвой, это воспитывает в человеке скромность и привычку заботиться о других. А отношение к такой традиции – чувство стыда и досады или чувство родства, близости и благодарности – целиком зависит от родителей: «Надо правильно преподнести – как дар, подарок, а не как обноски: «Какой заботливый у тебя брат, какой молодец! Смотри, он аккуратно ботинки носил, чтобы они тебе достались, когда придёт твой день. Вот он пришёл!» Когда мы отдаём часы золотые – это очень значимо, а когда отдаём хорошие ботинки, которые берегли, бумажкой проложили, промазали, прочистили, – разве это не является даром? Можно сказать, допустим, так: «В этих ботинках Андрюшка наш бегал, а теперь, сынуля, ты будешь бегать! И, может, от тебя они кому-то достанутся – ты их береги». Тогда не возникнет ни пренебрежения, ни брезгливости, ни чувства своей ущербности».

Традиция 15. СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ

Знакомиться друг с другом самостоятельно, по своему желанию было официально разрешено молодым людям только во времена Петра I. До этого всё, что касается рождения новой семьи, было строго регламентировано и загнано в рамки десятков обычаев. Сегодня осталось их бледное подобие, но вот пословица «Быть на свадьбе, да не быть пьяну – грешно», увы, в умах многих людей по-прежнему сидит глубоко.

Есть смысл соблюдать свадебные традиции, если да, то какие?

«Христианин всегда должен серьёзно относиться к тому, чем он наполняет свою жизнь, – рассуждает отец Стефан. – Свадебных традиций очень много, среди них есть как языческие, так и христианские, как приличные, так и очень плохие... Уважая традиции, важно соблюсти баланс, помнить, что брак – это, в первую очередь, Таинство, а не череда исполняемых обычаев».

Пожалуй, мало кто пожалеет ушедшую в прошлое традицию валять тёщу в грязи на второй день свадьбы. Но над возрождением таких забытых обычаев, как помолвка, обручение (договор, предваряющий по времени венчание), стоило бы задуматься.

«При этом вряд ли стоит возрождать обручение в качестве просто красивого обычая – надеть кольца и дать обет верности, – считает отец Стефан. – Дело в том, что обручение в церковном праве по обязательствам приравнивается к браку. Поэтому всякий раз вопрос об обручении должен решаться индивидуально. Сегодня и с венчанием немало трудностей, а если людям предложить ещё и обручение... Встаёт вопрос: а не будет ли это наложением на людей «бремён неудобноносимых»?»

Осторожно, без фанатизма относиться к свадебным традициям советует и Татьяна Воробьева: «Муж и жена берут на себя

в этот день тяжелейший крест ответственности друг за друга, терпения слабостей, усталости друг друга, иногда – непонимания. Поэтому единственная бесспорная свадебная традиция, на мой взгляд, – родительское благословение на брак. И в этом смысле старинный обычай дарить молодой семье икону – обычно это венчальные иконы Господа и Богородицы как знак благословения, – конечно, имеет глубокий смысл».

По мнению психолога, главное напутствие, которые родители должны донести до молодожёнов, – это принятие родителями их как мужа и жены. Дети должны знать, что с момента свадьбы родители не будут их разделять, разбираться, кто прав, кто виноват, а приложат все усилия, чтоб сохранить их союз. Такой подход рождает доверие молодой семьи к своим родителям и помогает осознать себя единым целым, неразделяемым.

«Ворчание, ропот отца или матери, такое «благородное проклятие» ещё не родившейся семье – это самое страшное, что может быть! – считает Татьяна Воробьева. – Наоборот, молодые супруги должны почувствовать, что родители воспринимает их единым целым. И, допустим, при какой-то размолвке в семье свекровь не станет осуждать невестку, говорить: «Мой сыночек самый лучший, он прав!»»

Традиция 16. РОДИТЕЛЬСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Будущий преподобный Сергей Радонежский не ослушался родителей, когда те не благословили его уходить в монастырь, пока они не умрут. А вот преподобный Феодосий Печерский в монастырь бежал вопреки воле матери, которая его возвращала с пути и даже избивала...

Последнее скорее необычно. «Родительское благословение в воде не тонет, в огне не горит», – подметили наши предки. «Это самое большое наследство, которое роди-

Традиция 17. СЕМЕЙНЫЙ СОВЕТ

тели оставляют своим детям. Поэтому дети должны позаботиться получить его», – объяснял современный афонский подвижник Паисий Святогорец. Однако Церковь не считает, что заповедь «почитай отца и мать» связана для христианина с абсолютным послушанием родителям.

«Печально, но на протяжении веков эта заповедь воспринималась на Руси таким образом, что родители считались чуть ли ни хозяевами детей, и любое непослушание смело приравнивалось к непочтительности. На самом деле в Новом Завете есть слова, делающие эту заповедь взаимной: «И вы отцы не раздражайте чад своих...», – рассуждает отец Стефан, поясняя: – Родительское желание поступить так, как им кажется верным, должно быть уравновешено желанием и свободой детей: необходимо стараться прислушиваться друг к другу и всё делать не из эгоистических желаний, но с рассуждением».

Сегодня принято, скорее, самостоятельно выбирать свой путь: например, просто ставить отца и мать в известность о предстоящем браке. Не умер ли институт родительского благословения – хотя бы на брак?

«Благословение родителей в любые времена очень важно. Это свидетельство того, насколько отец и мать значимы для своих детей, – считает психолог Татьяна Воробьева. – Причём речь не об авторитарности родителей, а об их авторитете, то есть о доверии детей своим родителям. А уж это доверие – следствие правильного воспитания».

Со стороны детей послушание родителям, по мнению психолога, свидетельствует о личностной зрелости человека.

Однако, замечает Татьяна Владимировна, родители бывают разные, мотивы бывают разные: «Любить можно слепой, унижающей любовью, например когда мать дерзает выбирать жену для сына исходя из своих корыстных мотивов. Поэтому родители должны помнить: дети – не наша собственность, они даны нам «взаймы», их надо «вернуть» Творцу».

«У вас может быть тысяча советчиков извне, но решение семья должна принимать сама и сообща», – уверена Татьяна Воробьева.

Во-первых, тут высказываются все – искренне, нелицемерно, учитывается мнение всех членов семьи, а значит, каждый чувствует себя значимым, каждый имеет право быть услышанным.

Во-вторых, очень важен навык выработки единого мнения: мы высказываемся, слушаем, оппонируем друг другу и таким образом находим единственно правильное решение.

«Такой подход не даёт повода потом обвинять друг друга: «А это ты так решила!» Как, например, часто говорят матери: «Это ты так воспитала детей!» Простите, а где в этот момент были вы?..»

Если прийти к единому мнению не получается, то решающее слово может оставаться за главой семьи. «Но тогда, – предупреждает Татьяна Воробьева, – это слово должно быть столь веским, столь аргументированным или построенным на таком высоком доверии, что не вызовет ни у кого ни малейшего сомнения или недовольства! А приведёт к соподчинению по доверию главе семьи».

ТРАДИЦИЯ ПАТРИАРХА

Во времена, когда ещё не было Интернета и бумажные книги очень ценились, существовала традиция сбора семейных библиотек. Такая библиотека, причём наверняка большая, была и в доме будущего Патриарха Кирилла. Вот как он вспоминает о ней: «Отец наш (Михаил Васильевич Гундяев – *Ред.*) был книголюбом. Мы жили очень скромно, в коммунальной квартире, но папа сумел собрать прекрасную библиотеку. Она насчитывала более трёх тысяч томов. В юности я прочитал то, что большинству наших сограждан стало доступ-

ным только уже в период перестройки и в постсоветское время. И Бердяева, и Булгакова, и Франка, и замечательные творения нашей русской религиозной и философской мысли начала XX века. И даже парижские издания».

Кстати, мало кто знает, что в каждый свой визит в Санкт-Петербург Святейший обязательно оставляет время, чтобы посетить могилы родителей. Вот как рассказывает об этой традиции пресс-секретарь Патриарха диакон Александр Волков: «Патриарх всегда в Питере заезжает на кладбища, чтобы помянуть родителей <...>. Всегда – это значит совсем всегда, каждый раз. И это, конечно, остав-

ляет очень сильное чувство – кем родители были для Патриарха, насколько он их любил, что они сделали для него в жизни и насколько он им благодарен. И всегда задумываешься – как часто ты сам бываешь на могилах своих родственников (а он при возможности кроме могил родителей посещает ещё несколько мест захоронений родственников, просто мы об этом не сообщаем). В общем – очень поучительный пример отношения к почившим родным даёт Патриарх. И надпись на венке – «Дорогим родителям от любящего сына» – совершенно неформальная».

Дарья Баринова.

Геннадий Снегирёв,
писатель

О замечательном детском писателе

Геннадий Снегирёв, писатель-природовед, классик познавательной литературы, на самом деле – настоящий поэт. Родство с поэзией – глубинное, заключённое в поэтическом восприятии мира. Нет в нашей детской литературе произведений столь кристальной чистоты и трогательной прозрачности, как у Снегирёва. Короткие истории, написанные простым, лаконичным, выразительным языком, открывают огромное пространство для воображения, дают возможность, как говорил сам писатель, додумывать. Он рассказывает об увиденном так интересно и свежо, что сердце ребёнка отзывается.

Геннадий Яковлевич Снегирёв родился в 1933 году в Москве, на Чистых прудах. В годы войны, то есть с самого детства, ему пришлось зарабатывать на жизнь: семью эвакуировали в Самарскую область, в деревню под Чапаевском. Там мальчик-подпасок

впервые так близко увидел жизнь природы и навсегда был покорён красотой приволжских степей. Вернувшись в Москву, он недолго учился в школе и ремесленном училище. Случайно нашёл работу на кафедре ихтиологии биологического факультета МГУ, где и получил главное образование – в общении со старыми интеллигентами, учёными, мудрецами, знатоками всего на свете. Один из них, знаменитый полярный лётчик, Герой Советского Союза, профессор Владимир Дмитриевич Лебедев помог юноше осуществить детскую мечту – стать путешественником. Не теряться, не отчаиваться, не отступать перед трудностями – эту науку он усвоил крепко.

В молодости писатель занимался боксом. Однажды он вышел на бой, будучи больным ангиной, и получил тяжёлое осложнение на сердце. Врачи настояли соблюдать постельный режим и не тревожить осла-

бленный организм. Прележав так два года, Снегирёв не выдержал – нанялся лаборантом на научно-исследовательское судно «Витязь» и отправился изучать глубоководных рыб Курило-Камчатского жёлоба (до 1950-х годов – впадина Тускарора). И болезнь отступила! А из новых путешествий он привёз огромный материал для будущих книг.

Где только не побывал Снегирёв! В тайге и в тундре, во льдах Антарктиды и в песках пустыни, на берегах и в глубинах морей-океанов, в чаще леса – везде его ждали встречи с замечательными героями. Он участвовал в геологических и археологических экспедициях, кочевал с оленеводами, был егерем в заповеднике... И как истинный натуралист внимательно изучал мир природы.

Первоосновой текстов Снегирёва были его устные рассказы, отсюда их музыкальность и звуковое совершенство. Сначала они были прочитаны по радио, а ско-

ро вышла и первая книга – «Обитаемый остров» (1954). Теперь его истории изданы миллионными тиражами, на них выросло несколько поколений читателей, а они всё так же покоряют естественностью и тонкостью изображения живого мира.

Писатель смотрит на мир глазами удивлённого, восхищённого, искреннего ребёнка. Он сочувствует необычной белой собаке – оленю видит её издали и разбегаются: «Мне всё равно эту собаку было жалко: чем она виновата, что белая». Он радуется за пингвинёнка, который преодолевает страх и, зажмурившись, впервые прыгает со скалы в воду. А оленя жалеет, описывая его, как человека: «А глаза у оленей добрые и печальные».

Каждая книга Снегирёва даёт новое знание, заставляет переживать и решать вопросы нравственные – приводит к размышлениям о деятельном участии человека в сохранении Земли, нашего общего дома.

Ольга Корфф.

Геннадий СНЕГИРЁВ

Кедр

В детстве мне подарили кедровую шишку.

Я любил брать её в руки и рассматривать и всё удивлялся, какая она большая и тяжёлая – настоящий сундучок с орехами.

Через много лет попал я в Саяны и сразу отыскал кедр.

Растёт он высоко в горах, ветры его набок клонят, стараются к земле пригнуть, скрючить.

А кедр вцепился корнями в землю и тянется всё выше и выше, весь косматый от зелёных веток.

На концах веток кедровые шишки висят: где три, а где сразу и пять. Орешки ещё не поспели, но много вокруг зверьков и птиц живёт.

Кедр их всех кормит, вот они и ждут, когда поспеют орешки.

Белка свалит шишку на землю, вынет орешки, да не все – один да останется. Этот орешек утащит к себе в норку мышь. Она по деревьям лазить не умеет, а орешков ей тоже хочется.

Синицы весь день прыгают на кедре. Издалека послушаешь – весь кедр щебечет.

Осенью ещё больше зверьков и птиц на кедре живёт: кедровки, бурундуки сидят на ветках. Зимой голодно, вот они и прячут кедровые орешки под камни и в землю зарывают про запас.

Когда начнут падать с неба первые снежинки, на кедре совсем не останется шишек.

А кедру не жалко. Стоит он весь живой и тянется зелёными ветками всё выше и выше к солнцу.

Слон

В апреле Таня с мамой пошли в зоопарк.

В пруду плавали дикие гуси, лебеди. А одна утка – мандаринка, жёлтая, как мандариновая корочка, – подошла к решётке и закричала. Она просила у Тани кусочек хлеба.

В другой клетке бегал шакал. Он линял, и рыжая шерсть на нём висела клочьями. Шакал был похож на простую дворняжку и немножко на лисицу.

Больше всего Тане понравились лохматые яки. Шерсть у них волочилась по земле, как щётка; на спине горб, жуют сено и смотрят на всех сердито.

В соседней клетке павлин распустил свой хвост. Какой-то мальчик просунул руку и хотел вырвать у павлина из хвоста перо. Павлин закричал, сложил хвост и убежал к себе в домик. Все засмеялись, а один старичок сказал мальчику:

– Если каждый будет у павлина перья рвать...

В клетке, где живут бобры, никого не было. Таня долго стояла, ждала, может, бобёр из норы вылезет, но так и не дождалась. Бобры днём не вылезают.

А в одной клетке было совсем темно. Таня думала, что там никого нет, присмотрелась – в темноте горят два жёлтых глаза. Это был филин.

Таня испугалась, и они с мамой поскорей пошли к слону.

Слон жил в большом доме со ступеньками, внутри было жарко, темно и пахло как в сарае, где живут коровы.

Слон обедал. Сторож навалил ему целую копну сена и принёс ведро моркови. Слон осторожно понюхал хоботом морковку и отправил её в пасть. Сначала он съел всю морковь, а потом принялся за сено.

Сторож стал выметать остатки сена, а слон прижимал его к стене. Он у него просил моркови.

– Ну, ну, не балуй! – закричал сторож и ударил слона метлой.

Слон свернул хобот и отошёл.

Таня возвращалась с мамой домой.

– Почему слона не выпускают в садик? Ему хочется на солнышке погулять.

– Слон старый, а в саду холодные лужи. Он промочит ноги и простудится, – сказала мама.

– А как же яки?

– Яки живут высоко в снежных горах, они привыкли к холоду. А слон родился в Индии, где всегда тепло.

Таня каждое утро подходила к окну и смотрела: есть ли ещё на дворе лужи.

И однажды в мае, когда распустились на чёрных деревьях зелёные листочки, земля подсохла и во двор прилетела бабочка-крапивница, Таня закричала:

– Мама, мама, слон уже гуляет!

Верблюжья варезка

Вязала мне мама варезки, тёплые, из овечьей шерсти.

Одна варезка уже готова была, а вторую мама до половины только связала – на остальное не хватило шерсти. На улице холодно, весь двор замело снегом, гулять меня без варезек не пускают – боятся, что отморожу руки. Сажу я у окна, смотрю, как синицы прыгают на берёзе, ссорятся: навер-

ное, не поделили жучка. Мама сказала:

– Подожди до завтра: утром пойду к тётке Даше, попрошу шерсти.

Хорошо ей говорить «до завтра», когда я сегодня гулять хочу! Вон со двора к нам дядя Федя, сторож, идёт без варезек. А меня не пускают.

Вошёл дядя Федя, снег веником отряхнул и говорит:

– Мария Ивановна, там дрова на верблюдах привезли. Будете брать? Хорошие дрова, берёзовые.

Мама оделась и пошла с дядей Федей смотреть дрова, а я выглядываю из окошка, хочу увидеть верблюдов, когда они выезжать будут с дровами.

С одной подводы дрова выгрузили, верблюда вывели и привязали у забора. Большой такой, лохматый. Горбы высокие, как кочки на болоте, и набок свешиваются. Вся морда верблюда покрыта инеем, и губами он что-то всё время жуёт – наверное, хочет плюнуть.

Смотрю я на него, а сам думаю: «Вот у мамы шерсти на варежки не хватает – хорошо бы остричь верблюда, только немножко, чтобы он не замёрз».

Надел я быстро пальто, валенки. Ножницы в комод нашёл, в верхнем ящике, где всякие нитки, иголки лежат, и вышел во двор. Подошёл к верблюду, погладил бок. Верблюд ничего, только косится подозрительно и всё жуёт.

Залез я на оглоблю, а с оглобли сел верхом между горбами.

Повернулся верблюд посмотреть, кто там копошится, а мне страшно: вдруг плюнет или сбросит на землю. Высоко ведь!

Достал я потихоньку ножницы и стал передний горб обстригать, не весь, а самую

макушку, где шерсти больше.

Настриг целый карман, начал со второго горба стричь, чтобы горбы были ровные. А верблюд ко мне повернулся, шею вытянул и нюхает валенок.

Испугался я сильно: думал, ногу укусит, а он только полизал валенок и опять жуёт.

Подравнял я второй горб, спустился на землю и побежал скорей в дом. Отрезал кусок хлеба, посолил и отнёс верблюду – за то, что он мне дал шерсти. Верблюд сначала соль слизал, а потом съел хлеб.

В это время пришла мама, дрова выгрузила, второго верблюда вывели, моего отвязали, и все уехали.

Мама меня дома бранить стала:

– Что же ты делаешь? Ты же простынешь без шапки!

А я правда забыл надеть шапку. Вынул я из кармана шерсть и показал маме – целая куча, совсем как овечья, только рыжая.

Мама удивилась, когда я ей рассказал, что это мне дал верблюд.

Из этой шерсти мама напряла ниток. Целый клубок получился, варежку довязать хватило и ещё осталось.

И теперь я хожу гулять в новых варежках.

Левая – обыкновенная, а правая – верблюжья. Она до половины рыжая, и когда я смотрю на неё, то вспоминаю верблюда.

Ворон

Весной в горах лежит снег, и цветут эдельвейсы, и голубое перо сойки мелькает в зелёных кедрах. И солнце здесь светит ярче, чем внизу в долине.

Чёрный ворон молча облетает горы. Далеко слышен шум его крыльев, даже горный ручей не может их заглушить. Медленно летит ворон от одной вершины к другой: нет ли где больного зайчонка? Или, может, маленький куропчонок отстал от матери?

Притаился в траве зайчонок, куропчонок ещё крепче прижался к земле. Все боятся ворона, даже олень вздрагивает от его карканья и тревожно озирается вокруг.

Ворон возвращается ни с чем: он очень стар. Он сидит на скале и греет больное крыло. Ворон отморозил его лет сто, а может, и двести назад. Кругом весна, и он совсем один.

Ночные колокольчики

Мне очень хотелось увидеть оленя: рассмотреть, как он ест траву, как стоит неподвижно и прислушивается к лесной тишине.

Однажды я подошёл к оленихе с оленёнком, но они почуяли меня и убежали в красные осенние травы. Я узнал это по следам: следы в болоте на моих глазах наполнялись водой. Слышал, как трубят олени по ночам. Где-нибудь далеко протрубит олень, а по реке доносит эхом, и кажется – совсем рядом.

Наконец в горах я набрёл на оленью тропу. Олени протоптали её к одинокому кедру. Земля у кедра была солёная, и олени приходили ночью лизать соль.

Я спрятался за камнем и стал ждать. Ночью светила луна и был мороз. Я задремал.

Проснулся я от тихого звона. Как будто звенели стеклянные колокольчики. По тропе мимо меня шёл олень. Я так и не рассмотрел оленя, только слышал, как с каждым шагом звенела земля у него под копытами.

За ночь от мороза выросли тонкие ледяные стебельки. Они росли прямо из земли. Олень разбивал их копытами, и они звенели, как стеклянные колокольчики.

Когда взошло солнце, ледяные стебельки растаяли.

Весной

На дворе шёл снег, было холодно.

Но я знал, что в Казахстане сейчас весна. И так мне захотелось увидеть, что делается там весной, что я пошёл на вокзал, купил билет и поехал.

Сначала поезд мчался среди лесов. И вечером закат был багровым от мороза.

На Волге мокрый ветер качал деревья, грачи уже прилетели и ходили по полям.

В Казахстане снег лежал в ямках около телеграфных столбов.

Весенний верблюд нюхал рельсы и линял. А на одной станции продавали кисель, и дикие осы садились на руки, и в степи родился голубой верблюжонок, слабенький и слепой.

Я спросил казаха, когда у верблюжонка глаза откроются.

– Как откроются, его в сарае запрут, – сказал он.

Я удивился:

– Он, наверное, погулять захочет?

– Нельзя ему погулять, – вздохнул казах и рассказал, что у верблюжонка кожа на

пяточках ещё нежная, а в степи скорпионы под камнями притаились, и змеи, и ядовитый паук каракурт. И все они только и ждут, чтоб верблюжонок в степь убежал.

Поезд поехал дальше.

Я стоял у окна, думал: змею увижу или скорпиона. Но так и не увидел.

Только на повороте увидел я, как мчится паровоз, а впереди, около рельсов, стоят жёлтые столбики. Вот-вот налетит паровоз на столбик... И вдруг столбик катится в степь. Это суслики. Они свою храбрость показывают.

Огромное железное чудовище несётся на суслика, а он стоит, лапки прижал к груди и не шевелится.

Колёса гремят всё ближе: тук-тук, тук-тук!! И сердце у суслика от страха: тук-тук, тук-тук, тук-тук!

Наконец не выдерживает и с визгом – назад в норку. Там его ждёт невеста.

А вот и горы показались.

Тюльпаны захлестнули всё. Ветерок их покачивает, они волнами переливаются,

то розоватые, то совсем как огонь, а вон жёлтая полоса пробилась...

Жаворонок чёрный на камушке сидит.

Вот он взвился и поднимается всё вверх, всё вверх и весь дрожит, трепыхается от песен. А солнце так и жжётся, так и палит.

Бабочка на снегу

Когда я вышел из избушки, то ружьё зарядил мелкой дробью. Думал, рябчика встречу – подстрелю на обед.

Тихо иду, стараюсь, чтобы снег под валенками не скрипел. Вокруг ёлки мохнатым инеем покрыты, как бородой.

Вышел я на полянку, смотрю – впереди под ёлкой что-то чёрненькое. Поближе подошёл – а это коричневая бабочка сидит на снегу.

Вокруг сугробы намело, мороз трещит – и вдруг бабочка!

Повесил я ружьё на плечо, снял шапку и стал ещё ближе подходить, хотел её накрыть шапкой.

И тут снег у меня под ногами взорвался – порх-порх! – и три рябчика вылетели.

Пока я снимал ружьё, они скрылись в ёлках. Остались от рябчиков только ямки на снегу.

Походил я по лесу, искал, да разве теперь их найдёшь.

Притаились на ёлках, сидят и надо мной смеются.

Как это я рябчинный хохолок за бабочку принял?

Это же рябчик высунул головку из-под снега, чтобы за мной подглядывать.

В другой раз не буду зимой бабочек ловить.

Обитаемый остров

В океане много маленьких островков. Некоторые ещё на карту не занесены, только что родились.

Одни островки под водой исчезают, а другие появляются.

Наш корабль шёл в открытом океане. И вдруг из воды торчит скала, об неё бьются волны.

Это верхушка подводной горы показалась над водой.

Корабль развернулся и стал у островка, покачивается на волнах. Капитан приказал спустить на воду шлюпку.

– Это, – говорит, – необитаемый остров, надо его разведать.

Высадились мы на него. Островок как островок, ещё даже мхом не успел зарости, одни голые скалы. Я когда-то мечтал на необитаемом острове пожить, только не на таком.

Хотел я уже возвращаться к шлюпке, смотрю: трещина в скале, а из трещины торчит

птичья голова и на меня смотрит. Подошёл я поближе, а это кайра. Снесла яйцо прямо на голый камень и сидит на яйце, ждёт, когда выклюнется птенчик. Я её потрогал за клюв, она не боится, потому что не знает ещё, что за зверь такой – человек.

Страшно ей, наверное, одной жить на островке. В сильный шторм волны и до гнезда дохлёстывают.

В это время с корабля стали давать гудки, чтоб возвращались на корабль.

Попрощался я с кайрой и пошёл к шлюпке.

Когда на корабле капитан про остров спросил, живёт ли кто на нём, я сказал, что живёт.

Капитан удивился:

– Как же так? Этого острова ещё на карте нет!

– Кайра, – говорю, – не спрашивала, есть он на карте или нет, поселилась – и всё; значит, остров этот уже обитаемый.

Хитрый бурундук

Построил я себе в тайге чум. Это не домик и не лесной шалашик, а просто длинные палки вместе сложены. На палках лежит кора, а на коре – брёвнышки, чтобы куски коры не сдуло ветром.

Стал я замечать, что кто-то в чуме оставляет кедровые орешки.

Я никак не мог догадаться, кто же без меня в моём чуме орешки ест. Даже страшно стало.

Но вот раз подул холодный ветер, нагнал тучи, и днём стало совсем темно.

Залез я поскорее в чум, а место моё уже занято.

В самом тёмном углу сидит бурундук. У бурундука за каждой щекой по мешочку с орехами.

Толстые щёки, глаза щёлочками. Смотрит

он на меня, боится орешки на землю выплюнуть: думает, что я их украду.

Терпел бурундук, терпел да и выплюнул все орешки. И сразу щёки у него похудели.

Я насчитал на земле семнадцать орешков. Бурундук сначала боялся, а потом увидел, что я спокойно сижу, и стал рассовывать орешки по щелям и под брёвнышки.

Когда бурундук убежал, посмотрел я – всюду орешки напиханы, крупные, жёлтые. Видно, бурундук в моём чуме устроил кладовую.

Какой хитрый этот бурундук! В лесу белки да сойки все орешки у него растащат. А бурундук знает, что в мой чум ни одна сойка-воровка не полезет, вот и притащил ко мне свои запасы. И я уже не удивлялся, если находил в чуме орешки. Я знал, что со мной живёт хитрый бурундук.

Российская империя в цвете

Когда речь заходит о дореволюционной России, мы неизменно представляем её в чёрно-белых тонах, так как основная часть фото- и кинохроники той поры были лишены цветопередачи.

Но именно тогда жил и творил человек, посвятивший себя и свой талант грандиозной цели – запечатлеть «в натуральных красках» всю красоту и богатство великой страны под названием Российская империя.

Его богатейшее наследие – первая в мире коллекция цветных фотографий России начала XX века, представляющая собой уникальный объект культурного достояния всего человечества. Создатель этой бесценной сокровищницы – русский изобретатель, фотограф, издатель, общественный деятель и педагог Сергей Михайлович Прокудин-Горский.

Сергей Михайлович Прокудин-Горский, с точки зрения прагматиков как века минувшего, так и нынешнего, был, мягко говоря, человеком странным. Окончив привилегированный Александровский (Царскосельский) лицей, он мог достичь высоких чинов и должностей. Добросовестное изучение химии в Санкт-Петербургском университете позволяло ему сосредоточиться на изобретательстве в области фото- и кинотехники, что в те годы гарантировало коммерческий успех.

В конце концов, профессиональное занятие цветной фотографией, чему Прокудин-Горский посвятил всю свою жизнь, могло бы сделать его очень богатым человеком. На съёмках одних парадных портретов сановных лиц, купцов и промышленников он мог бы сколотить целое состояние. Это не говоря уже о таких высокодоходных занятиях, как реклама или полиграфическое производство.

Однако С. М. Прокудин-Горский поставил перед собой совсем иную задачу:

Сергей Михайлович Прокудин-Горский, русский изобретатель, пионер цветной фотографии в России

посредством цветной фотографии запечатлеть облик современной ему России – исторические места, памятники архитектуры, типы жителей и, наконец, живописные виды. Следующим этапом должна была стать широкая демонстрация полученного изобразительного материала по всей стране.

«Цель моей работы, – пояснял Сергей Михайлович, выступая в 1912 году на Всероссийском съезде художников, – дать возможность наглядным обучением школе и народу ознакомиться со своим государством, – знать его промышленность, кустарную и в широком смысле, – народности и т.д. Понятно, знание своей роди-

ны – это первая задача каждого живущего в государстве человека».

В качестве своеобразного реверанса в адрес весьма специфической аудитории Прокудин-Горский сделал оговорку:

«Я не претендую на звание художника, я человек науки. <...> Я езжу по всей России и делаю снимки, руководствуясь указаниями и этнографов, и художников, и главным образом местных людей, которые знают своё место больше, чем кто-либо: я воспроизвожу всё древнее, всё интересное в том или ином отношении. Работа длится 7-8 месяцев в году подряд».

Технологию его метода цветной съёмки описала в доступной форме биограф и внучка Сергея Михайловича – Наталья Андреевна Нарышкина-Прокудина-Горская в своей книге «Человек, который шёл быстро»: «Принцип цветной фотографии, разработанный Сергеем Михайловичем, состоял в следующем: на одном продолговатом стеклянном чёрно-белом негативе, чувствительном ко всем цветам спектра, изготовленном по его собственному патенту, он делал своей камерой три одинаковых снимка с одного и того же объекта.

Затем каждый из трёх чёрно-белых снимков пропускал через три дополнительных светофильтра. Прибор его изобретения проектировал синие, красные и желтые изображения в «совершенном совмещении» всех деталей.

По сравнению с немецким ученым Адольфом Мите метод С. М. Прокудина-Горского отличался в десятки раз меньшей выдержкой, большей светочувствительностью пластины, а также её чувствительностью ко всем цветам спектра.

С негативов он делал стеклянные чёрно-белые диапозитивы, которые проектировал на экран, также пропуская их через светофильтры».

Поставленную перед собой задачу Прокудин-Горский поначалу попытался осуществить, опираясь лишь на собственные силы. В 1905 году он заключил договор с Комитетом Красного Креста на фотогра-

фирование видов России с целью выпуска на их основе серии цветных открыток. Полученного аванса хватило, чтобы произвести съёмки в Крыму, Малороссии и на Кавказе, но из-за начавшейся революции чиновники Красного Креста отказались от полной оплаты проделанной работы.

Положение изменилось коренным образом, когда работами Сергея Михайловича заинтересовалась царская семья. Согласно семейной хронике, приведённой в книге «Человек, который шёл быстро», демонстрация цветных диапозитивов состоялась в Царском Селе зимой 1909 года и была более чем успешной:

«Царь пожал ему руку ещё раз и вновь напомнил, чтобы он обратился к Министру транспорта.

В полночь, после отъезда Царской семьи, Сергея Михайловича окружили Члены Императорского Двора, чтобы его поздравить».

С этого момента Прокудин-Горский из энтузиаста-одиночки превратился в особу, выполняющую личное распоряжение императора. Министр путей сообщения С. В. Рухлов, ставший его куратором, выделил фотографу персональный пудмановский вагон, в котором была оборудована походная лаборатория. Для передвижения по рекам МПС предоставляло в распоряжение Прокудина-Горского пароходы.

Официальный статус, подкреплённый соответствующими документами, также позволял Сергею Михайловичу производить съёмку без дополнительных согласований с местными властями. Наш современник, привыкший пускать в ход фотоаппарат своего гаджета в любом месте, может не поверить, но это факт: по законам Российской империи фото- и киносъёмку на улицах городов можно было производить, только получив особое разрешение от местных властей, а монастырей и храмов – «благословение» от церковных иерархов. Воспоминания о том, как сильно это ограничивало работу фотографа, отразились в семейной хронике Прокудиных-Горских:

«Царь и его чиновники контролировали территории России, которые были закрыты даже для российских граждан.

Из-за того что фотографирование было официально запрещено во многих местах, большая часть того, что Сергей Михайлович намеревался снять, «была за пределами»<...>

И что особенно ему досаждало: это слежка, проводимая филёрами полиции, которые своим долгом считали усиливать свои ограничения».

Распоряжением императора все препоны были сняты, и в жизни С. М. Прокудина-Горского начался период плодотворной работы. Он занимался тем, к чему стремился всей душой, приближая каждым новым снимком реализацию своей мечты.

Однако в России недаром появилась поговорка «Жалует царь, да не жалует псарь». Не решившись обговорить с императором финансовый вопрос, Сергей Михайлович так и остался его заложником, хотя объём проделанный им работы поражает – и количеством фотографий, и протяжённостью поездок по стране ради этих снимков. В литературе, посвящённой его творчеству, упоминается, что в 1913 году у него было уже 3350 негативов, 1000 позитивов для проекции (!), но все переговоры о выкупе коллекции в собственность государства не имели успеха. По всей видимости, из-за того, что все его личные средства были исчерпаны, ему в конечном итоге пришлось остановить съёмки.

Правда, очень скоро это оказалось неважным – началась Первая мировая война. Вагон отобрали под военные нужды, сам фотограф занялся съёмками военных объектов, цензурой иностранных фильмов, обучением лётчиков аэрофотосъёмке

Последняя попытка Прокудина-Горского познакомить широкие народные массы с цвет-

ными видами России провалилась. Организованное им акционерное общество «Биохром» в 1916 году выпустило серию диапозитивов, но из-за бедствий, связанных с войной, спросом они не пользовались.

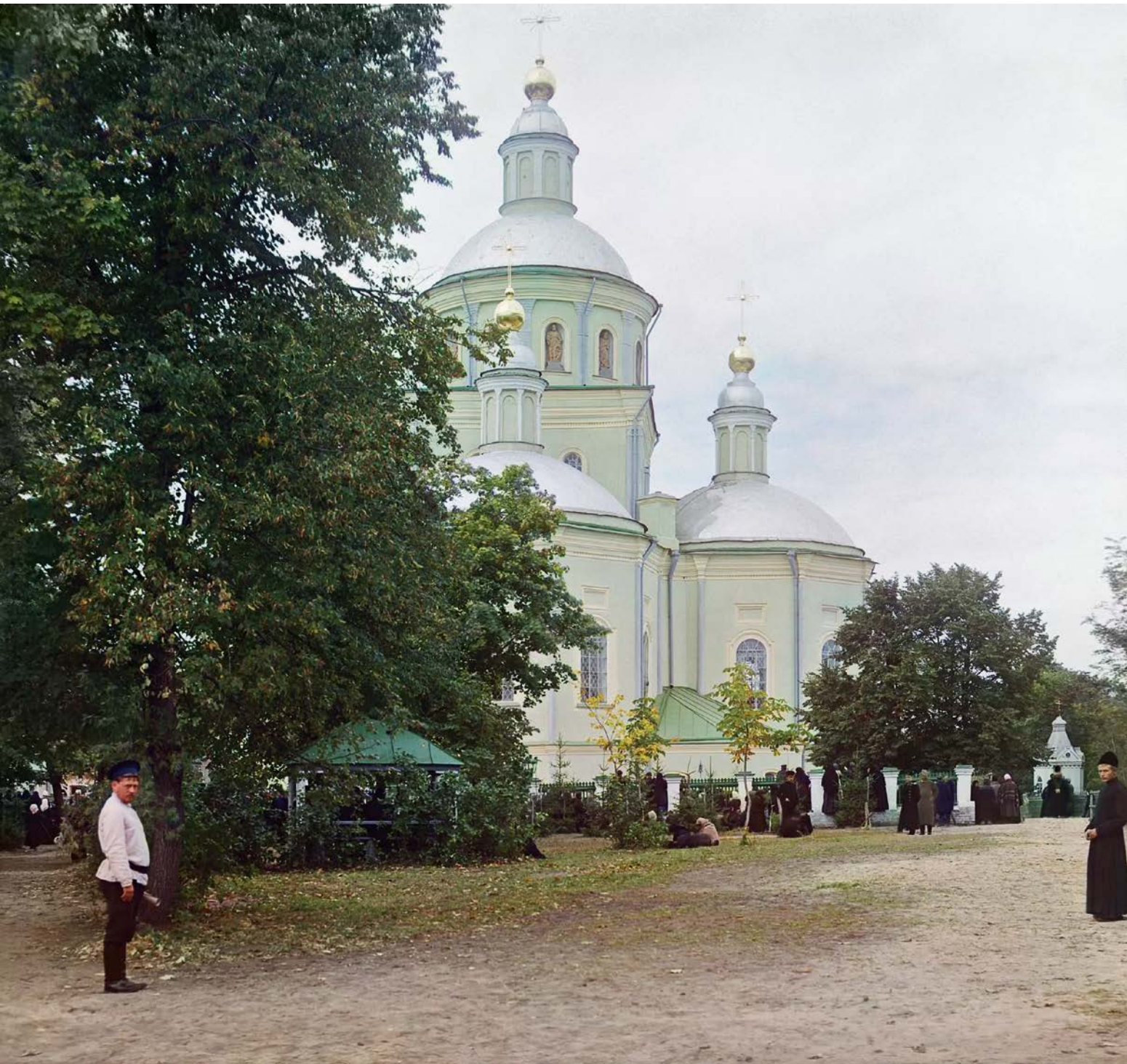
А весной 1917 года для Сергея Михайловича прозвучал «первый звонок»: тот самый народ, который он хотел просветить, демонстрируя виды памятников, начал эти самые памятники разрушать. Сначала стихийно – мол, нечего тут стоять изображениям представителей павшей династии и их прислужников. Затем, с приходом к власти большевиков, избавление от художественного наследия царской власти стало государственной программой.

Летом 1918 года С. М. Прокудин-Горский покинул Россию, увозя с собой бесценную коллекцию снимков (к сожалению, часть её по пути была утеряна). После его смерти в 1944 году в Париже наследники продали собрание Библиотеке Конгресса США. В 2001 году снимки были оцифрованы и выложены в Интернете для общего доступа.

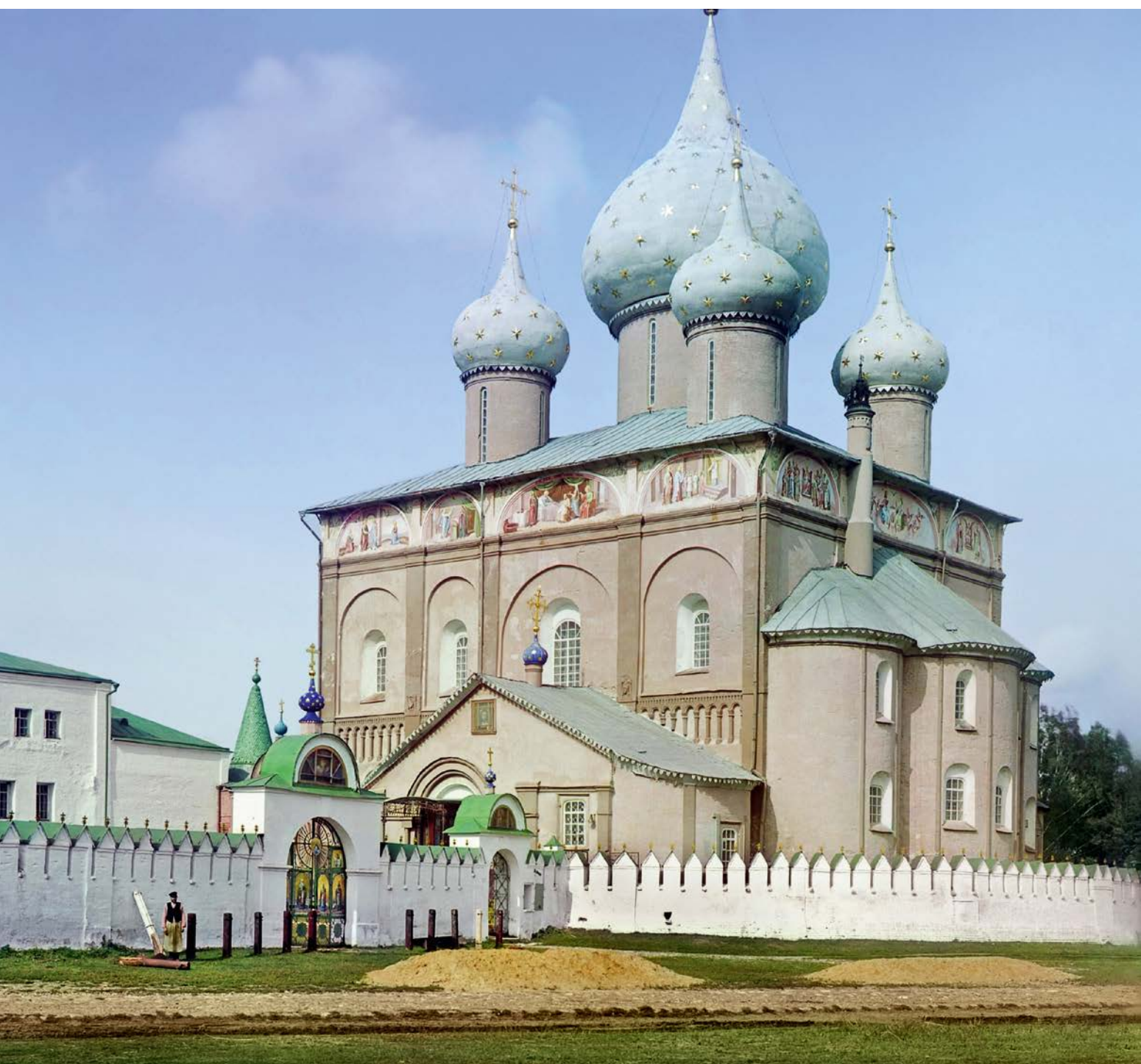
В личном архиве Прокудина-Горского сохранилась его собственноручная записка, которая была опубликована в книге «Достопримечательности России в натуральных цветах: весь Прокудин-Горский». В ней фотограф отметил то, что он успел сделать всего лишь за четыре года труда на благо страны.

Древние говорили: «Feci quod potui faciant meliora potentes» – «Я сделал всё, что смог, пусть те, кто сможет, сделают лучше».

Прошёл век, и стало очевидным, что никто не смог запечатлеть ушедшую в небытие Россию лучше, чем великий русский фотограф Сергей Михайлович Прокудин-Горский. И пусть с запозданием, но вполне заслуженно он получил славу в своём Отечестве.

Троицкий собор Белгородского мужского Свято-Троицкого монастыря. 1911 год.

Суздаль. Собор Рождества Пресвятой Богородицы. 1912 г.

*Вологодская область. Белозерский район. Белозерск.
Группа детей. 1909 год.*

*Вологодская область. Череповецкий район.
Река Шексна. Обед на покосе. 1909 год.*

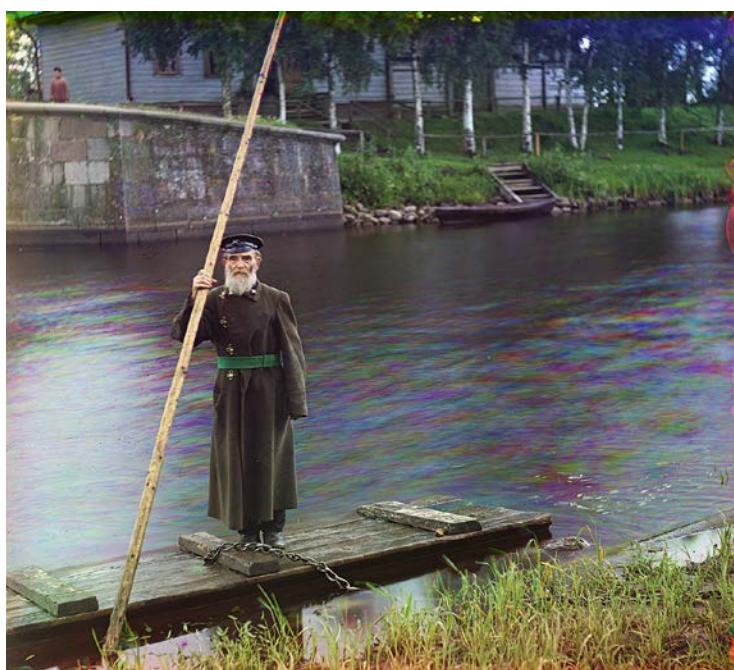
*Часовня в Мятусове.
Река Свирь. 1909 год.*

*Остречины. Река Свирь
(Ленинградская обл.). 1909 год.*

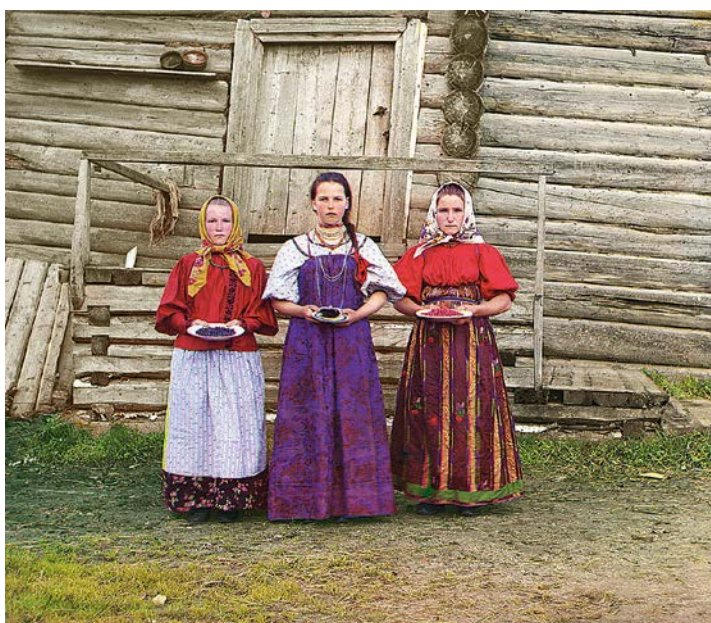
Паровой двигатель Компаунд с супернагревателем Шмидта. 1910 г.

*Пинхус Карлинский, 84 года. 66 лет на службе.
Надсмотрщик Черняховского водоспуска.
Санкт-Петербургская губерния. 1909 г.*

*Тверская губерния. Осташковский уезд.
Деревня Извешово. За пряжей.*

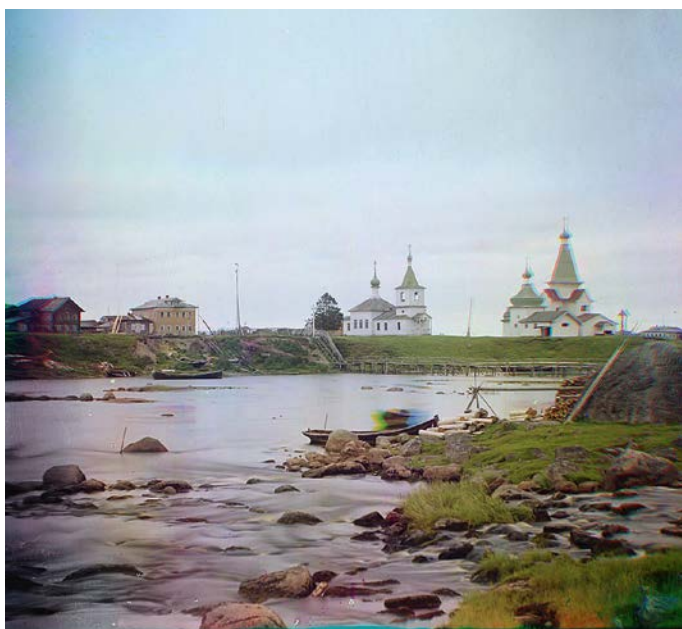
*Крестьянские девушки в Кирилловском уезде,
деревня Топорня. 1909 г.*

Дмитриевский собор. Владимир. 1911 год.

Нилова Пустынь. Вид со стороны деревни Пески. 1910 г.

г. Кемь. Вид на Никольский собор.

*Новгородская губерния. Череповецкий уезд.
Леушинский монастырь. Монастырский сенокос.*

На реке Оредеж, Ленинградская область.

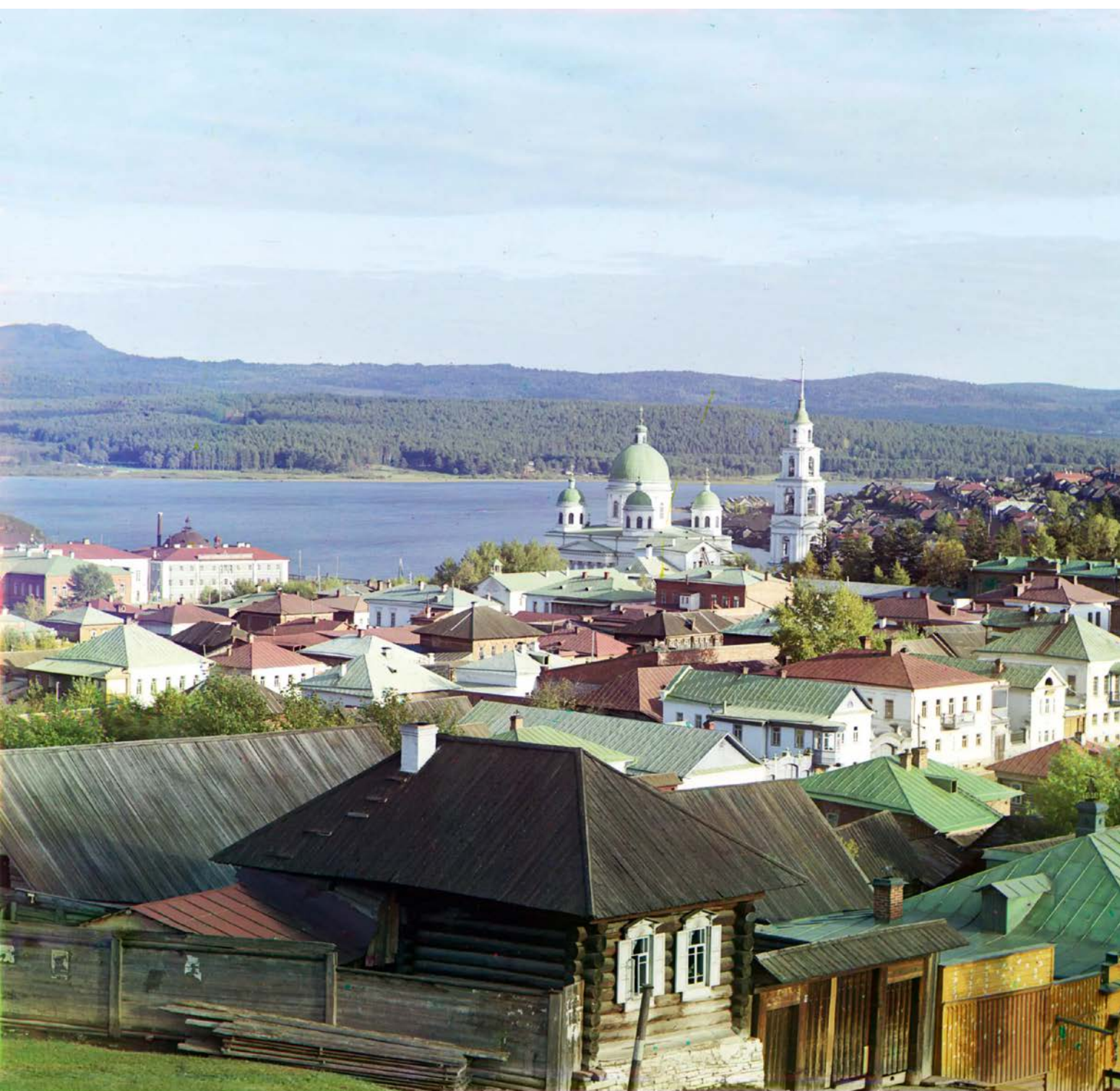
*Тверская губерния. Осташковский уезд.
Сушка сетей на озере Селигер.*

Тобольск с сев.-вост. Вдали видно слияние реки Тобола с Иртышем. 1912 год.

*Три поколения.
1910 г.*

Вид на г. Златоуст с северо-запада. 1909 год.

На острове Капри. 1905 г.

*Лугано.
Швейцария*

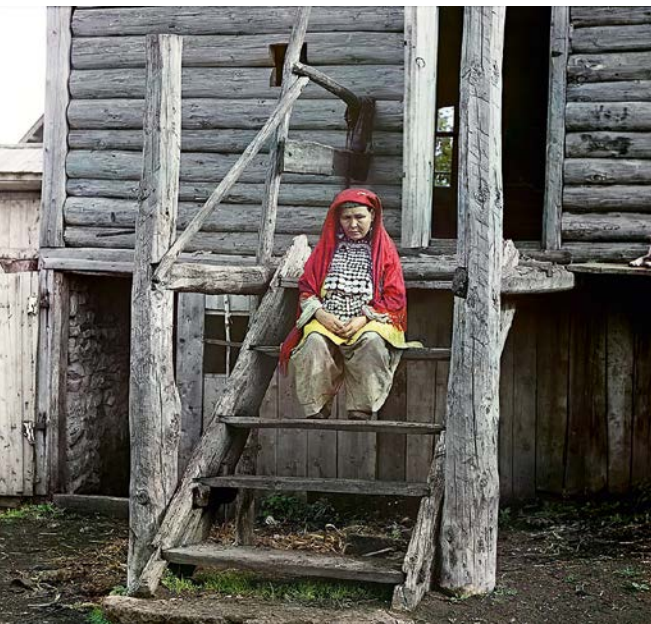
*Олонецкая губерния. Петрозаводский уезд. Река Суна.
Этюд у водопада Кивач.*

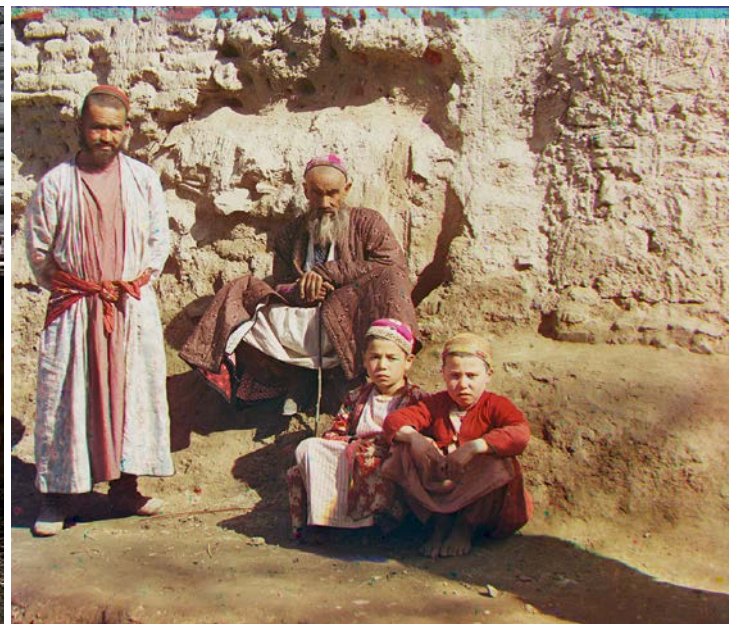
*Бакинская губерния, Джеватский уезд,
Муганьская степь. Изба поселенца
из Харьковской губернии. Графовка.*

Семья близ Байрамали.

Башкирка в национальном костюме. Деревня Эхья Уфимской губернии.

*Типы сартов.
Самарканд. 1911 год.*

По реке Королисцали (Каролисцали), Грузия.

Старинный дом в скале на левом берегу Куры, Грузия. 1912 год.

Бухара. Эмир Бухарский. 1911 г.

Портрет армянки в национальном костюме. 1910 год.

Дагестан.

*Дагестанские типы.
Ок. 1907-1915.*

Река Дрисса. Впадение в Западную Двину. 1912 год.

*Мой прадедушка был на войне!
Он страну от врагов защищал,
И когда всё горело в огне,
Его ангел крылом укрывал.*

*Он героически прошёл всю войну
И с Победой вернулся домой.
Я за мир благодарен ему
И горжусь, что мой прадед – герой!*

*Я ни разу не видел прадеда.
И меня он не видел, не знал.
Но со мной на параде Победы
Он в «Бессмертном полку» прошагал!*

*В День Победы девятого мая
Мы портреты героев несём.
Высоко поднимаем, как знамя,
И во славу им песни поём.*

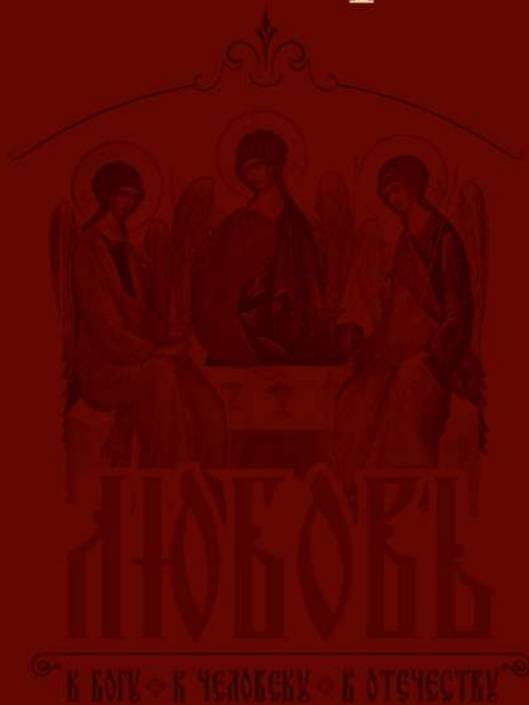
*Они с нами, как будто живые,
Возвратились с великой войны.
Посмотрите, все лица святые
У защитников нашей страны.
Вы запомните – лица святые
У защитников нашей страны!*

Елена Никифорова

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Славян невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет.
Это нерушимое государство русской нации сильно своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей.
Даже самый благополучный исход войны никогда не приведёт к распаду России, которая держится на миллионах верующих русских греческой конфессии.
Эти последние даже если впоследствии международных договоров будут разъединены, они так же быстро вновь соединятся друг с другом, как находят этот путь друг к другу разъединённые капельки ртути.

Отто фон Бисмарк

